РФ
Ф-53
НФ.

Евгеній Филипповичъ.

Проф. Вѣнскаго университета.

Государственная Ордена

РАЗВИТІЕ ИДЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

въ XIX столѣтіи.

6 лекцій.

Переводъ **С. О. Загорскаго.**

Цѣна 1 руб.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
т./д. „В. И. ЗНАМЕНСКІЙ и К°“.

МОСКВА.
1913.

59г
33
9-53
Ф.
Евгеній Филипповичъ.
Проф. Вѣнскаго университета.
РЕДКИЙ ФОНД

РАЗВИТІЕ ИДЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

въ XIX столѣтіи.

6 лекцій.

Переводъ С. О. Загорскаго.

474999
Д544
6862
1613
Н-441
Франкфурт.-Экономич. Ин-т Госбанка СССР
№ 115
БИБЛИОТЕКА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
т./д. „В. И. ЗНАМЕНСКІЙ и К°“.

МОСКВА.
1913.

МОСКВА.
Типогр. п./ф. „ЛОМОНОСОВЪ“, 1-я Тверск.-Ямск. ул., д. № 22.
1913.

I. ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЛИБЕРАЛИЗМЪ.

Въ теченіе 19 столѣтія надъ идеалами прошлаго и возникающими вмѣстѣ съ нимъ идеалами болѣе отдаленнаго будущаго господствовала идея экономической политики, преобразовавшая и общественный строй и отношенія личности къ государству: это—идея свободы индивидуумовъ въ преслѣдованіи ими своихъ хозяйственныхъ интересовъ. Представленіе о цѣлесообразности общественнаго строя, въ которомъ каждый въ отдѣльности преслѣдуетъ свои интересы, не будучи связанъ нормами стоящей надъ нимъ общественной группы, возникло изъ философіи Просвѣщенія и изъ естественнаго права 18 вѣка, которыя вѣрили въ первоначальную свободу и равенство индивидуумовъ и въ естественную гармонію свободно проявляющихся интересовъ. Эта идея соотвѣтствовала также потребностямъ все расширяющагося хозяйственнаго обмѣна, который, со времени возникновенія болѣе крупныхъ капиталистическихъ предпріятій въ 15 и 16 столѣтіяхъ, вызвалъ новыя формы производства, торговли, новые способы удовлетворенія спроса, которымъ не соотвѣтствовала уже регламентація стараго городского цехового строя въ ремесленной промышленности, феодальнаго устройства въ сельскомъ хозяйствѣ и государственной опеки вообще во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Стремленіе къ экономической свободѣ являлось лишь дальнѣйшимъ шагомъ въ великой борьбѣ за эмансипацію личности, которая начинается въ эпоху Ренессанса съ основаніемъ духовной свободы, въ эпоху Реформаціи захватываетъ религіозную жизнь, въ эпоху паденія Нидерландовъ въ 16 ст., въ англійской революціи 1688 г., во французской революціи 1789 г. кладетъ

основы политической свободы и въ 19 ст. эмансипаціей въ области экономической жизни, какъ казалось, окончательно проводитъ право личности устраивать свою жизнь соотвѣтственно собственнымъ потребностямъ. «Либерализмъ», которымъ мы привыкли обозначать политическій и соціально-политическій кругъ идей въ 19 ст., старавшійся завоевать независимость индивидуума отъ соціальныхъ организацій въ области духовной, религіозной, политической и экономической жизни, представляетъ собою поэтому не случайный продуктъ отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ заинтересованныхъ группъ, но является результатомъ долгаго историческаго процесса, корни котораго лежатъ въ стремленіи человѣческаго духа быть независимымъ и развивать собственную личность самостоятельно, а не по чужимъ велѣніямъ. Въ области духовной и религіозной жизни эта борьба была рѣшена въ пользу индивидуальной свободы. Въ другихъ областяхъ, въ области нравственности, политики, хозяйственной жизни, осуществленію этой свободы противостоятъ законы соціальной зависимости этихъ областей жизни. Нравственность, политическое устройство, производство благъ и обезпеченіе ими все еще представляютъ собой продукты общественной жизни, продукты человѣческаго общежитія. Какое содержаніе получаетъ въ этихъ областяхъ принципъ индивидуальной свободы? Мы дадимъ этотъ отвѣтъ лишь по отношенію къ области экономической жизни для того, чтобы познакомиться съ тѣмъ идеаломъ, который либерализмъ имѣлъ въ виду осуществить своей экономической политикой.

Либеральное представленіе объ обществѣ и государствѣ исходитъ изъ предположенія, что общество, т.-е. общежитіе людей, преслѣдующихъ свои жизненныя цѣли, существуетъ лишь на основаніи договора. Это договорное общежитіе заключается отдѣльными индивидуумами и можетъ быть снова ими же расторгнуто, смотря по тому, требуютъ ли этого ихъ интересы. Либерализмъ не придаетъ отношеніямъ людей между собой другого значенія, какъ только съ этой точки зрѣнія отдѣльныхъ интересовъ; соціальное благо представляетъ собой лишь сумму благъ отдѣльныхъ лицъ, которыя должны стремиться къ нему, соотвѣтственно своимъ силамъ и своимъ средствамъ. Государство не имѣетъ для либерализма самостоятельнаго значенія; оно представляетъ собой лишь принудительную организацію общежитія для защиты правового порядка. Оно должно лишь слѣдить за тѣмъ, чтобы была возможна договорная форма общежитія между индивидуумами, т.-е. право, которое должно охранять государство, не имѣетъ никакого опредѣляемаго имъ содержанія, но есть только право, вытекающее изъ договора сторонъ. Государство слѣдитъ, чтобы соблюдались заключаемые договоры, чтобы за ихъ нарушеніе слѣдовало наказаніе или возмѣщеніе вреда, но оно никого не принуждаетъ заключать договоры или давать имъ опредѣленное содержаніе. Соотвѣтственно этому, и экономическая политика государства имѣетъ лишь одну цѣль: устранять препятствія, которыя стоятъ на пути къ осуществленію частныхъ интересовъ, интересовъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. «Глава государства совершенно освобождается отъ своей обязанности, которой онъ никогда не можетъ пытаться осуществить, не подвергаясь безчисленнымъ разочарованіямъ, и для выполненія которой никогда не хватило бы никакой человѣческой предусмотрительности и мудрости: обязанности слѣдить за интересами частныхъ лицъ и обращать ихъ вниманіе на занятія, наиболѣе выгодныя для общества. Согласно системѣ естественной свободы, на главѣ государства лежатъ лишь три обязанности, хотя и чрезвычайно важныя, но въ то же время ясныя и понятныя всякому уму». Эти три обязанности суть: защита отъ вторженія другихъ государствъ, точное управленіе справедливости и сохраненіе извѣстныхъ общественныхъ сооруженій и учрежденій, которыя, хотя и приносятъ пользу обществу, но убыточны для отдѣльныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, улицы, маяки, школы. Такъ указаны предѣлы задачъ государства Ад. Смитомъ, сочиненіе котораго, «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ», положило на долгое время основаніе ученію экономическаго либерализма.

Идею либеральной экономической политики въ пер-

вой половинѣ 19 столѣтія защищали и въ существенныхъ чертахъ и осуществляли авторитетные ученые и государственные дѣятели. Конкретными цѣлями ея служили въ области сельскаго хозяйства: отмѣна феодальнаго строя, господства земельныхъ собственниковъ и прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, путемъ возстановленія полной свободы земельной собственности, которая, понятно, заключала въ себѣ также и свободу отъ задолженности, свободное наслѣдованіе и уничтоженіе всѣхъ личныхъ повинностей крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ, вслѣдствіе чего говорятъ также и объ освобожденіи крестьянъ. Тѣмъ самымъ для каждаго создалась возможность пріобрѣтать землю въ деревнѣ; всѣ принятыя въ этой области мѣропріятія дѣйствовали въ томъ направленіи, чтобы создать свободный переходъ земли, прежде подлежавшей въ деревнѣ всевозможнымъ ограниченіямъ. Въ области ремеселъ и торговли рѣчь шла объ устраненіи тѣхъ стѣсненій, которыя были созданы цеховымъ правомъ государственными статутами объ условіяхъ вступленія, о размѣрахъ и характерѣ занятій ремесленной и торговой дѣятельностью, о сбытѣ, о цѣнахъ, объ отношеніяхъ къ подмастерьямъ. Либерализмъ требовалъ свободы передвиженія, т.-е. неограниченнаго права каждой личности по желанію мѣнять мѣсто своего пребыванія; свободы поселенія, т.-е. права селиться въ любомъ мѣстѣ для занятія своей профессіей; права на профессіональную и промышленную дѣятельность по собственному выбору, не будучи связаннымъ выполненіемъ матеріальныхъ условій; либерализмъ требовалъ также свободы промысла въ смыслѣ свободнаго выбора характера и способа веденія предпріятія, свободы договорныхъ отношеній къ подмастерьямъ, свободы въ выборѣ рынковъ, сбыта и опредѣленія цѣны; все это вмѣстѣ мы опредѣляемъ однимъ словомъ промышленной свободы. Правильнѣе было бы говорить о свободѣ внутренняго обмѣна. Либерализмъ требовалъ, наконецъ, и свободы внѣшняго обмѣна, т.-е. примѣненія того же принципа терпимости каждой индивидуальной хозяйственной дѣятельности въ сношеніяхъ съ

иностранными государствами, слѣдовательно, безпрепятственной эмиграціи и иммиграціи, безпрепятственнаго товарнаго и кредитнаго обмѣна, безпрепятственнаго помѣщенія капитала за границей и иностраннаго капитала въ своей странѣ. Особенно большому обсужденію подвергался вопросъ о свободномъ товарномъ обмѣнѣ, такъ какъ именно въ этой области, со времени меркантилизма, оставались еще въ 19 ст. сильнѣйшія ограниченія; выставляемыя въ этой области требованія обнимались поэтому однимъ словомъ, заимствованнымъ изъ области товарнаго обмѣна. Это было требованіе свободной торговли.

Освобожденіе земельной собственности, свобода промысловъ и свобода торговли,—благодаря осуществленію скрывающихся за этими словами требованій, принципъ экономической свободы перешелъ изъ міра идей въ область реальныхъ фактовъ. Постепенное распространеніе либеральной экономической политики въ отдѣльныхъ государствахъ выступаетъ яснѣе всего, если прослѣдить этапы, по которымъ были установлены законодательнымъ путемъ эти новыя основанія хозяйственнаго строя. Среди континентальныхъ государствъ начало положила Франція, отмѣнивъ въ 1789 г. феодальный земельный строй и установивъ свободу промысловъ въ 1791 г. Въ Германіи впереди всѣхъ государствъ шла Пруссія. Штейнъ-Гарденбергскій эдиктъ 8 октября 1807 г. уничтожилъ подданство крестьянъ и предоставилъ имъ полное право собственности на ихъ землю, а, слѣдовательно, также и право свободнаго наслѣдованія и свободнаго раздѣла земельныхъ участковъ. Въ обоснованіи этой мѣры ясно признается либеральное государственное міровоззрѣніе. Государство слишкомъ слабо для того, чтобы помогать отдѣльнымъ индивидуумамъ, оно ожидаетъ этого отъ дѣятельности каждаго въ отдѣльности. Необходимо поэтому удалить все, что препятствовало до сихъ поръ каждой отдѣльной личности достигать благополучія, которое она способна достигнуть по мѣрѣ своихъ силъ. Каждому жителю государства разрѣшалось поэтому владѣть всякаго рода земельными участками, которыми до этого времени могли владѣть лишь дво-

ряне и крестьяне. Точно такъ же каждому, не взирая на его сословное положеніе, разрѣшалось заниматься какимъ угодно промысломъ. Въ дѣловыхъ инструкціяхъ для правительства отъ 26 декабря 1808 г., въ эдиктѣ о введеніи одного общаго промысловаго налога отъ 2 ноября 1810 г. и въ законѣ о полицейскихъ правилахъ о промышленности отъ 7 сентября 1811 г. уже болѣе опредѣленно высказаны основныя начала промышленной свободы. Дѣловая инструкція гласила, что руководящимъ принципомъ во всѣхъ взглядахъ, дѣйствіяхъ и предложеніяхъ правительства должно быть—предоставленіе каждому возможно болѣе свободнаго развитія и примѣненія всѣхъ своихъ силъ и способностей. Лишь возможно бо̀льшая свобода промысловъ можетъ способствовать благу отдѣльныхъ гражданъ. «Какъ для государства, такъ и для его отдѣльныхъ членовъ всегда выгоднѣе всего предоставлять промыслы каждый разъ ихъ естественному ходу, т.-е. ни одному изъ нихъ не оказывать никакихъ преимуществъ посредствомъ особой поддержки, но и ни одно изъ нихъ не ограничивать при его возникновеніи въ его промышленной дѣятельности и развитіи». Отсутствіе стѣсненій въ производствѣ продуктовъ, легкость обмѣна и свобода торговли въ своей странѣ и съ другими странами представляютъ «необходимыя требованія» для процвѣтанія промышленности, промысловаго труда и благосостоянія и въ то же время и наиболѣе естественныя, дѣйствительныя и вѣрныя средства для ихъ развитія. При этихъ условіяхъ сами собой возникаютъ выгодные промыслы, а таковыми являются тѣ, которые болѣе всего соотвѣтствуютъ каждому данному состоянію производства страны и культурному уровню націи. Согласно этимъ основнымъ началамъ, вводится и сохраняется въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій полная свобода промысловъ, пока промысловые законы 1845 и 1849 г.г. не вводятъ снова нѣкоторыхъ ограниченій. Въ большинствѣ другихъ нѣмецкихъ государствъ прошлый земельный строй былъ отмѣненъ въ теченіе первыхъ десятилѣтій 19 столѣтія, между тѣмъ какъ въ промышленности цеховой строй сохранился вплоть до 60-хъ годовъ.

Къ этому времени одно государство за другимъ объявило свободу промышленности, и въ 1869 г. она была принята въ качествѣ основного принципа въ уставѣ о промышленности Германской Имперіи. Въ Австріи земельное подданство было отмѣнено въ 1848 г., свобода промысловъ признана въ 1859 г. Насколько сильно ощущалась и здѣсь необходимость въ этомъ основномъ принципѣ экономической свободы, слѣдуетъ изъ мотивовъ къ закону 1859 г.: «Ни въ одной другой области чрезмѣрное управленіе не принесло ему (правительству) такъ мало благодарности, какъ именно въ области промышленной дѣятельности. Когда правительство предоставляетъ что-либо, оно подозрѣвается въ партійности; когда оно отказываетъ, оно испытываетъ упреки въ суровости... Ни въ какой другой области свобода не является болѣе безопасной, не оправдывается сама по себѣ, какъ въ области промышленной дѣятельности, и даже нравственность имѣетъ въ свободномъ трудѣ самый важный рычагъ къ своему развитію». Въ 1868 г. и въ Австріи послѣдовала отмѣна послѣднихъ ограниченій земельной собственности, и было признано право свободнаго раздѣла и свободнаго наслѣдованія земельныхъ участковъ.

Какъ и въ этихъ указанныхъ странахъ, такъ и въ другихъ государствахъ въ теченіе 19 столѣтія были осуществлены крупныя требованія либеральной экономической политики, поскольку они касались обмѣна внутри страны. Въ области обмѣна съ другими странами принципъ свободы не былъ проведенъ настолько же полно. Правда, пали существовавшія раньше абсолютныя ограниченія, запрещенія ввоза и вывоза, эмиграціи; промышленнымъ занятіямъ иностранцевъ не ставилось болѣе никакихъ основныхъ препятствій, и даже покровительствовали помѣщенію иностранныхъ капиталовъ, такъ что и международный обмѣнъ могъ развиваться въ соотвѣтствіи съ интересами отдѣльныхъ гражданъ, но все же товарный обмѣнъ подвергался регулированію въ интересахъ отечественнаго производства. И только одна Англія съ отмѣной хлѣбныхъ пошлинъ въ 1846 г. порѣшила переходъ къ полной сво-

бодѣ торговли, закончившійся въ 1860 г. Вслѣдъ за этимъ, въ 60-ыхъ г.г., наступилъ небольшой періодъ политики свободной торговли также и въ другихъ государствахъ. За такъ называемымъ Кобденовскимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1860 г. между Англіей и Франціей, послѣдовало значительное количество другихъ торговыхъ договоровъ, которые связали европейскія государства другъ съ другомъ принципомъ свободной торговли, и побѣда этого принципа казалась настолько обезпеченной, что Мишель Шевалье могъ писать въ своемъ отчетѣ о всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1866 г.: «Второй половинѣ 19 столѣтія будетъ принадлежать слава осуществленія побѣды свободной торговли».

Шестидесятые годы 19 столѣтія, дѣйствительно, являются эпохой тріумфа экономическаго либерализма. Почти всегда въ теченіе этого десятилѣтія онъ срываетъ въ свою пользу плоды полувѣковой борьбы за экономическую свободу. То, что начали прежнія поколѣнія, получаетъ теперь свое завершеніе. Послѣдніе остатки стараго экономическаго строя исчезли; различія между сословіями, между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, корпоративныя и государственныя ограниченія были отмѣнены, и освобожденныя силы индивидуумовъ могли свободно проявляться за предѣлами государствъ и, стремясь къ мирному благосостоянію внутри страны, способствовать общественной пользѣ. Оптимистическая вѣра въ созидающую общественное благополучіе силу освобожденныхъ интересовъ отдѣльныхъ личностей достигла своего апогея. Этотъ огромный успѣхъ былъ вызванъ сильными потребностями, которыхъ не могъ удовлетворять старый экономическій строй. Одна изъ такихъ силъ, поддерживающихъ этотъ успѣхъ, заключалась въ происходившей одновременно съ этимъ борьбѣ за политическую свободу. Стремленіе къ политическому самоопредѣленію нашло свое выраженіе въ отклоненіи опеки надъ свободными гражданами со стороны государства. Какъ можно было во имя политической свободы бороться противъ стараго полицейскаго государства, соглашаясь оставить ему полицейскую опеку надъ

индивидуумомъ въ области экономической дѣятельности? Политическій либерализмъ долженъ былъ быть въ то же время и экономическимъ либерализмомъ, и съ возрастаніемъ его власти опредѣлялся поэтому самъ собой и поворотъ въ экономической политикѣ. Но для того, чтобы принудить къ измѣненію экономическаго строя, къ этому присоединились также еще и новыя условія хозяйственной жизни. Территоріи народнаго хозяйства растутъ. Въ 1835 г., благодаря образованію нѣмецкаго Таможеннаго Союза, много мелкихъ нѣмецкихъ отдѣльныхъ областей составили одну область обмѣна. Въ 1851 г. Австрія отмѣняетъ таможенную границу, отдѣлявшую ее отъ Венгріи, и путемъ торговаго договора съ Таможеннымъ Союзомъ, благопріятствующаго взаимному обмѣну, подготовляетъ свое вступленіе въ Союзъ. Желѣзныя дороги создаютъ возможность болѣе широкаго обмѣна, но лишь послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій (начиная съ 1835 г.) пріобрѣтаютъ свое значеніе. Первый пароходъ для заокеанскаго сообщенія отходитъ изъ Бремена въ 1857 г.; сообщеніе посредствомъ телеграфа распространяется, начиная съ 40-ыхъ г.г., въ 1866 г. прокладывается первый кабель въ Америку. Успѣхи техники начинаютъ революціонизировать процессъ производства. Въ области сельскаго хозяйства Англіи, напримѣръ, увидѣли, какимъ препятствіемъ для обработки земли является феодальный строй съ его несвободнымъ трудомъ и хозяйствомъ, связаннымъ взаимными отношеніями между земельными участками. Въ области промышленности появляются новые виды предпріятій и методы производства, для которыхъ рамки цеховъ были слишкомъ узки; въ то же время съ расширеніемъ областей хозяйства потеряло всякое значеніе регулированіе условій производства и сбыта при помощи цеховъ, чиновниковъ или закона. Эти новыя условія требовали образованія крупныхъ предпріятій, крупныхъ кредитныхъ учрежденій и единыхъ условій обмѣна. Становится все яснѣе, что государство можетъ установить лишь это регулированіе, притомъ лишь по отношенію къ немногимъ областямъ: деньгамъ, мѣрѣ, вѣсу, путямъ сообщенія, право-

вому строю,—но что оно не можетъ поспѣвать за развитіемъ раздѣленія труда и способовъ производства и вынуждено отказаться отъ регулированія производства и сбыта. Наступаетъ полный переворотъ въ способахъ хозяйственной дѣятельности, которая не поддается централизованной регламентаціи и централистическому строю; государство вынуждено предоставить отдѣльнымъ личностямъ сообразовать свое хозяйство съ этими новыми условіями.

Къ этому измѣненію въ положеніи государства и индивидуумовъ въ хозяйственномъ процессѣ экономическая теорія либерализма создала обоснованіе, которое было понятно, подкупало своей простотой, ясностью и внутренней увѣренностью и въ то же время могло быть легко провѣряемо опытами жизни. Если всякій можетъ производить все, что угодно, и вступать въ сношенія со всѣми другими членами общества на основаніи свободныхъ договоровъ, то разумное преслѣдованіе собственныхъ интересовъ должно вести къ тому, что всѣ экономическія блага производятся хозяйственнымъ образомъ и въ соотвѣтствующемъ спросу, въ возможно большемъ количествѣ, которое въ данное время допускаетъ ограниченность средствъ производства. Ибо забота о собственныхъ интересахъ всегда приведетъ потребителей къ тому, что всегда будетъ существовать спросъ на вещи, полезныя для общества. Польза же общества состоитъ въ томъ, что потребности, возникающія у членовъ общества, удовлетворяются, и послѣдніе получаютъ возможность выполнять свои задачи.

Всегда поэтому будетъ существовать спросъ на вещи, приносящія такую пользу, и производители всегда будутъ имѣть возможность ихъ сбывать. Эти производители, однако, подъ вліяніемъ собственнаго интереса будутъ вынуждены производить эти вещи съ наименьшими издержками. Ибо при полной свободѣ обмѣна потребители направятъ свой спросъ къ тѣмъ, кто дешевле всего удовлетворяетъ ихъ потребности. Потребители уходятъ оттуда, гдѣ издержки выше и потому и цѣны болѣе высоки. Въ послѣднемъ случаѣ производители вынуждены будутъ ограничить или

прекратить свое производство, въ первомъ случаѣ—расширить его. Такъ надежда на прибыль вызываетъ у производителей стремленіе къ производству съ наименьшими издержками. Но при полной свободѣ не только потребители и предприниматели поступаютъ такъ, что ихъ интересы лучше всего будутъ соблюдены, но также и рабочіе обращаются къ тѣмъ занятіямъ, гдѣ ихъ рабочая сила лучше всего оплачивается; а такими занятіями естественно опять-таки являются тѣ, въ которыхъ существуетъ тенденція къ расширенію производства, и на которыя поэтому появляется сильный общественный спросъ. Такъ при такой системѣ хозяйства всѣ стремятся къ собственной выгодѣ, а это въ то же время создаетъ наилучшее соціальное раздѣленіе благъ и рабочихъ силъ. Это имѣетъ значеніе, конечно, лишь, поскольку рѣчь идетъ о куплѣ и продажѣ. Но въ современномъ хозяйствѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, самостоятельное снабженіе всѣмъ нужнымъ представляетъ, вѣдь, исключеніе; каждый въ отдѣльности поддерживаетъ свое существованіе путемъ постоянной продажи своихъ услугъ или продуктовъ и покупки средствъ производства и предметовъ потребленія, въ которыхъ онъ нуждается. По существу вся хозяйственная жизнь есть поэтому лишь постоянная покупка и продажа. Наемъ, ссуда, аренда, словомъ, всѣ договоры, посредствомъ которыхъ пріобрѣтаются права на полезности и отдаются за нихъ соотвѣтствующіе эквиваленты, совершаются и расторгаются на одинаковыхъ основаніяхъ. По отношенію къ этому свободному обмѣну государство можетъ лишь защитить каждую личность и каждую собственность отъ насилія и обмана и понуждать къ выполненію свободныхъ договоровъ. Въ интересахъ политической свободы и изъ экономическихъ соображеній слѣдуетъ избѣгать положительной общественной дѣятельности со стороны государства, веденія государствомъ предпріятій. Такія предпріятія увеличиваютъ власть и вліяніе правительства; имѣя, благодаря этому, въ своемъ распоряженіи большое количество должностей и получая возможность помогать или вредить многочисленнымъ частнымъ интересамъ, пра-

вительство можетъ пользоваться вліяніемъ въ политическихъ цѣляхъ. Экономически наиболѣе цѣлесообразное управленіе встрѣчало бы препятствіе въ видѣ желанія правительства вліять на наиболѣе вліятельные слои населенія, покровительствовать то крупнымъ землевладѣльцамъ, то крупнымъ промышленникамъ, однимъ мѣстностямъ передъ другими, въ одномъ случаѣ—рабочимъ, въ другомъ—ремесленникамъ. Или подъ вліяніемъ популярныхъ теченій оно вынуждалось бы къ мѣропріятіямъ, которыя не носятъ экономическаго характера. Кромѣ того, въ виду трудности, которую представляетъ управленіе хозяйственными предпрятіями съ помощью бюрократическаго аппарата, такое управленіе работало бы менѣе благопріятно, чѣмъ частное, тѣмъ болѣе, что руководители лишь очень слабо заинтересованы въ успѣхѣ, а отъ этого страдаетъ энергія труда.

Въ этой системѣ свободнаго мѣнового хозяйства не существуетъ поэтому никакого правового принужденія. Но, правда, существуетъ фактическое. Частная собственность и свобода договоровъ, оба основныхъ правовыхъ принципа, на которыхъ покоится эта система, предоставляютъ каждому выборъ, гдѣ и какъ угодно, использовать свое имущество и свою рабочую силу. Но фактически это примѣненіе необходимо, такъ какъ только посредствомъ него можно имѣть доходъ, и нѣтъ никого, кто былъ бы обязанъ содержать другихъ, не имѣющихъ никакого дохода. Въ незначительной степени—поскольку сохранилось еще натуральное хозяйство—извлеченіе дохода состоитъ въ примѣненіи собственной рабочей силы къ своей собственности. Раздѣленіе труда въ нашемъ обществѣ пошло такъ далеко впередъ, что никто уже не можетъ вполнѣ самъ себя обезпечить и лишь при самомъ мелкомъ владѣніи рабочей силы владѣльца хватаетъ для обработки. Съ другой стороны, необычайно велико число неимущихъ, вынужденныхъ къ извлеченію дохода изъ своей рабочей силы. Поэтому обыкновенно извлеченіе дохода изъ своей собственности, изъ вещественныхъ благъ, находящихся въ частной собственности, совершается при помощи чужихъ не-

имущихъ рабочихъ силъ. На мѣсто провового принужденія выступаетъ, такимъ образомъ, въ системѣ свободнаго мѣнового хозяйства, фактическое принужденіе внѣшними условіями. Неимущее состояніе рабочихъ вынуждаетъ ихъ постоянно заключать договоры съ имущими, а эти послѣдніе могутъ извлекать изъ своей собственности одну только выгоду, если они употребляютъ ее въ прибыльномъ направленіи путемъ привлеченія чужихъ рабочихъ силъ. Форма собственности теряетъ при этомъ свое прежнее значеніе. Каждое имущество путемъ отчужденія или путемъ кредита можетъ быть превращено въ денежный капиталъ, благодаря чему оно даетъ собственнику возможность въ любое время измѣнить приложеніе своего капитала, если другая форма имущества является болѣе прибыльной. Давленіе конкурренціи и свобода потребителей въ удовлетвореніи своихъ потребностей чаще вызываютъ подобныя перемѣщенія. Неимущій рабочій людъ вынужденъ слѣдовать за этими перемѣщеніями, онъ теряетъ работу тамъ, гдѣ приложеніе капитала подвергнуто ограниченіямъ, и увеличивается тамъ, гдѣ имѣютъ мѣсто новыя помѣщенія капиталовъ. Приложеніе капитала, съ точки зрѣнія наибольшей прибыли для его владѣльца, имѣетъ благодаря этому рѣшающее значеніе для всего движенія хозяйства, оно опредѣляетъ направленіе, величину, характеръ производства, рѣшаетъ вопросъ о характерѣ и продолжительности труда, отъ него зависитъ измѣненіе цѣнности отдѣльныхъ имущественныхъ благъ. Система свободнаго мѣнового хозяйства носитъ поэтому названіе, основанное на этомъ фактѣ. Мы называемъ ее системой капитализма, капиталистическимъ строемъ хозяйства, потому что историко-эволюціонистическое понятіе капитала есть понятіе имущества, которое капитализируется въ свободномъ обмѣнѣ и при примѣненіи чужихъ, неимущихъ, завербованныхъ посредствомъ договоровъ рабочихъ силъ, для достиженія прибыли. Этотъ капиталистическій интересъ является господствующимъ въ системѣ свободнаго мѣнового хозяйства.

Переворотъ, вызванный этой системой въ формахъ хо-

зяйства, предпріятій, въ размѣрахъ и характерѣ производства и въ распространеніи мѣновыхъ отношеній, словомъ, во всемъ внѣшнемъ устройствѣ хозяйственной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ условіяхъ жизни общества, чрезвычайно великъ. Но важнѣе, чѣмъ измѣненія въ техникѣ хозяйства, тѣ измѣненія, которыя наступили въ духовныхъ отношеніяхъ людей къ хозяйственной дѣятельности. Цѣлью докапиталистическаго хозяйства является: получить пищу для того, чтобы имѣть возможность жить, соотвѣтственно своему положенію, какъ пишетъ Лютеръ въ своемъ сочиненіи о коммерческой торговлѣ и ростовщичествѣ: «Поэтому ты долженъ поставить себѣ цѣлью не искать въ такой торговлѣ ничего, кромѣ приличнаго пропитанія, преодолѣть издержки, усилія, трудъ и опасности и затѣмъ назначить товаръ (въ цѣнѣ), повышать ее или понижать, чтобы имѣть плату за свой трудъ и свои старанія». Таково средневѣковое каноническое воззрѣніе о justus pretium, о справедливой цѣнѣ всѣхъ вещей. Это представленіе о цѣли хозяйства и въ настоящее время существуетъ во многихъ профессіяхъ, у духовныхъ лицъ, чиновниковъ, учителей, офицеровъ, оно отчасти неизбѣжно по самой природѣ вещей въ сельскомъ хозяйствѣ, въ мелкомъ хозяйствѣ; въ хозяйствѣ неимущихъ оно является необходимымъ слѣдствіемъ предѣловъ, поставленныхъ доходности. Но оно не является движущей силой современнаго хозяйства. Въ этомъ послѣднемъ полученіе дохода изъ средства становится цѣлью. По мѣрѣ того, какъ растетъ способность благъ и лицъ къ обмѣну, распространяется стремленіе извлекать изъ своего профессіональнаго положенія хозяйственныя выгоды, создавать имущества и извлекать прибыль изъ колебаній цѣнностей. И гдѣ профессія сама по себѣ не можетъ служить источникомъ дохода, т.-е. не можетъ быть отправляема путемъ продажи услугъ и продуктовъ, тамъ самый фактъ имущественнаго владѣнія связываетъ съ общимъ ходомъ хозяйства. Все болѣе общее значеніе получаетъ основной принципъ раціональнаго веденія хозяйства и подчиненіе всѣхъ жизненныхъ отношеній идеѣ экономической цѣлесообразности.

Ч4199

«Въ прошлые вѣка,—восклицаетъ какъ-то Яковъ Буркгардъ,—жизнь была бытіемъ, теперь она есть дѣло». На мѣсто ставшихъ историческими, урегулированныхъ общественнымъ путемъ отношеній между людьми, наступаетъ свободное соединеніе преходящихъ договорныхъ обществъ, подверженныхъ колебаніямъ коньюнктуръ, интересовъ и нападеніямъ со стороны конкуррентовъ. Недостатокъ въ увѣренности замѣняется надеждой на прибыль, и забота о прибыли приводитъ все во власть принципа наибольшей хозяйственности. Превращеніе общественныхъ цѣнностей въ измѣряемыя цѣнности, въ денежныя цѣнности получаетъ, благодаря этому, сильный толчокъ и многое, что до сихъ поръ стояло внѣ обмѣна, становится доступнымъ для покупки. Подвижность товаровъ, проникающихъ всюду, гдѣ только можно ждать спроса, сопровождается неслыханной прежде подвижностью людей, которые потоками переливаются изъ деревни въ городъ, изъ одного города въ другой, изъ городовъ въ деревню, за предѣлы государствъ и континентовъ въ поискахъ и для использованія благопріятныхъ условій для заработка. На мѣсто исторически обусловленной осѣдлости населенія и его связи съ землей выступаетъ свобода передвиженія и поселенія, на мѣсто сосѣдей и однообщинниковъ, связанныхъ между собой судьбами цѣлыхъ поколѣній, появляются покупатели и продавцы, соединенные минутной выгодой мѣны и снова расходящіеся по заключеніи сдѣлки въ поискахъ за новыми временными отношеніями въ другомъ мѣстѣ. Родина съ ея сложной тканью нравовъ, привычекъ, пережитковъ, связывающихъ свободу движеній отдѣльной личности, накладывающихъ на нее соображенія и обязанности личнаго свойства, но предоставляющихъ ей также и увѣренность въ проложенномъ пути, замѣняется рынкомъ, т.-е. соединеніемъ въ какой-либо доступной области желающихъ покупать и желающихъ продавать, которыхъ связываетъ лишь одна мысль—о хозяйственной выгодѣ, и одинъ общій интересъ—цѣна. Цѣна становится судьбой людей. Чѣмъ шире становятся, съ развитіемъ путей сообщенія и увеличеніемъ раздѣленія труда, отношенія

рынка, тѣмъ болѣе необходимо подчиненіе отдѣльнаго хозяйства условіямъ рынка. Развитіе раздѣленія труда и расширеніе обмѣна становятся заповѣдью для каждаго индивидуума, желающаго удержаться въ общей конкурренціи. Подчиненіе рынку, т.-е. объективному образованію цѣнъ, зависящему отъ многихъ фактовъ, которые трудно предвидѣть и оцѣнить, становится общимъ закономъ хозяйства.

Передъ психологическимъ давленіемъ, вызываемымъ измѣненіями въ воззрѣніяхъ среды, и передъ экономическимъ давленіемъ, которое производитъ захватывающее все болѣе расширяющіеся круги образованіе цѣнъ, все больше и больше отступаютъ всѣ старыя, исторически вкоренившіяся, но экономически менѣе производительныя учрежденія. Ручной трудъ вытѣсняется машиннымъ трудомъ, ремесло—фабрикой, мелкая водяная мельница и деревянная пила въ деревнѣ вытѣсняются паровой мельницей и паровой пилой, старинный молотъ въ горахъ—колоссальными сооруженіями современныхъ желѣзныхъ заводовъ, производитель на мѣстный кругъ заводчиковъ—торговцемъ далекаго крупнаго предпріятія, мелкій торговецъ—оптовой мелочной торговлей, отдѣльный банкиръ—банкомъ, мелкій банкъ—крупнымъ банкомъ; крупное предпріятіе—смѣшанными колоссальными предпріятіями. Повсюду традиціонное производство замѣняется раціональнымъ, т.-е. вполнѣ приспособляющимся къ условіямъ техники. Все больше областей стараго домашняго хозяйства, хозяйственной работы на дому и для дома перенимаются предпріятіями, потому что они работаютъ раціональнѣе, т.-е. скорѣе и дешевле, потому что конкурренція заставляетъ рабочія силы въ домашнемъ хозяйствѣ сконцентрировать всѣ свои силы на о д н о й дѣятельности, и потому что условія жизни въ городахъ лишаютъ ихъ возможности большей домашней хозяйственной дѣятельности.

Этотъ процессъ разложенія охватываетъ прежде всего нѣкоторыя области промышленности. Новая сила прежде всего даетъ себя знать въ ремесленной промышленности, возникающей вмѣстѣ съ появленіемъ фабрикъ. Рынокъ сбыта ускользаетъ отъ нея, и старыя правила и порядки

ея цехового устройства недостаточны для укрѣпленія почвы, которая начинаетъ подъ нею колебаться. Въ то же время исчезаютъ и прежнія патріархальныя условія труда въ промышленности. Вмѣсто общежитія, основаннаго на общихъ трудовыхъ началахъ и общихъ условіяхъ жизни, имѣвшихъ мѣсто при болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, и вмѣсто союза защиты, который существовалъ при болѣе широкихъ отношеніяхъ, условія труда стали основываться исключительно на договорѣ, который все чаще терялъ свои традиціонныя личныя черты. И служившая въ прежнія времена поддержкой надежда на то, что суровость и тягости условій труда являются лишь переходной ступенью, исчезла вмѣстѣ съ ростомъ промышленныхъ предпріятій и съ все увеличивающимся ихъ капиталистическимъ характеромъ. Подмастерье, надѣявшійся стать мастеромъ, становится фабричнымъ рабочимъ, не имѣющимъ никакой надежды на повышеніе; конкурренція между предпріятіями и между рабочими толкаетъ на фабрику женщинъ и дѣтей и совершенно преобразовываетъ домашнее хозяйство. Новыя учрежденія кредита, благодаря образованію акціонерныхъ обществъ и торговлѣ акціями, открываютъ частному накопленію капитала новые пути, связывающіе интересы и тѣхъ, кто не занимается трудомъ для полученія дохода, съ коммерческими видами предпріятій, съ колебаніями доходовъ, вызывающимися измѣненіями на рынкѣ. Капиталистическіе интересы становятся, благодаря этому, общими для всѣхъ; создаются условія для образованія крупныхъ предпріятій, привлекающихъ капиталъ изъ широкихъ круговъ населенія. И лишь въ сельскомъ хозяйствѣ, извлекающемъ крупныя выгоды изъ установленія свободы земельной собственности, переходъ отъ старыхъ формъ хозяйства къ новымъ совершается, повидимому, безъ осложненій. Но въ 70-ыхъ годахъ и сельское хозяйство подвергается давленію капиталистическихъ интересовъ; торговля перемѣщаетъ традиціонныя условія рынка и вынуждаетъ сельское хозяйство сообразоваться съ цѣнами на міровомъ рынкѣ и приспособлять къ нимъ способы хозяйственной дѣятельности.

Это проникновеніе всѣхъ круговъ общества новыми взглядами на хозяйственную дѣятельность, стремленіемъ къ богатству, ускореніемъ темпа работы, измѣненіемъ въ условіяхъ собственной жизни не только разложило прежнее общество, продуктъ исторіи, и не только разрушило отжившія общественныя учрежденія, но развило новыя силы и создало положительные элементы. Прежнія эпохи, въ которыхъ, при незначительномъ по сравненію съ населеніемъ въ государствахъ 19 столѣтія количествомъ людей, раздавались жалобы на количество населенія, котораго нельзя было прокормить, не подозрѣвали, какая производительная сила скрыта въ нѣдрахъ самого общества. Когда индивидуальныя силы были освобождены, произошло такое расширеніе производства и образованіе капиталовъ, которое, казалось, способно было, наконецъ-то, удовлетворить стремленіе людей къ счастью, поскольку оно связано съ земными благами. Но съ увеличеніемъ производительности выросли также и человѣческія потребности. Для удовлетворенія ихъ отыскиваются все новые и новые пути; количество благъ для повседневнаго употребленія увеличивается; смѣлая промышленная дѣятельность имѣетъ въ виду постоянныя улучшенія, а вмѣстѣ съ новыми возможностями снова растетъ желаніе и развиваются новыя производства благъ. Увеличеніе богатства у многихъ и ростъ потребностей у всѣхъ, преобразованіе хозяйственной жизни и распространеніе духа разсчета придаютъ хозяйственной дѣятельности огромное значеніе въ общественной жизни; въ ней какъ-будто соединяются всѣ цѣли человѣческихъ стремленій, ибо она всѣмъ открываетъ пути, и богатство въ настоящее время больше, чѣмъ нѣкогда, когда оно означало, главнымъ образомъ, господство надъ людьми, манитъ къ болѣе тонкимъ и болѣе разнообразнымъ наслажденіямъ жизни.

Этотъ поворотъ въ образѣ мыслей и въ стремленіяхъ людей задолго до этого былъ предсказанъ проницательными умами. Уже Шиллеръ въ своихъ «Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи» жаловался на то, что ходъ событій далъ генію времени направленіе, отдаляющее его отъ

искусства и идеала. Потребности господствуютъ надъ людьми и склоняютъ павшее человѣчество подъ свое титаническое ярмо. «Польза—великій идеалъ этого времени, которому должны служить всѣ силы и который должны восхвалять всѣ таланты». И Гёте вѣрнымъ взглядомъ схватилъ первые признаки новаго времени, когда писалъ Цельтеру въ 1825 г.: «Богатство и быстрота, вотъ что удивляетъ міръ, и къ чему каждый стремится. Желѣзныя дороги, быстрая почта, пароходы и всевозможныя облегченія сообщенія—къ этому приходитъ образованный міръ... Собственно говоря, это столѣтіе—для сильныхъ умовъ, для легко схватывающихъ практическихъ людей, которые, будучи снабжены извѣстной ловкостью, чувствуютъ свое превосходство надъ толпой, если даже они не одарены высшимъ талантомъ. Дайте намъ, насколько возможно, держаться образа мыслей, въ которомъ мы выросли; мы будемъ въ числѣ, можетъ быть очень немногихъ, послѣдними въ эпохѣ, которая такъ скоро уже не вернется». То, что уже давно съ высоты великаго міровоззрѣнія было выражено въ этихъ словахъ, осуществилось въ теченіе столѣтія. Экономическій индивидуализмъ (либерализмъ) вызвалъ не только измѣненіе внѣшнихъ условій жизни, но также и измѣненіе жизненнаго идеала, который въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо, направленъ къ устройству матеріальныхъ основаній нашего существованія. Осталась ли при этомъ безъ измѣненій идея либеральной системы хозяйства, идея о томъ, что лучшій для общества экономическій строй будетъ достигнутъ, благодаря безпрепятственному преслѣдованію отдѣльными личностями своихъ интересовъ? Опытъ учитъ, что этого не случилось, что стали сильны иныя идеи о государствѣ и обществѣ, которыя вмѣстѣ съ ростомъ политической силы либерализма выросли изъ старыхъ, отошедшихъ и вновь созданныхъ интересовъ. Показать, какъ они возникли, каковы ихъ основанія, ихъ цѣли, какъ изъ связи и борьбы съ либеральной идеей вытекаютъ современныя идеи экономической политики—составляетъ цѣль слѣдующихъ главъ.

---

2. КОНСЕРВАТОРЫ.

Враждебное отношеніе къ либеральной экономической политикѣ возникаетъ въ кругахъ, которымъ вредитъ система свободнаго мѣнового хозяйства: въ кругахъ ремесленниковъ, рабочихъ, позже также и у землевладѣльцевъ. Эти послѣдніе образовали съ теченіемъ времени партіи, подорвавшія политическое господство либерализма и придавшія экономической политикѣ новое направленіе. Идеи, изъ которыхъ исходили эти партіи въ ихъ враждебномъ отношеніи къ экономическому либерализму, не отличаются единствомъ.

Они возникаютъ частью изъ возрожденія идеаловъ прошлаго, частью основываются на противоположномъ либерализму воззрѣніи за человѣческую природу и государство, частью исходятъ изъ тѣхъ же естественныхъ условій общественной жизни, но дѣлаютъ изъ нихъ другіе выводы. Несмотря на крупныя различія въ партійныхъ политическихъ цѣляхъ антилиберальныхъ партій, всѣ они имѣютъ между собой о д н о общее: взглядъ на человѣческое общество, какъ на одно цѣлое, надѣленное самостоятельной жизнью, какъ на самостоятельную цѣнность соціальной организаціи. Въ этомъ согласны между собой и консервативныя, и клерикальныя, и соціалистическія и соціалъ-реформаторскія партійныя направленія, хотя выводы, дѣлаемые ими изъ взгляда на союзы между людьми, какъ на самостоятельныя и необходимыя единицы, и ведутъ къ противорѣчащимъ другъ другу политическимъ требованіямъ. Консервативные круги во время замѣтили свой путь. То, что вызывало въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, не-

согласныхъ съ либеральной экономической политикой, сопротивленіе новому ученію, были не только нарушенные интересы и боязнь потерять власть въ государствѣ и обществѣ, но глубокое противорѣчіе духовнаго свойства, совершенно иной взглядъ на сущность государства и на человѣческую природу. Этотъ взглядъ находитъ свое выраженіе въ органическомъ ученіи о государствѣ нѣмецкихъ философовъ и имѣетъ своихъ представителей въ лицѣ вліятельныхъ публицистовъ, приводящихъ основанія, которыя и въ настоящее время составляютъ еще значительную часть консервативнаго символа вѣры. Среди этихъ публицистовъ первый А д а м ъ М ю л л е р ъ въ своихъ лекціяхъ «Объ элементахъ государственнаго искусства» (1808) охарактеризовалъ теорію Ад. Смита—основаніе индивидуалистическаго либеральнаго хозяйственнаго строя — какъ одностороннюю теорію денегъ и частной собственности, какъ экономію вещей, дезогранизирующую человѣческое общество. Онъ сравниваетъ ея вліяніе съ вліяніемъ римскаго права. «Оба съ ихъ односторонними выводами вытѣснили изъ государства всякое чувство, всякую личность, религію и помогли разорвать узы крови; оба разрушили духъ любви и довѣрія и всякое чувство общественности, уничтожили духовную связь между людьми, вкоренившуюся въ нихъ, благодаря средневѣковымъ корпораціямъ и личному характеру каждаго и неотчуждаемости земельной собственности; оба поставили каждаго индивидуума въ зависимость отъ его ариѳметической пропорціи и превратили торговлю и промышленность въ шаткую лотерею». Этимъ сравненіемъ Ад. Мюллеръ освѣтилъ внутреннюю сущность противоположности между консервативнымъ и либеральнымъ міровоззрѣніемъ. Римское право есть право свободы обмѣна, защиты интересовъ индивидуумовъ, связанныхъ договорами. Германское право старалось придать продолжительный характеръ историческимъ условіямъ жизни, отношеніямъ людей другъ къ другу и къ вещамъ, въ особенности къ земельной собственности. До настоящаго времени стремленіе консерваторовъ направлено къ тому, чтобы сохранить значеніе или вновь ввести гер-

манскіе правовые институты, прежде всего въ области землевладѣнія.

Основная ошибка Ад. Смита, по мнѣнію Ад. Мюллера, заключается въ томъ, что онъ ограничился въ своей теоріи матеріальными благами и пользой момента. Но государственный дѣятель долженъ имѣть въ виду то, что даетъ цѣлому продолжительную выгоду, и духовнымъ наслажденіямъ и облагораживанію потребностей народа долженъ придавать такое же значеніе, какъ и увеличенію матеріальнаго богатства. Это возможно лишь тогда, если исходной точкой разсужденій является не отдѣльная личность, но государство. Большинство писателей поступаетъ такъ, какъ если бы они находились въ самомъ началѣ всѣхъ временъ, а государства лишь теперь должны были бы быть воздвигнуты, или, какъ если бы они были въ концѣ всѣхъ временъ, и могли бы ручаться за то, что ихъ потомки исполнятъ все, что имъ будетъ угодно. Но государство не есть полезное изобрѣтеніе, лишь вспомогательное средство, состоящее изъ всевозможныхъ неудобствъ, безъ котораго люди могли бы существовать въ случаѣ надобности, хотя и менѣе удобно и менѣе уютно. Наоборотъ, человѣкъ тѣсно связанъ съ государствомъ, и насколько ему невозможно освободиться отъ самого себя, настолько же онъ не можетъ освободиться отъ государства. Каждый гражданинъ имѣетъ позади себя прошлое, продуктомъ котораго онъ является, и впереди себя—будущее, за которое онъ тоже отвѣчаетъ. «Государство не есть лишь мануфактура, мыза, страховое учрежденіе и меркантильное сообщество; это—тѣсное соединеніе всей внутренней и внѣшней жизни націи въ одно великое, энергичное, безконечно движующееся и живое цѣлое». Государство не есть только соединеніе живущихъ въ одно и то же время, но соединеніе поколѣній, и потому рѣшающее значеніе въ государствѣ должна имѣть постоянно лишь польза цѣлаго.

Признаніе необходимости государства вытекаетъ, между прочимъ, и изъ необходимости соединенія людей въ цѣляхъ хозяйственной дѣятельности. Люди ведутъ постоянную борьбу съ землей, у которой они должны отвоевывать

средства для поддержанія своей жизни. «Эта война надъ всѣми войнами, эта война человѣческаго рода съ землей и есть міровая исторія». Въ этой войнѣ люди должны соединять свои силы, и поэтому государство и представляетъ собой, въ дѣйствительности, огромное экономическое общежитіе. По отношенію къ этой экономичееской дѣятельности на немъ лежатъ двѣ задачи. Первая заключается въ томъ, чтобы сдѣлать производство національной особенностью. Спросъ на продукты возникаетъ не потому, что они дешевы, но потому, что они обладаютъ особымъ свойствомъ. Вторая задача состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать равновѣсіе экономическихъ силъ внутри страны. Въ этомъ взглядѣ впервые выдвигается требованіе экономической самостоятельности и опровергается теорія международнаго раздѣленія труда. Сельскохозяйственное производство, разсуждаетъ Ад. Мюллеръ, не можетъ развиваться по доброй волѣ человѣческаго труда; самой природой ему поставлены опредѣленныя, вѣчныя границы. Правда, существуютъ страны, обладающія избыткомъ въ сельскохозяйственныхъ продуктахъ и потому имѣющія возможность отдавать его другимъ, перешедшимъ уже къ обрабатывающей промышленности, «но эта помощь сомнительна и зависитъ отъ крупныхъ міровыхъ событій». Поэтому, если сельскій трудъ не можетъ развиваться наравнѣ съ обрабатывающей промышленностью, послѣднюю необходимо сдерживать въ извѣстныхъ границахъ, ибо рано или поздно эти границы все равно были бы поставлены сельскимъ трудомъ насильно, сопровождаясь страданіями и мученіями. Новѣйшая политическая экономія исходитъ, правда, изъ того, на видъ весьма простого, положенія, что каждая страна должна свободно производить то, къ чему особенно пригодна. «Поскольку изъ этого долженъ слѣдовать тотъ выводъ, что различныя страны земного шара обязательно должны были бы распредѣлять свое производство въ зависимости отъ климатическаго положенія, а каждая страна въ отдѣльности, будучи только земледѣльческой и горнопромышленной, или фабричной, или торговой, должна была бы полагаться на экономическую

поддержку всѣхъ остальныхъ,—постольку это положеніе безусловно ложно... Нѣтъ, природа требуетъ, чтобы отдѣльныя части земного шара живо и вполнѣ развивались, чтобы основныя учрежденія человѣчества, сельское хозяйство со всѣми его придатками, точно также и городское хозяйство со всѣми своими находились бы въ равновѣсіи между собой для того, чтобы могло получиться полное хозяйство. Эти многочисленныя хозяйства могутъ затѣмъ сообща образовывать одно болѣе крупное хозяйство».

Ад. Мюллеръ усматриваетъ свою задачу прежде всего въ томъ, чтобы доказать, что, кромѣ настоящихъ, матеріальныхъ интересовъ индивидуумовъ необходимо соблюдать постоянные и болѣе высокіе интересы общества, представителемъ которыхъ и является государство. Личнымъ интересамъ отдѣльныхъ гражданъ, служащимъ исходнымъ пунктомъ либеральной системы хозяйства, противоставляется соціальный строй, регулируемый и поддерживаемый государствомъ въ интересахъ общихъ жизненныхъ цѣлей всѣхъ гражданъ и разсматриваемый, какъ элементъ, преобразующій жизнь человѣчества, и внутри этого общежитія земля и ея обработка разсматриваются, какъ основаніе всего общественнаго зданія.

Другая идея, играющая крупную роль въ консервативномъ міровоззрѣніи на государство и общество, это—идея о необходимомъ неравенствѣ и о превосходствѣ и подчиненіи людей по отношенію другъ къ другу. Карлъ-Людвигъ фонъ-Галлеръ защищалъ эту идею съ большимъ рвеніемъ противъ основаннаго на естественномъ правѣ представленія либерализма о естественной свободѣ и равенствѣ всѣхъ людей. Въ своемъ трудѣ «Возстановленіе государственной науки» (1816) онъ предпринимаетъ попытку доказать, что естественное состояніе не есть состояніе полной бездѣятельности, всеобщей независимости; оно обнимаетъ собой превосходство и подчиненіе, свободу и услуженіе, господство и зависимость. Эти различія въ соціальномъ положеніи покоятся на физическихъ и духовныхъ различіяхъ между индивидуумами, данныхъ самой природой и постоянно заново измѣняемыхъ въ продол-

женіе жизни. Господство поэтому также не основано на случаѣ; законъ природы опредѣляетъ, чтобы естественное превосходство однихъ и вызванныя слабостью потребности другихъ создавали для первыхъ свободу и господство, для послѣднихъ—зависимость и услуженіе. Глубоко въ душѣ человѣка лежитъ скрытымъ общее, захватывающее тяготѣніе къ тому, чтобы даже непринужденно и добровольно присоединиться къ признанному болѣе сильнымъ и добровольно подчиняться его господству. Болѣе старшему, болѣе сильному, болѣе богатому, болѣе умному и мудрому предоставляется окружающими его господство; авторитетъ, признанная власть однихъ надъ другими создается поэтому всегда и всюду самой жизнью. Правда, эти отношенія мѣняются. Свободный можетъ сдѣлаться слугой, слуга—свободнымъ, сильный—слабымъ, слабый—сильнымъ, но никогда не дано всѣмъ людямъ въ одно и то же время въ одинаковой степени быть свободными. Поэтому мы видимъ, что и въ республикахъ повсюду господствуютъ болѣе сильные «И что такое большинство товарищества, какъ опять-таки не болѣе высокая власть, и почему оно повелѣваетъ меньшинствомъ, какъ не потому, что оно болѣе сильно?» И всегда господствуетъ та власть, въ которой больше всего нуждаются, которая удовлетворяетъ потребностямъ или устраняетъ вредъ. Такимъ путемъ образуются государство и общество, такъ они создаютъ миръ и порядокъ. «И если бы государство создавалось будто бы лишь человѣческимъ разумомъ и соглашеніемъ, мы наврядъ ли увидали бы когда-либо этотъ цвѣтокъ жизни. И если бы всѣ люди по силѣ были равны другъ другу, то мы видѣли бы не только общую безпомощность, но и вѣчную войну между всѣми. Распоряженія сильныхъ не оскорбляютъ, потому что они естественны. И только такимъ путемъ становится возможнымъ общее довольство, тогда какъ болѣе сильные стали бы возмущаться, если бы болѣе слабые стали приказывать». Такъ фонъ-Галлеръ противоставляетъ «химерѣ» искусственно-гражданскаго состоянія общаго равенства «естественно-товарищеское состояніе» превосходства и подчиненія и основываетъ такимъ

образомъ власти въ государствѣ и обществѣ на естественномъ законѣ. Для консервативнаго ученія о государствѣ отсюда вытекаетъ слѣдствіе, что, если государство должно поддерживать, охранять и развивать единство націи въ противовѣсъ единичнымъ интересамъ, общественное цѣлое въ противовѣсъ преходящимъ частямъ его, то оно можетъ совершать это, только сохраняя въ то же время соціальныя различія между общественными группами. «Каждому свое» означаетъ тогда не каждому равное, но каждому различное, смотря по его соціальному положенію и обязанностямъ.

Вліяніе Галлера на нѣмецкихъ консерваторовъ было велико до средины 19 столѣтія, затѣмъ выступаетъ духовный представитель консервативныхъ идей—Фр. І. Штааль. Въ лекціяхъ о политическихъ партіяхъ, читаннымъ имъ въ 1850—1857 гг. въ Берлинскомъ университетѣ—они были изданы послѣ его смерти подъ заглавіемъ: «Современныя политическія партіи въ государствѣ и церкви»—онъ только закладываетъ основы консервативнаго міровоззрѣнія. Онъ перенимаетъ у Галлера представленіе объ естественной закономѣрности верховной власти, но основываетъ ее въ то же время на нравственныхъ идеяхъ и мотивахъ. Сущность противоположности между консерваторами и всѣми другими партіями нашего времени—либералами, демократами, соціалистами—состоитъ въ томъ, что первые надъ волею отдѣльныхъ гражданъ или надъ ихъ количественнымъ большинствомъ, но также и надъ волею главы государства или всякой верховной власти признаютъ нѣчто болѣе высокое, безусловно связывающее, установленный божественной властью порядокъ, данный авторитетъ, историческое право, естественное раздѣленіе народа, естественныя и моральныя блага націи, сохраненіе которыхъ составляетъ первую задачу общественнаго порядка, въ то время какъ на право индивидуума на бо́льшее пространство для свободнаго движенія, на бо́льшее участіе въ матеріальныхъ благахъ стоитъ лишь на второмъ планѣ. Цѣль всей исторіи—прогрессъ къ свободѣ, но къ истинной свободѣ, которая, повышая право индивидуальности, въ то же время

увеличиваетъ моральныя блага и благо общества. Стремленія другихъ партій совершенно противоположны. Носителемъ либерализма является лишь знатная буржуазія, представляющая болѣе высокій имущественный и образовательный уровень, не отличаясь рожденіемъ и историческимъ значеніемъ, не представляя возвышенныхъ и блестящихъ учрежденій, какъ духовенство и войско: купцы, фабриканты, промышленники высшаго ранга, чиновники. Ихъ интересъ состоитъ въ защитѣ отъ опасности, грозящей ихъ свободѣ со стороны государства и отъ народныхъ массъ; либеральная партія является поэтому представительницей имущихъ классовъ противъ этихъ обѣихъ силъ. Теоретически она имѣетъ свои корни въ идеѣ народнаго суверенитета и равенства. Но этотъ принципъ она осуществляетъ лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы сломить власть и неравенство, которыя служатъ препятствіемъ для средняго класса, по отношенію же къ массамъ она стремится къ господству имущихъ и образованныхъ, слѣдовательно—къ своему собственному господству. На-ряду съ господствомъ буржуазіи, свобода отдѣльной личности составляетъ цѣль либеральной партіи. Эта свобода понимается такимъ образомъ, что всѣ союзы превращаются въ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а общественный организмъ—въ отдѣльныя аггрегаціи: отсутствіе различія въ устройствѣ города и деревни, отсутствіе сословій, корпорацій, соціальнаго превосходства, отсутствіе неравенства, за исключеніемъ неравенства въ одномъ отношеніи—имущественномъ. Но именно это неравенство неограничено, оно не создаетъ никакого расчлененнаго общества, никакихъ расчлененныхъ учрежденій; оно не создаетъ поэтому и никакой свободы, потому что неимущіе принуждаются къ подчиненію при отсутствіи существующей въ организованномъ обществѣ обязанности къ помощи. Либеральная партія желаетъ свободнаго обмѣна и свободной конкурренціи, чему противятся и консерваторы и соціалисты. «Консервативная партія хочетъ поставить границы при помощи учрежденій, соціалистическая партія—управленіе самимъ обществомъ.

Тамъ человѣкъ подчиняется закону, здѣсь—большинству другихъ людей, предписывающихъ ему работу». Либерализмъ отвергаетъ и то и другое и требуетъ поэтому невозможнаго, ибо государственный организмъ не можетъ основываться на разъединеніи. «Движеніе не остановится на неограниченной конкурренціи. Если не совершить возврата къ прежнимъ основаніямъ народнаго хозяйства, хотя бы и сильно ихъ расширивъ, то придется итти впередъ, къ соціализму, который безусловно исключаетъ всякую индивидуальную свободу и налагаетъ ежедневно на каждаго человѣка работу, какъ за былого крѣпостного работника». Либерализмъ уничтожаетъ въ основѣ весь общественный строй земельной собственности и промышленной дѣятельности, которыя должны обезпечивать благосостояніе сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ; онъ придаетъ значеніе только индивидууму. Но «въ дѣйствительности строй жизни каждой націи вращается вокругъ двухъ полюсовъ: одинъ, это—общественный строй, т.-е. глубокомысленно организованное для своихъ внутреннихъ цѣлей общежитіе, другой—индивидуальная свобода». Первый именно и создаетъ границы для того, чтобы, въ противоположность цѣлямъ либерализма, индивидуальная свобода не была вся направлена на матеріальные интересы, чувственныя наслажденія, на блескъ богатства и для того, чтобы деньги, увеличеніе дохода и занятіе промышленной дѣятельностью не сдѣлались главной цѣлью законодательства и управленія. Въ этомъ и заключается величайшая опасность либерализма; его выступленіе въ защиту свободнаго развитія личности само по себѣ оправдывается тѣмъ, что онъ исходитъ изъ того положенія, что деньги могутъ все сдѣлать и образуютъ цементъ между людьми, вмѣсто прежнихъ личныхъ связей между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ, между господами и слугами, между хозяевами и подмастерьями.

Демократія и соціализмъ дѣлаютъ конечные выводы изъ естественноправовыхъ воззрѣній, на которыхъ основывается также и либерализмъ. Демократія покоится на всей массѣ низшихъ классовъ. Она стремится къ народному

суверенитету, къ дѣйствительному активному господству народныхъ массъ; къ нераздѣльной власти для народа или его вождей; къ неограниченной народной власти и по объекту и по объему; къ полному подчиненію отдѣльной личности народной волѣ и къ равенству въ полной мѣрѣ. Она отбрасываетъ поэтому тѣ границы, которыя либерализмъ установилъ для народной власти; собственность и промышленную свободу, и требуетъ гарантій для обезпеченія всѣхъ народныхъ массъ. Идеалъ демократіи, это—апоѳеозъ человѣческаго рода, абсолютное прославленіе народа. Она сливаетъ людей въ одну массу, при которой отдѣльная личность исчезаетъ во всемъ народѣ. Въ соціализмѣ этотъ политическій идеалъ связанъ съ экономическимъ, и на основахъ демократіи создается новый строй частной жизни при отрицаніи свободной конкурренціи, ведущей къ имущественному неравенству, и при подчеркиваніи новаго положительнаго элемента, силы ассоціаціи. Но въ обоихъ направленіяхъ этотъ идеалъ ведетъ къ подавленію свободы личности, къ механизированію хозяйственной дѣятельности, благодаря чему уничтожаются естественныя побужденія къ труду.

Въ противоположность этимъ политическимъ партіямъ, консервативная партія защищаетъ принципъ органической жизни общества, вытекающей изъ историческихъ и естественныхъ фактовъ, постоянство развитія права—вмѣсто переворотовъ, признаніе ненарушимости пріобрѣтеннаго права—вмѣсто формальнаго всемогущества закона, расчлененіе общества по его естественнымъ основаніямъ, потребностямъ и задачамъ, по силамъ, его опредѣляющимъ, т.-е. по собственности, отраслямъ труда и профессіямъ—вмѣсто собраній отдѣльныхъ голосовъ. Она стремится къ созданію профессіональныхъ группъ съ особыми правами, къ земельной собственности, какъ къ основанію важнѣйшихъ политическихъ правъ, къ раздѣленію между городомъ и деревней во всѣхъ отношеніяхъ. Она стремится къ корпораціямъ, профессіональнымъ товариществамъ, общинамъ, округамъ, и къ автономіи этихъ корпорацій. Консервативная партія находится поэтому въ оппозиціи од-

носторонней и могущественной государственной власти, бюрократіи, которая приводитъ къ поглощенію самостоятельныхъ круговъ общества центромъ, но также и въ оппозиціи демократіи съ ея господствомъ числа. Консервативная партія требуетъ аристократическаго сословнаго самоуправленія округовъ, аристократическаго въ томъ смыслѣ, что люди должны имѣть значеніе не только, какъ индивидуумы, но какъ представители извѣстной вещи, собственности, профессіи и, въ зависимости отъ этого, имѣть почести и власть. Въ этомъ смыслѣ крестьянинъ стоитъ выше бобыля, мастеръ—выше подмастерья, гражданинъ—выше горожанина, духовное лицо—выше члена общины. Изъ этой позиціи консервативныхъ партій по отношенію къ государству и обществу вытекаетъ, что ихъ программа не можетъ заключать въ себѣ строго проведенной системы, логическихъ выводовъ изъ одного основного принципа. Ея содержаніе опредѣляется даннымъ строемъ, существующими правовыми, моральными и религіозными традиціями.

Эти элементы консервативнаго взгляда на общество и государство могли привести къ новымъ цѣлямъ въ экономической политикѣ лишь, когда на практикѣ хозяйственной жизни постепенное осуществленіе основныхъ положеній либеральной системы вызвало въ отдѣльныхъ кругахъ общества разочарованіе и вредныя послѣдствія, и когда со всѣхъ сторонъ стали замѣчаться теченія, противоположныя либеральной политикѣ. Одно изъ такихъ теченій представляло к о о п е р а т и в н о е д в и ж е н і е.

Основатель этого движенія, Робертъ Оуэнъ, и христіанскіе соціалисты въ Англіи желали преобразовать съ самаго основанія либеральный хозяйственный строй, такъ какъ въ стремленіи къ прибыли, господствующемъ въ этомъ строѣ, они усматривали причину крупныхъ соціальныхъ золъ, нищеты и моральнаго вырожденія—съ одной стороны, и излишествъ и моральное очерствленіе—съ другой. Противъ золъ системы свободной конкурренціи есть лишь одно средство; оно заключается «въ братскомъ христіанскомъ принципѣ кооперації, т.-е. соединеннаго

труда при раздѣленіи общей прибыли». Представители этого міровоззрѣнія обращаются противъ «свободы умирать отъ голода», которая не можетъ принести никакого улучшенія, противъ разрыва моральныхъ узъ, которыя прежде связывали людей другъ съ другомъ. Форма человѣческаго хозяйства должна быть преобразована отъ самаго основанія; должны быть созданы ассоціаціи, которыя представляли бы собой организацію общаго труда и распредѣленія его плодовъ и вступали бы въ союзъ другъ съ другомъ для взаимнаго дополненія ихъ производительной дѣятельности. Это—тѣ идеи крупной соціальной реформы, которыя вызвали къ жизни кооперації, реформы, которая была прямо враждебна либеральной системѣ и хотѣла ее уничтожить, ограничивая область, въ которой имѣли силу либеральные принципы.

Въ Англіи, гдѣ съ 1817 г. дѣйствовалъ Оуэнъ въ пользу новаго устройства общества на основѣ провозглашенныхъ имъ идей кооперації, и во Франціи, гдѣ ассоціаціи прославлялись въ первой половинѣ 19 столѣтія цѣлымъ рядомъ писателей, какъ спасеніе отъ разрушающей общество либеральной системы, эти цѣли ясно выступаютъ у основателей кооперацій, которыя въ значительномъ числѣ возникаютъ въ этихъ странахъ. Апологеты кооперацій въ большинствѣ случаевъ являются сторонниками вырастающаго въ то время новаго соціалистическаго ученія объ обществѣ; это ученіе ожидало въ будущемъ полной общности производства и планомѣрнаго справедливаго распредѣленія благъ. Кооперації должны были служить средствомъ для достиженія этой цѣли. Поэтому сторонники этихъ идей обращаются прежде всего къ рабочимъ, которые при капиталистической системѣ либерализма вполнѣ зависятъ отъ интересовъ капитала и не могутъ пріобрѣсти самостоятельнаго значенія. Посредствомъ соединенія для общаго производства и посредствомъ общей заботы о потребленіи думали освободиться отъ вредныхъ дѣйствій новаго хозяйственнаго строя, на которомъ долженъ былъ быть построенъ новый общественный порядокъ.

Кооперативное движеніе первоначально не содержитъ въ себѣ никакихъ консервативныхъ элементовъ. Правда, оно стремится къ уничтоженію либеральной системы, но не къ сохраненію стараго соціальнаго строя; наоборотъ, въ Англіи и во Франціи оно имѣетъ скорѣе нивеллирующія, демократическія тенденціи. Лишь черезъ нѣкоторое время было признано, что этотъ радикализмъ не вытекаетъ неизбѣжно изъ формы кооперації; что кооперація скорѣе представляетъ средство не только преодолѣть индивидуализмъ, но также и предохранить отъ соціализма. Эта характерная особенность природы кооперації заключалась въ томъ, что кооперація защищаетъ, съ одной стороны, принципъ организаціи, въ противоположность атомизму либеральной системы, но, съ другой стороны, также все-таки и принципъ свободнаго строя, въ противоположность принудительному строю соціализма, уничтожающему всякую индивидуальную свободу. Этотъ взглядъ на природу кооперації и послужилъ въ Германіи исходной точкой, когда экономическая нужда въ 40-хъ годахъ, нищета ткачей, вызванная развивающимися текстильными фабриками, безпомощность ремесленниковъ передъ огромными предпріятіями, безнадежное состояніе образовавшагося фабричнаго пролетаріата пробудили и въ Германіи потребности въ соціальной помощи. Было признано, что уничтоженіе старой связанной организаціи и отсутствіе новой несетъ съ собой опасности, и потому стремились помочь этому злу, не возвращаясь къ отжившимъ формамъ. Мѣры помощи не должны были, однако, ослаблять силы самопомощи, самостоятельности и самобдительности и должны были создавать моральныя и интеллектуальныя послѣдствія на-ряду съ матеріальными. Этимъ требованіямъ и отвѣчали кооперації или ассоціаціи, какъ они обыкновенно назывались въ то время. Уже въ 30-ые годы нѣкоторыми писателями рекомендовались кооперативныя предпріятія, но болѣе интенсивнымъ кооперативное движеніе стало лишь въ концѣ 40-хъ годовъ. Три лица почти въ одно и то же время, независимо другъ отъ друга, и въ различныхъ областяхъ, по различнымъ основаніямъ, выступили въ защиту этого движенія. Первымъ, въ литературномъ отношеніи наиболѣе значительнымъ, былъ принадлежавшій къ евангелическо-консервативной партіи профессоръ Викторъ Эме Губеръ, который, благодаря путешествіямъ по Англіи, Франціи, Бельгіи и изученію англійскихъ и французскихъ писателей, держался того убѣжденія, что положеніе рабочихъ классовъ является великой общественной проблемой нашего времени и можетъ быть улучшено на продолжительное время лишь путемъ ассоціаціи. «Ассоціація есть единственная, дѣйствительно, консервативная корпорація въ настоящемъ и въ будущемъ для такъ называемыхъ трудящихся классовъ». На-ряду съ семьей, благотворительностью, церковью, внутреннимъ миссіонерствомъ, общиной съ призрѣніемъ бѣдныхъ и промышленными корпораціями необходимо еще нѣчто новое. «Это новое и есть именно плодъ дѣятельности свободно соединенныхъ консервативныхъ силъ, которыя я (вмѣстѣ съ другими) обозначаю выраженіемъ ассоціація». Отъ 1847 до 1869 г.г. Губеръ занимается агитаціонной и литературной дѣятельностью и горячо старается убѣдить своихъ политическихъ друзей въ этическомъ и политическомъ значеніи организаціи рабочихъ для самопомощи и свободной дѣятельности въ союзахъ и въ соединеніи съ лицами, принадлежащими къ другимъ классамъ. Губеръ не достигъ никакихъ продолжительныхъ результатовъ, но все же бросилъ сѣмя, распространилъ идеи и далъ пищу для зарождающагося въ обществѣ стремленія къ новому хозяйственному строю. Въ то же время Шульце-Деличъ гораздо трезвѣе, безъ великихъ перспективъ и философскихъ обоснованій, подошелъ къ идеѣ о кооперацiяхъ несравненно ближе и понятнѣе для публики. Шульце-Деличъ принадлежалъ къ либеральной партіи, однако, онъ не защищалъ крайней точки зрѣнія лежащаго въ основѣ этой партіи индивидуализма, но признавалъ значеніе, даже необходимость соединеній. Только путемъ объединенія экономически слабые могли бы, по его мнѣнію, получить силу для самоутвержденія и разумнымъ образомъ отстаивать свои интересы; объединяясь въ одно

цѣлое, они могутъ достигнуть тѣхъ выгодъ въ области кредита, закупки и продажи, которыя въ другихъ случаяхъ доступны лишь крупному предпринимателю. Шульце-Деличъ обращается прежде всего къ мелкимъ промышленникамъ, къ ремесленникамъ и ждетъ отсутствія золъ, которыя именно въ этой средѣ вызвала свободная конкурренція, благодаря свободной организаціи отдѣльныхъ слабыхъ индивидуумовъ въ одно производительное цѣлое. Въ 1848 г. онъ основалъ свое первое товарищество для закупки сырыхъ матеріаловъ и въ 1850 г. первое кредитное товарищество для того, чтобы и дальше путемъ неустаннаго труда подчинять ассоціаціи все новыя и новыя стороны хозяйственнаго процесса; съ этого времени въ средѣ мелкихъ городскихъ, преимущественно промышленныхъ хозяйствъ ассоціація оцѣнивается въ качествѣ полезнаго средства къ самосохраненію, въ качествѣ опоры средняго класса, который, посредствомъ использованія своего малаго капитала собственнымъ трудомъ, стремится удержать свое положеніе между неимущимъ рабочимъ классомъ и крупными предпринимателями. Между тѣмъ какъ Шульце-Деличъ строилъ свои кооперації на чисто экономическихъ предпосылкахъ, въ качествѣ системы цѣлесообразной, сберегающей издержки организаціи, въ Рейнской провинціи городской голова, Рейффейзенъ поставилъ себѣ цѣлью использовать въ общихъ экономическихъ цѣляхъ общинный союзъ своей родины, который уже въ далекомъ прошломъ былъ также хозяйственнымъ союзомъ. Онъ основывалъ союзы членовъ общины, сначала для обезпеченія кредитомъ изъ средствъ, составлявшихся изъ вкладовъ членовъ общины и постороннихъ лицъ. Распоряженіе этимъ фондомъ должно было происходить не для извлеченія прибыли, и потому должно было давать лишь обычный процентъ и должно было вестись безплатно; обезпеченіемъ кредита должны были служить личныя способности и личное достоинство, но не залоги или вклады; поэтому объединеніе и должно было ограничиться однимъ общиннымъ союзомъ для того, чтобы были возможны и оцѣнка личныхъ качествъ пользующагося кредитомъ и контроль за его хозяйствомъ. Эти товарищества были возможны лишь при условіяхъ совмѣстной жизни въ деревнѣ, хотя и здѣсь они, послѣ основанія перваго товарищества въ 1847 г., получаютъ мало распространенія. Но они представляютъ собой сѣмя, изъ котораго съ теченіемъ времени выросло могучее дерево нѣмецкихъ сельско-хозяйственныхъ кооперацій.

Къ этому же времени, къ концу 40-ыхъ г.г., и въ церковныхъ кругахъ начинаютъ удѣлять особенное вниманіе соціальнымъ условіямъ. Матеріальная нужда широкихъ слоевъ населенія даетъ поводъ и католической и протестантской церкви указывать на необходимость въ реформахъ. Баронъ фонъ-Кеттелеръ говоритъ въ Майнцѣ проповѣди противъ ложнаго ученія о неизмѣнномъ правѣ собственности, на которой также лежатъ соціальныя обязанности, а среди протестантовъ І. Г. Вихернъ уже въ 1849 г. излагаетъ въ качествѣ задачъ внутренней миссіи церкви большую программу соціальной благотворительности; программа эта стремится, правда, къ тому, чтобы сдѣлать плодотворными моральныя и христіанскія основанія отношеній людей другъ къ другу, но въ то же время требуетъ коренныхъ измѣненій общественной организаціи путемъ созданія ассоціацій трудящихся классовъ и людей другихъ профессій. И въ публицистикѣ того времени, главнымъ образомъ въ статьяхъ въ «Нѣмецкомъ Трехмѣсячникѣ» все чаще высказывается та мысль, что ощущается потребность въ корпоративномъ расчлененіи, въ противоположность атомизированію либеральной системы, а въ философіи права эта мысль обосновывается еще глубже путемъ новаго анализа человѣческой природы и природы общества.

Такимъ образомъ, уже къ срединѣ 19 столѣтія въ Германіи имѣются налицо нѣкоторые признаки того, что побѣдоносно шествующій впередъ либерализмъ владѣетъ уже далеко не всѣми умами, и что даже тамъ, гдѣ онъ идейно господствуетъ, его основная идея нерѣдко слабѣетъ, разрушается и сопровождается совершенно противо-

положными идеями. Хотя Германія къ этому времени и не представляла блеска и остроты въ критическомъ обсужденіи соціальныхъ условій и либеральнаго міровоззрѣнія, какія представляли французская и англійская литература, но все-таки либерализмъ не оставался совершенно безъ возраженій. Правда, въ общественной жизни эта оппозиція либерализму все-таки не выросла ни въ какую силу. Для общества все еще представляло значительную выгоду распространеніе принципа экономической свободы внутри страны, ибо только одинъ этотъ принципъ и могъ привести къ полному использованію производительныхъ условій въ странѣ, къ независимости отъ иностранныхъ государствъ (Англіи и Франціи) въ области снабженія продуктами индустріи. Богатство народа и финансовая сила государства зависѣли отъ поддержки крупныхъ промышленныхъ предпріятій, отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, отъ основанія крупныхъ кредитныхъ учрежденій, институтовъ страхованія и т. д., и значительная часть населенія, находившая себѣ занятіе въ сельскомъ хозяйствѣ, имѣла возможность хотя косвеннымъ образомъ извлекать выгоду изъ этой системы, такъ какъ растущая индустрія и увеличивающееся городское населеніе вызывали усиленный спросъ на сельскохозяйственные сырые матерьялы и предметы потребленія. Такъ практическіе интересы зажиточной городской буржуазіи и сельскихъ хозяевъ требовали поддержки свободы обмѣна, а государственные дѣятели и представители либеральныхъ профессій должны были дѣлать изъ этихъ фактовъ тотъ выводъ, что идеи экономической политики, въ которыхъ они были воспитаны и которыя стали господствующими во всей Европѣ, не могутъ быть подорваны въ своихъ принципіальныхъ основаніяхъ.

Лишь два общественныхъ слоя должны пострадать при переходѣ къ новой системѣ хозяйства—ремесленники и фабричные рабочіе. Нищета рабочихъ на фабрикахъ, въ Германіи, какъ и повсюду, сопровождавшая возникновеніе современной крупной промышленности, главнымъ образомъ способствовала появленію указанныхъ выше желаній реформъ и вызывала чувства жалости, состраданія и

стремленія къ благотворительности, но на цѣли экономической политики не оказывала еще никакого вліянія. Рабочіе стоятъ еще слишкомъ далеко отъ носителей политической власти, они еще не достаточно отчетливо выдѣляются, какъ особый классъ населенія, отъ остальныхъ его слоевъ, и лишь немногіе признаютъ ихъ нужду, какъ явленіе, сопутствующее измѣненіямъ въ хозяйственной организаціи. Иначе обстоитъ дѣло съ ремесленниками. Эти имѣли еще свою старую организацію, цехи, которые, какъ ни незначительна была ихъ власть, все же являлись видимымъ признакомъ большой традиціи и дѣлали классъ ремесленниковъ особой, въ соціальномъ отношеніи чрезвычайно цѣнной частью общества. Отчасти въ дѣйствительности, отчасти въ смутномъ сіяніи, которое блескъ прошлаго бросалъ на настоящее, классъ ремесленниковъ былъ представителемъ городской буржуазіи. Въ соціальной дифференціаціи капиталистическаго общества онъ представлялъ средній классъ, который, находясь между пролетаріатомъ и крупнымъ капиталомъ, былъ достаточно обезпеченъ для того, чтобы сохранить соціальную самостоятельность, но не достаточно зажиточенъ для того, чтобы имѣть возможность существовать безъ собственнаго труда. Этотъ классъ ремесленниковъ и стоящія близко къ нему транспортныя и торговыя предпріятія, благодаря возникновенію крупныхъ предпріятій были приведены въ чрезвычайно стѣсненное положеніе, такъ что въ 40-хъ гг. крупное движеніе среди ремесленниковъ требовало даже ограниченія промышленной свободы. Гейдельбергскій промышленный союзъ издалъ лозунгъ, подъ которымъ движеніе вплоть до настоящаго времени вело свою борьбу: «Средній классъ въ большинствѣ случаевъ обѣднѣлъ», а профессоръ Винкельблехъ (Марло) сталъ духовнымъ инспираторомъ этого движенія. Онъ требовать сильнаго цехового устройства, обнимающаго всѣ отрасли промышленности, ограниченія промысловыхъ привилегій и крупной организаціи промышленнаго труда.

Въ агитаціи ремесленниковъ эта идея превратилась въ требованіе возстановленія стараго цехового устройства. Союзъ представителей ремесленныхъ и промышлен-

ныхъ союзовъ всей Германіи, засѣдавшій во Франкфуртѣ на М. отъ средины іюля до средины августа 1848 г., такъ называемый ремесленный парламентъ, выставилъ слѣдующія требованія: ограниченіе числа мастеровъ; предоставленіе всякой ремесленной работы на фабрикахъ мѣстнымъ цеховымъ мастерамъ; предоставленіе каждому, занимающемуся ремесленнымъ трудомъ, права заниматься лишь *однимъ* ремесломъ; передача мелкой торговли ремесленными товарами мастерамъ, членамъ ремесленныхъ союзовъ; право на промышленную дѣятельность исключительно въ городахъ; недопустимость городскихъ общинныхъ и акціонерныхъ мастерскихъ; распредѣленіе общественныхъ работъ между мастерами установленнымъ ими промышленнымъ совѣтомъ; запрещеніе держать болѣе двухъ учениковъ; обложеніе фабрикъ налогами въ пользу ремесленниковъ; обязательное обученіе; обязательный переходъ изъ одной мастерской въ другую; обязательное испытаніе ученика.

Это движеніе поставило положительную цѣль консервативной экономической политикѣ. Общественное значеніе требованій ремесленниковъ заключалось не въ ихъ конкретныхъ частностяхъ, но въ ихъ основномъ принципѣ: сохраненіе средняго класса въ смыслѣ совершившейся исторически соціальной дифференцировки; ограниченіе вновь возникающей крупной индустріи, ограничивающей вліяніе прежнихъ соціальныхъ силъ и корпоративное расчлененіе общества съ правомъ самоуправленія, въ противовѣсъ атомистическимъ тенденціямъ либерализма и централистическимъ стремленіямъ, пересиливающимъ вліяніе государства. Вотъ почему ремесленники и раньше находили и въ настоящее время еще встрѣчаютъ поддержку со стороны консервативныхъ партій. Вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ природѣ то обстоятельство, что они хотятъ дифференціаціи народа по естественнымъ основаніямъ, потребностямъ и задачамъ общества, по имуществу, отраслямъ труда и профессіямъ отвести опредѣленное вліяніе на всю политическую и общественную *организацію*. Они требуютъ общественныхъ *учрежденій*, которымъ подчинены индивидуумы, и потому въ ихъ направленіи и лежали стремленія ремесленниковъ къ ассоціаціямъ съ цѣлью самоуправленія промышленныхъ предпріятій съ общественно правовыми функціями. Эти ассоціаціи считались средствомъ въ пользу неимущихъ въ противовѣсъ силѣ капитала. Въ нихъ думали найти главный рычагъ будущаго народнаго хозяйства, рычагъ производства менѣе обезпеченныхъ, средство противъ нужды.

Но ассоціація не единственное средство, примѣненія котораго требовалъ новый экономическій строй. Новыя положительныя задачи ставятся и государству. Шталь слѣдующимъ образомъ излагаетъ ихъ въ своемъ ученіи о правѣ и государствѣ. Государство должно дѣйствовать въ такомъ направленіи, чтобы народныя массы образовали *одинъ средній классъ*, слѣдовательно, предписывается сохраненіе сословія самостоятельныхъ мелкихъ сельскихъ хозяевъ (крестьянъ) въ противоположность крупному сельскому хозяйству и сельскимъ рабочимъ; сохраненіе промышленнаго сословія мелкихъ обезпеченныхъ мастеровъ въ противоположность фабрикантамъ и фабричнымъ рабочимъ. Эта цѣль предполагаетъ, что законодательство заботится объ устойчивости собственности, т.-е. о возможно большемъ сохраненіи однѣхъ и тѣхъ же семей и однихъ и тѣхъ же земельныхъ владѣній, которыя въ состояніи пропитать семью, а потому и о наслѣдственномъ правѣ въ земельномъ владѣніи, о покровительствѣ наслѣдственно арендному отношеніямъ и о препятствіяхъ раздѣленію земельныхъ владѣній. Лозунгъ объ освобожденіи земельной собственности подѣйствовалъ только въ томъ отношеніи, что мелкіе собственники, нуждающіеся въ чужомъ капиталѣ, попадаютъ въ ипотечную задолженность, которая въ концѣ-концовъ губитъ ихъ собственность. Какъ въ деревнѣ крестьянинъ, такъ и въ городѣ горожанинъ, мелкій и средній ремесленникъ должны являться предметомъ поддержки и сохраненія. Ибо крупная индустрія угрожаетъ обществу серьезными опасностями. «До сихъ поръ фабричная промышленность и машинное производство представляютъ бѣдствіе для

человѣческаго рода. Такъ какъ, въ виду ихъ производительности, ихъ нельзя уже устранить, то необходимо заботиться о томъ, чтобы изъ зла превратить ихъ въ благо. Тамъ, гдѣ еще существуетъ цвѣтущій ремесленный классъ, необходимо всяческими средствами защищать его отъ фабричной промышленности. Но гдѣ фабричной системѣ суждено существовать, а, слѣдовательно, и вытѣснить ремесленный классъ, тамъ для государства возникаетъ новая задача; оно должно обезпечить новому классу фабричныхъ рабочихъ безбѣдное существованіе. Это должно произойти, во-первыхъ, посредствомъ законодательной охраны рабочихъ (ограниченіе дѣтскаго труда, ограниченіе рабочаго времени, гарантія заработной платы) и, во-вторыхъ, посредствомъ обобществленія имущественныхъ средствъ рабочихъ для обезпеченія вдовъ, больныхъ, безработныхъ и для болѣе дешеваго снабженія предметами потребленія.

Такимъ образомъ, изъ примѣненія основныхъ принциповъ къ фактамъ дѣйствительности, какъ ихъ создала и способствовала ихъ распространенію система экономической свободы, вытекали для консервативныхъ круговъ положительныя цѣли ихъ экономической политики для внутренней жизни государствъ: сохраненіе или введеніе вновь отдѣльныхъ связывающихъ учрежденій и препятствій развивающейся крупной индустріи въ пользу ремесленнаго средняго класса и для охраны рабочихъ массъ, занятыхъ въ ней и находящихся подъ ея господствомъ. Если въ 50-ые г.г. было признано общее политическое и соціальное значеніе вопроса о ремесленной промышленности и тѣмъ самымъ былъ поднятъ и вопросъ о среднемъ классѣ вообще, то въ 60-ые годы на первый планъ выступилъ рабочій вопросъ. Въ особенности, Германнъ Вагенеръ, работавшій много лѣтъ къ «Крестовой Газетѣ», неутомимо выступаетъ за то, чтобы консервативное правительство занялось нуждами широкихъ массъ населенія. Между тѣмъ какъ среди значительной части консерваторовъ отклоненіе либеральной системы было связано съ представленіемъ о возможности, по существу, къ возвращенію къ старому строю хозяйственныхъ профес-

сіональныхъ сословій,—наиболѣе одаренные умы требовали новаго строя, покровительствуемаго и поддерживаемаго государствомъ и отвѣчающаго фактамъ дѣйствительности и потребностямъ фабричныхъ рабочихъ. Только такимъ путемъ возможно, по ихъ мнѣнію, реорганизовать общество и въ то же время поставить препятствія распространенію господства новыхъ соціальныхъ силъ, движимыхъ только денежными интересами,—крупной индустріи, крупной торговли и банковаго міра. Вагенеръ ясно высказалъ, что организація широкихъ массъ населенія и попеченіе о нихъ являются «единственнымъ способомъ противодѣйствовать стремленію такъ-называемой буржуазіи къ политическому и соціальному самовластію». Въ католическихъ кругахъ баронъ фонъ-Кеттелеръ, епископъ г. Майнца, уже въ началѣ 60-хъ г.г. разработалъ соціально-политическую программу въ своемъ сочиненіи о рабочемъ вопросѣ. Подъ его вліяніемъ въ 1868 г. была основана христіанско-соціальная партія, издававшая собственный органъ «Христіанско-соціальные листы». Въ 1871 г. примѣру Кеттелера послѣдовалъ настоятель Майнцскаго Собора, Муфангъ, который выступалъ какъ за правовое признаніе рабочихъ ассоціацій, такъ и за вмѣшательство закона въ защиту рабочаго при заключеніи рабочаго договора и даже за регулированіе государствомъ заработной платы. Въ протестантскихъ кругахъ, въ началѣ 70-хъ гг., консерваторы Адольфъ Вагнеръ и Рудольфъ Мейеръ выступили въ защиту соціальной реформы на религіозной и монархической почвѣ, а протестантскіе священники, пасторъ Тольдтъ и, позже, Адольфъ Штекеръ защищали съ христіанской точки зрѣнія широкія требованія реформъ.

Въ программахъ консервативной партіи и центра ясно выступаютъ поэтому въ срединѣ 70-хъ г.г. обѣ цѣли экономической политики. Программа консерваторовъ отъ 1876 г. требуетъ постепеннаго устраненія привиллегій крупнаго денежнаго капитала, излеченія отъ тяжкихъ золъ, которыя заключали въ себѣ преувеличенная экономическая централизація и отсутствіе прочныхъ порядковъ въ сельскомъ хозяйствѣ и мелкой промышленности, охраны честнаго

промышленнаго труда отъ эксплоатаціи со стороны спекуляціи и непорядковъ акціонерныхъ обществъ, подъема моральнаго и экономическаго положенія наемныхъ рабочихъ при помощи дѣйствительнаго фабричнаго законодательства, обезпеченія и покровительства мирному сотрудничеству предпричимателей и рабочихъ. Центръ подчеркиваетъ въ своей одновременно опубликованной программѣ «сохраненіе и поддержку сильнаго средняго класса въ лицѣ самостоятельнаго городского, крестьянскаго и ремесленнаго сословій, и ведущую къ этому реформу экономическаго законодательства». Въ одномъ изъ своихъ предложеній, внесенныхъ въ рейхстагъ, центръ требуетъ: «воскреснаго отдыха для всего трудящагося населенія; защиты и подъема промышленнаго класса посредствомъ ограниченія промышленной свободы, регулированія отношеній между учениками, подмастерьями, съ одной стороны, и мастерами—съ другой, покровительства корпоративнымъ союзамъ; охраны труда; промышленныхъ третейскихъ судовъ».

На ряду съ вопросами, касающимися средняго класса и рабочихъ, въ практической политикѣ принимаются также и другія цѣли, установленныя теоретиками консервативнаго государственнаго міровоззрѣнія: борьба противъ денежнаго капитала вообще, который получаетъ все болѣе опредѣленную организующую власть, господствующую надъ развитіемъ индустріи, торговли, транспорта и, вообще, надъ рынкомъ, и требованіе политики, принимающей во вниманіе особенности сельскаго хозяйства и охраняющей землевладѣніе отъ уменьшенія его народно-хозяйственнаго и соціальнаго значенія. Въ 1876 г. консерваторы учреждаютъ «Союзъ сторонниковъ налоговой и экономической реформы», ставящій своей цѣлью «распространять въ народѣ идеи и принципы общеполезнаго, основаннаго на христіанскихъ началахъ, народнаго хозяйства и проводить ихъ въ законодательствѣ». Программа Союза обнаруживаетъ двѣ характерныя черты. Она стремится, во-первыхъ, путемъ налоговыхъ мѣропріятій и, особенно, акціонернаго законодательства привлекать денежный капиталъ къ болѣе производительнымъ по условіямъ

даннаго государства государства промышленнымъ предпріятіямъ и, во-вторыхъ, уменьшить моральныя и экономическія опасности, связанныя съ акціонерными предпріятіями при свободномъ обмѣнѣ. На ряду съ этимъ программа защищаетъ и особенные интересы землевладѣнія. «Сельское землевладѣніе должно быть освобождено отъ вліянія римскаго права. Въ особенности за нимъ должны быть сохранены соотвѣтствующая его природѣ форма задолженности и соотвѣтствующее нѣмецкимъ нравамъ наслѣдственное право». Съ этого времени въ программѣ экономической политики консервативныхъ партій все сильнѣе выступаетъ подчеркиваніе особаго положенія землевладѣнія въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ и необходимости, въ интересахъ общества поддерживать его въ его историческомъ расчлененіи, а также и тенденція отводить государству все болѣе широкія полномочія въ областяхъ, которыя могутъ приводить къ суженію власти крупнаго капитала и къ политикѣ, принимающей во вниманіе интересы землевладѣнія, какъ экономически слабаго элемента, напримѣръ, къ переходу желѣзныхъ дорогъ въ руки государства. Когда въ концѣ 70-хъ г.г. произошелъ поворотъ отъ свободной торговли къ покровительственной системѣ, тогда пошли еще дальше воззрѣній Фридриха Листа и стали требовать и провели національную покровительственную систему, въ которой главную роль играла идея о сохраненіи въ государствѣ и о развитіи сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности, т.-е. была принята защищавшаяся Ад. Мюллеромъ система національной хозяйственной автономіи, вмѣстѣ со всѣми, приводимыми Ад. Мюллеромъ въ ея пользу, обоснованіями. Такъ съ теченіемъ времени соціально-политическая программа консервативныхъ партій восприняла всѣ интересы, противящіеся системѣ неограниченной хозяйственной свободы. Въ какой мѣрѣ этимъ интересамъ удѣляется вниманіе—понятно, не въ повседневной политической борьбѣ, обусловленной тактической необходимостью, но по ихъ идеальному значенію—опредѣляется изложенными нами выше основными взглядами на при-

роду государства и общества. Эти воззрѣнія приводятъ къ поддержкѣ всѣхъ стремленій, которыя ведутъ къ корпоративному раздѣленію общества, къ самоуправленію, въ противоположность централизаціи, но также къ поддержанію существующей власти въ общественной и частной жизни, къ сохраненію соціальныхъ различій. Совершенно особенное вниманіе удѣляется землевладѣнію. Въ земельномъ хозяйствѣ опредѣленно выступаютъ естественные органическіе элементы; оно противится полному подчиненію капиталистическому хозяйству, и оно же въ то же время является самой сильной опорой существующаго общественнаго строя противъ нападокъ со стороны соціализма.

3. СОЦІАЛИЗМЪ.

Изъ всѣхъ измѣненій, которымъ подвергалось въ 19 ст современное общество, однимъ изъ самыхъ значительныхъ является измѣненіе въ количествѣ наемныхъ рабочихъ и въ условіяхъ ихъ жизни. И раньше уже существовали свободные наемные рабочіе; но лишь подъ вліяніемъ развитія крупной индустріи, торговли и путей сообщенія число ихъ такъ сильно увеличилось, что вполнѣ правильно было сказано, что бо́льшая часть современнаго рабочаго класса была создана лишь въ 19 столѣтіи. Это справедливо, въ особенности, если принять во вниманіе, что условія жизни, создавшія изъ наемныхъ рабочихъ особый классъ, были вызваны лишь своеобразными особенностями экономическаго строя, основаннаго на свободномъ обмѣнѣ. Въ прежнее время условія въ деревнѣ опредѣлялись главнымъ образомъ системой помѣщичьяго землевладѣнія; крѣпостной крестьянинъ былъ въ то же время и сельскимъ рабочимъ помѣщика. Въ области ремесленной промышленности условія труда регулировались цеховымъ строемъ, и преобладаніе ремесленнаго производства создавало для большинства рабочихъ возможность или, по крайней мѣрѣ, надежду на достиженіе самостоятельности. Въ 19 ст. условія труда перестаютъ быть предметомъ публичнаго права, и въ области сельскихъ отношеній такъ же, какъ и въ области ремесленнаго производства, они основыва-

ются на частномъ договорѣ, который по идеѣ либерализма долженъ заключаться каждымъ индивидуумомъ въ отдѣльности въ каждомъ данномъ случаѣ. Послѣдствія этихъ измѣненій дали себя чувствовать въ области аграрныхъ отношеній лишь въ послѣднія десятилѣтія, въ промышленности же они обнаружились весьма быстро. Машинное производство и все болѣе успѣшно конкуррирующее крупное производство, вообще, дѣлаютъ все болѣе затруднительнымъ въ этой области достиженіе самостоятельнаго положенія, ибо неимущій рабочій не можетъ въ своемъ положеніи рабочаго ни накопить необходимаго для цѣли капитала, ни пріобрѣсти техническаго и коммерческаго образованія и дѣлового опыта. Условія труда, основанныя на расторгаемомъ въ любую минуту договорѣ (т. к. капиталистическія предпріятія должны вестись не согласно личнымъ наклонностямъ, а подъ давленіемъ конкурренціи по принципу наибольшей экономіи), становятся поэтому постояннымъ удѣломъ все возрастающаго количества рабочихъ. Ихъ число растетъ, потому что увеличивающаяся интенсивность народнаго хозяйства вызываетъ въ новыхъ областяхъ возникновеніе крупныхъ предпріятій, которыя доставляютъ новымъ поколѣніямъ населенія возможность имѣть заработокъ путемъ приложенія ихъ рабочей силы. Въ прежнее время крупное производство представляло собой совершенно единичное явленіе. Еще въ 18 ст. предпріятія съ 10, 50 и 100 рабочими разсматриваются, какъ крупныя предпріятія. Собственно крупное производство начинаетъ развиваться лишь гораздо позже, въ Германіи и Австріи лишь съ средины 19 столѣтія. Прогрессъ, достигнутый имъ, можетъ быть иллюстрированъ нѣсколькими слѣдующими цифровыми данными. Промышленная дѣятельность вообще увеличилась въ Германіи настолько, что въ 1846 г. 10 чел., занятыхъ въ промышленности, приходилось на 122, а въ 1907 г.—на 50 жителей. Среднее число рабочихъ въ рудникѣ равнялось въ 1843 г., по Зомбарту, 40, въ 1900 г.—1224, число занятыхъ при доменной печи въ 1832 г. равнялось 13, въ 1900 г.—322; на желѣзномъ заводѣ Круппа было занято отъ 1810

до 1848 гг. 72 рабочихъ, въ 1907 предпріятія Круппа обнимали 64.359 рабочихъ. Шпрингеръ въ своей статистикѣ Австрійской имперіи указываетъ, что въ 1837 г. общее производство желѣза достигло (не считая Венгріи) 1,7 милліоновъ центнеровъ, въ 1907 г. на одномъ только заводѣ Витковица—7,6 милл.; 45 сахарныхъ заводовъ производили тогда вмѣстѣ 150 тыс. дв. центн. сахара, т.-е. по 3.400 дв. центн. на каждый заводъ, въ 1905/06 г.г. 200 заводовъ производили 11 милл. дв. центн., т.-е. въ среднемъ по 55.000 дв. центн. на заводъ. Но рѣшающее значеніе имѣетъ не только фактъ совершенно неизвѣстнаго прежде распространенія вполнѣ крупныхъ предпріятій; и въ среднихъ и мелкихъ предпріятіяхъ въ настоящее время производство совершается съ бо́льшимъ капиталомъ и съ болѣе сложными техническими приспособленіями, такъ что прежнее, традиціонное ремесленное производство, которому каждый можетъ научиться, ограничивается въ настоящее время лишь самыми мелкими предпріятіями. Благодаря этому, число лицъ, профессіей которыхъ является работа по найму, настолько увеличилось, что Зомбартъ исчисляетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ семьями отъ ¼ до ⅓ всего населенія. Территоріальное распредѣленіе индустріи вызываетъ то, что эти рабочія массы соединяются въ опредѣленныхъ мѣстахъ, прежде всего въ городахъ, но здѣсь при одинаковыхъ однообразныхъ условіяхъ жизни, при отсутствіи соціальной связи съ другими частями общества, научаются чувствовать себя совершенно самостоятельной частью этого общества и начинаютъ сравнивать свое экономическое и соціальное положеніе съ положеніемъ остальныхъ классовъ.

Съ возникновеніемъ фабричной системы связано было повсюду и ухудшеніе положенія рабочихъ. Примѣненіе машинъ вначалѣ вовсе не приводило къ уменьшенію труда рабочихъ, наоборотъ, послѣдствіемъ этого являлось удлиненіе рабочаго времени, примѣненіе болѣе слабыхъ рабочихъ силъ, женщинъ и дѣтей, и вслѣдствіе этого—пониженіе заработной платы. Забота о процвѣтаніи предпріятія заставила просмотрѣть опасности, связанныя съ

непрерывнымъ производствомъ, ставшимъ возможнымъ, благодаря введенію машинъ, и съ замѣной самостоятельныхъ рабочихъ силъ болѣе слабыми, которыя нужны были лишь для обслуживанія машинъ и техническихъ приспособленій. И дальше, когда усовершенствованія машинъ снова вызвали необходимость въ мужскомъ трудѣ, трудъ женщинъ и дѣтей продолжалъ сохраняться въ широкомъ объемѣ, и при помощи раздѣленія труда для этихъ рабочихъ силъ создавали соотвѣтствующую самостоятельную работу. Между тѣмъ совершенно не обратили вниманія ни на опасности, вызываемыя увеличеніемъ интенсивности труда, который долженъ былъ приспособляться къ ходу машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе моторами, ни на вредъ для здоровья, который могъ быть связанъ съ прогрессомъ труда или съ употребляемыми веществами; во всякомъ случаѣ, эти явленія считались неизбѣжными спутниками необходимыхъ дѣйствій. Наблюденія, которыя можно было дѣлать надъ фабричной системой, вызвали во всѣхъ государствахъ первую реакцію противъ экономической свободы. Въ Англіи, Франціи, Пруссіи, Швейцаріи и Австріи безпощадная эксплоатація дѣтей въ раннемъ возрастѣ при 12-14 часовой, иногда и болѣе долгой, работѣ привела къ первымъ законамъ для охраны труда. Но это были скромныя мѣропріятія, большей частью лишь поздно предпринятыя и направленныя только противъ симптомовъ этихъ условій. Общее положеніе класса фабричныхъ рабочихъ становится совершенно безнадежнымъ. Если рабочій не хочетъ умирать съ голоду, онъ вынужденъ на основаніи «свободнаго» договора принимать однообразную, отупляющую, физически истощающую чрезмѣрнымъ рабочимъ временемъ работу. Заработная плата скудна, но рабочій не въ состояніи противиться невыгоднымъ требованіямъ и недостаточной платѣ, потому что каждый изъ рабочихъ въ отдѣльности безсиленъ. Вслѣдствіе незначительности платы трудъ жены и дѣтей становится необходимымъ для доставленія необходимыхъ средствъ существованія, а предложеніе этихъ рабочихъ силъ, въ свою очередь, оказываетъ постоянное давленіе на заработную плату. Усло-

вія жизни внѣ работы не доставляютъ ни отдыха, ни утѣшенія. Жилищныя условія ухудшаются съ ростомъ городовъ и приводятъ къ скопленію людей въ самыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, противорѣчащихъ всѣмъ требованіямъ гигіены, не удовлетворяющихъ потребности въ отдыхѣ и оставляющихъ неудовлетвореннымъ всякое стремленіе къ духовнымъ и умственнымъ радостямъ жизни. Питаніе недостаточно; семейная жизнь вслѣдствіе отсутствія какого-либо домашняго уюта, какого-либо регулярнаго домашняго хозяйства, большой дѣтской смертности и невозможности осуществлять воспитаніе дѣтей, разрушена; алкоголизму и другимъ физическимъ и нравственнымъ опасностямъ открытъ широкій доступъ. И изъ всей этой жалкой жизни, окружающей рабочаго, для него нѣтъ никакого выхода. Періодъ его полной трудоспособности рано приходитъ къ концу, а между тѣмъ его доходъ связанъ съ его физической силой. Онъ съ полной увѣренностью можетъ разсчитывать на пониженіе своего дохода еще до наступленія старости, и даже въ лучшіе годы его заработокъ завѣситъ отъ постоянной смѣны обстоятельствъ; онъ постоянно стоитъ предъ опасностью сокращенія дѣятельности его предпринимателя, а вмѣстѣ съ этимъ и предъ опасностью безработицы. Болѣзнь, несчастные случаи, инвалидность постоянно угрожаютъ ему; онъ не можетъ ихъ избѣгнуть и въ концѣ своей трудовой добросовѣстной жизни онъ видитъ лишь пріютъ для бѣдныхъ; у него нѣтъ никакихъ правъ на обезпеченіе своей старости, такъ какъ онъ самъ не можетъ доставить себѣ этого обезпеченія при помощи одного только своего заработка и не можетъ разсчитывать съ увѣренностью на помощь со стороны дѣтей и другихъ родственниковъ. Между тѣмъ онъ видитъ, какъ вокругъ него растетъ богатство, какъ человѣческія желанія распространяются на все новыя и новыя блага, какъ совершенствуются производительность предпріятій и ихъ экономическая организація, какъ все болѣе широкіе круги трудящихся служатъ производству и распредѣленію товаровъ. Этотъ могучій, все выше вздымающійся потокъ бурлитъ мимо него, не дѣлая его жизнь лучше и плодотворнѣе!

Это настроеніе вызванное наблюденіемъ надъ всѣми этими фактами и событіями, было выражено Дж. Ст. Миллемъ, который писалъ въ 1848 г.: «Если бы огромная масса человѣческаго рода должна была постоянно оставаться въ такомъ же положеніи, въ какомъ она находится въ настоящее время,—въ рабствѣ тяжелаго труда, который не представляетъ для нея никакого интереса, и въ которомъ она не заинтересована,—мучась съ ранняго утра до поздней ночи, при всѣхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ лишеніяхъ, которыя влечетъ за собой подобное состояніе—безъ собственнаго внутренняго источника поддержки; безъ образованія, ибо образованіе этихъ массъ не можетъ быть лучше ихъ питанія; живя въ эгоизмѣ, ибо забота о существованіи занимаетъ всѣ ихъ мысли; безъ интересовъ и не сознавая себя гражданами государства и членами общества; и въ то же время съ бродящимъ въ душѣ сознаніемъ явно совершаемой по отношенію къ нимъ несправедливости по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ владѣютъ другіе, и чего они сами лишены,—если бы подобное состояніе было предустановлено навсегда, то я совершенно не могъ бы сказать, какъ могъ бы кто-нибудь, здраво разсуждающій, продолжать и дальше заботиться о назначеніи человѣческаго рода». Это состояніе было сознано фабричнымъ рабочимъ населеніемъ и принесено въ его сознаніе тѣми писателями, которыхъ мы называемъ соціалистами, такъ какъ собственныя способности рабочаго, связаннаго обычными представленіями, не давали возможности познать исключительное положеніе рабочаго класса. Вначалѣ лишь немногія личности поняли, что это единое сознаніе всего рабочаго класса должно создать совершенно новый элементъ въ политической жизни. Въ Германіи Тюбингенскій проф. государственныхъ наукъ, Робертъ Моль одинъ изъ первыхъ обратилъ на это вниманіе въ такое время, когда о рабочей партіи еще не было и рѣчи. «Достаточно было 50—60 лѣтъ—писалъ онъ въ 1840 году—для того, чтобы создать и совершенно разрушить милліоны фабричныхъ рабочихъ; еще болѣе короткое время нужно было для того, чтобы замкнутымъ строемъ противопоставить ихъ другимъ слоямъ

общества». И десять лѣтъ спустя онъ писалъ о фабричномъ рабочемъ населеніи: «Мы всѣ теперь знаемъ, что общее всѣмъ этимъ милліонамъ состояніе вызываетъ у нихъ—и притомъ въ предѣлахъ не только одного государства—общность образа жизни, воззрѣній, интересовъ, страстей, совпаденіе въ нравахъ и порокахъ, одинаковое отношеніе къ другимъ сторонамъ жизни того или иного народа. Мы всѣ знаемъ теперь, что вслѣдствіе этихъ такъ широко распространенныхъ особенностей въ общественную жизнь вошелъ совершенно новый элементъ... совершенно независимый отъ формы государственнаго устройства и до сихъ поръ лишь съ чисто внѣшней стороны уловимый для государственныхъ законовъ». Этотъ новый элементъ есть пролетаріатъ. Такъ былъ названъ классъ неимущихъ рабочихъ, которому суждено было страдать подъ господствомъ хозяйственной системы, свободной конкурренціи и капитализма, и который испытывалъ свое печальное экономическое и соціальное положеніе, какъ слѣдствіе частной собственности и системы свободной конкуренціи. Ибо вслѣдствіе существованія этого правового института пролетаріатъ былъ лишенъ средствъ производства и тѣмъ самымъ и возможности самостоятельнаго независимаго дохода; система же конкурренціи создала для предпринимателя-капиталиста необходимость употреблять пріобрѣтаемыя имъ рабочія силы лишь, какъ средство для полученія дохода, разсматривать ихъ лишь, какъ «руки», цѣна которыхъ входитъ въ составъ издержекъ. Эксплоатація рабочихъ, т.-е. безпощадное использованіе ихъ рабочей силы, стало, вслѣдствіе этой системы хозяйства, объективной необходимостью. Этотъ фактъ противорѣчилъ, однако, тѣмъ двумъ основнымъ положеніямъ, которыя были провозглашены либерализмомъ: 1) положенію о томъ, что для всѣхъ благъ трудъ является элементомъ производящимъ, творящимъ, какъ училъ Ад. Смитъ и какъ провозглашала послѣ него политическая экономія; 2) положенію, при помощи котораго либерализмъ со дня своего появленія боролся противъ привиллегій прошлаго времени,—что всѣ люди отъ природы равны. Чувствуя это противорѣчіе между своимъ

фактическимъ положеніемъ и принципами свободы и равенства личности, которые должны были быть признаны за всѣми, рабочій классъ объединился въ одно цѣлое, какъ ни были различны существующія въ его средѣ воззрѣнія на государство, общество, и жизнь. «Общимъ, собственно соціальнымъ фактомъ является то обстоятельство, что именно рабочій классъ началъ признавать себя самостоятельнымъ, страдающимъ, вторымъ классомъ общества, хотя и подчиненнымъ капиталу, но тѣмъ не менѣе самой природой труда, какъ и самымъ существомъ личности, призваннымъ къ общественному равенству наряду съ имущими классами»,— такъ характеризуетъ Л. Штейнъ (Промышленное общество, 1855) рабочее движеніе. Знаніе этого приводитъ къ противоположности между рабочимъ и имущимъ классами; сознаніе этого и создало современный пролетаріатъ, и эта противоположность между капиталомъ и трудомъ, капиталомъ и пролетаріатомъ становится однимъ изъ тѣхъ фактовъ, которые оказываютъ вліяніе на развитіе всѣхъ народовъ, общественное устройство которыхъ основано на капитализмѣ. Сначала ограниченное лишь фабричными рабочими, движеніе это съ теченіемъ времени распространяется и на другіе классы, на мелкихъ самостоятельныхъ собственниковъ, и охватываетъ всѣхъ, которые полагаютъ, что современный хозяйственный строй, основанный на частной собственности, обмѣнѣ и конкурренціи, можетъ быть замѣненъ такимъ строемъ, въ которомъ в с ѣ м ъ людямъ можетъ быть обезпечено полное развитіе ихъ личности, благодаря отмѣнѣ всѣхъ стѣсненій, налагаемыхъ въ настоящее время имущественными различіями.

Подобный новый экономическій строй не могъ бы быть основанъ путемъ возвращенія къ прежнимъ формамъ хозяйства, въ которомъ рабочій былъ и собственникомъ средствъ производства и занимался ремесленнымъ производствомъ. Поставленная цѣль требовала для своего осуществленія огромнаго повышенія производства, такъ какъ всѣмъ людямъ должно было бы быть обезпечено достаточное удовлетвореніе ихъ потребностей и на всѣхъ должно было бы быть возложено меньшее бремя труда.

Достиженіе этого возможно лишь по тому пути, который указанъ развивающимся капитализмомъ: посредствомъ использованія экономическихъ выгодъ, которыя доставляетъ крупное производство, какъ вслѣдствіе достаточнаго снабженія высокимъ, технически болѣе совершеннымъ производительнымъ капиталомъ, такъ и благодаря широкому раздѣленію и кооперації труда и благодаря высокоразвитой организаціи, которая изъ планомѣрно руководимой совмѣстной работы многихъ людей можетъ создать высшую степень энергіи и труда массы всѣхъ трудящихся. Соціалисты поэтому неустанно подчеркиваютъ экономическія выгоды крупнаго производства и доказываютъ, что лишь совершенное обобществленіе труда приведетъ его къ наивысшей достижимой ступени производительности. Какъ ни много достигнуто при посредствѣ частной собственности въ дѣлѣ увеличенія производства,—высшая ступень не можетъ быть здѣсь достигнута, ибо имущественные интересы отдѣльныхъ лицъ оказываютъ слишкомъ сильное сопротивленіе, а раздробленіе производства и его исключительное приспособленіе къ денежной выгодѣ требуютъ примѣненія массы излишняго, непроизводительнаго труда. Непроизводительное мелкое производство, все еще господствующее въ массѣ въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ, препятствуетъ полному развитію существующихъ производительныхъ силъ и использованію знаній, къ которымъ уже привели наука и техника; отсутствіе планомѣрности въ общемъ хозяйствѣ и конкурренціи вынуждаютъ, однако, къ затратѣ массы труда на посредническую торговлю, на рекламу и къ мертвымъ издержкамъ на борьбу съ конкуррентами, старающимися урвать въ свою пользу существующій спросъ, такъ что французскій соціалистъ Фурье главнымъ недостаткомъ современнаго общественнаго строя прямо считаетъ незначительность общественнаго богатства, которое общество въ дѣйствительности можетъ создать. Если бы все общественное производство было организовано по принципамъ современной техники, то съ несравненно меньшей затратой труда можно было бы въ настоящее время достигнуть увеличенія во много разъ народнаго дохода, такъ что предположеніе о

томъ, что сокращеніе рабочаго времени на половину и даже больше сопровождалось бы увеличеніемъ производства благъ въ 2, а то и въ 3 раза, ничуть не представляется утопичнымъ.

Однако, поскольку капитализмъ въ области крупнаго производства ведетъ къ болѣе производительнымъ организаціямъ, онъ повышаетъ основное зло частной собственности—эксплоатацію человѣка человѣкомъ. Вся современная организація хозяйства основана на томъ, что огромная масса неимущихъ вынуждена работать на другихъ, которые обогащаются благодаря доходу, приносимому чужимъ трудомъ, между тѣмъ какъ сами рабочіе въ стѣсненномъ положеніи ведутъ жалкую жизнь. Стремленія соціалистовъ направлены поэтому къ уничтоженію частной собственности, по крайней мѣрѣ, на средства производства, и къ замѣнѣ ея какой-нибудь общей, организованной на кооперативныхъ началахъ, собственностью общества, которое пользовалось бы ею и «изъ источника нищеты и гнета превратило бы ее въ источникъ высшаго благоденствія и всесторонняго гармоничнаго совершенствованія». (Программа германской соціалъ-демократической партіи, принятая въ Эрфуртѣ въ 1891 г.). Въ этомъ взглядѣ на конечную цѣль, которой должны служить отмѣна частной собственности и превращеніе ея въ общественную, выраженъ идеалъ соціализма. Этотъ идеалъ состоитъ въ высшемъ совершенствованіи отдѣльной личности, которому должно быть подчинено хозяйство, являющееся лишь средствомъ къ этому. Между тѣмъ въ настоящее время въ подчиненіи всѣхъ интересовъ матеріальнымъ цѣлямъ хозяйства уничтожаются и высшія цѣли жизни. Вмѣсто того, чтобы матеріальныя условія служили этимъ высшимъ цѣлямъ, въ настоящее время даже искусство и наука становятся орудіями наживы. Все болѣе и болѣе исчезаетъ самостоятельная цѣнность духовныхъ благъ; огромная масса не принимаетъ въ нихъ никакого участія, а вмѣстѣ съ этимъ гибнетъ и масса талантовъ, способностей и чистой, настоящей радости. Достигнуть для всѣхъ людей міра духовной свободы, красоты, свободы изслѣдованія, эстетическаго наслажденія, создать имъ возможность наслаждаться своимъ существованіемъ путемъ развитія ихъ личныхъ духовныхъ силъ и способностей—таковъ идеалъ, который ставитъ себѣ соціализмъ. Это—конечный выводъ изъ признанія равноцѣнности человѣческой личности. Существованіе этой равноцѣнности возможно лишь въ томъ случаѣ, если люди будутъ освобождены отъ того гнета, который налагаютъ на нихъ заботы о матеріальномъ существованіи. Безъ обезпеченности экономическаго основанія жизни нѣтъ никакой свободы и никакой возвышенности духа, и отъ этой матеріальной заботы общество должно освободить отдѣльную личность, налагая на нее за это лишь обязанность выполнять въ необходимыхъ размѣрахъ свою долю труда въ качествѣ члена общежитія. При огромномъ увеличеніи производительности организованнаго общежитія размѣры этого труда незначительны, гораздо меньше, чѣмъ то количество труда, которое современный хозяйственный строй налагаетъ на отдѣльную личность; но совершенно неоцѣнимо то вознагражденіе, которое будетъ дано за этотъ необходимый трудъ: обезпеченность существованія, бережливое обращеніе съ жизненными силами, доставленіе всѣхъ вспомогательныхъ средствъ для заботы о физической, умственной и духовной жизни при полной свободѣ въ устройствѣ личной жизни. Лишь при этихъ условіяхъ исчезнетъ послѣдняя форма эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, оставшаяся еще послѣ уничтоженія рабства и различныхъ видовъ личной зависимости въ средніе вѣка, и господство однихъ надъ другими, основанное на собственности, на власти распоряжаться матеріальными средствами производства. Съ отмѣной частной собственности будетъ устранена возможность такихъ явленій, когда огромныя массы однихъ должны работать для того, чтобы незначительному количеству другихъ обезпечить нетрудовой доходъ, когда они создаютъ пьедесталъ, на которомъ можетъ развиваться блестящее богатство меньшинства. Эти противорѣчія навсегда исчезнутъ, люди соединятся въ одно культурное общежитіе, основанное на производительной работѣ всѣхъ; хозяйство, раскалывающее въ настоящее время людей на двѣ части, раздѣ-

ляющее ихъ на враждебные другъ другу классы, перестанетъ служить центромъ всѣхъ интересовъ; соотвѣтственно своему матеріальному назначенію, оно будетъ представлять необходимую, но подчиненную общую дѣятельность; честолюбіе, трудолюбіе, талантъ будутъ свободно и безпрепятственно примѣняться къ высшимъ жизненнымъ цѣлямъ и находить удовлетвореніе въ научной работѣ, въ искусствахъ, въ трудахъ, полезныхъ для всего общества.

Конечная цѣль соціализма простирается значительно дальше чисто экономической цѣли; хозяйственный строй является лишь средствомъ для достиженія болѣе высокой цѣли: для устраненія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и свободнаго развитія личности для всѣхъ индивидуумовъ. Относительно того, въ какой формѣ долженъ въ дѣйствительности существовать этотъ общественный строй хозяйства съ всеобщей обязанностью труда и съ всеобщимъ правомъ на пользованіе благами, мнѣнія соціалистовъ сильно расходятся между собой. При всемъ согласіи относительно конечной цѣли и необходимости отмѣны частной собственности, какъ фундамента хозяйственной организаціи, существуетъ все же сильное различіе во взглядахъ на пути и средства и на конкретныя учрежденія, которыя должны соотвѣтствовать соціалистическому идеалу. Именно по своей идеѣ соціализмъ является не только соціалистическимъ, но и культурнымъ идеаломъ. «Согласно этому ученію, назначеніе людей состоитъ уже не только въ равенствѣ и свободѣ, но и въ возстановленіи Царства Божія на землѣ, и именно, благодаря господству труда. Урегулированіе общества такимъ путемъ, съ этой точки зрѣнія, становится счастьемъ и освобожденіемъ рода человѣческаго посредствомъ труда» (Штейнъ). Не только интересы того или иного класса общества являются мѣриломъ, который прилагается къ современному положенію вещей; соціализмъ хочетъ охватить всю жизнь общества въ его отношеніи къ высшему назначенію индивидуума и заставитъ общество служить достиженію этого назначенія. Руководящіе умы среди соціалистовъ заходили поэтому значительно дальше чисто экономическихъ идей и для всей общественной жизни выста-

вили совершенно новые идеалы. Семья, бракъ, воспитаніе, мораль и право изслѣдуются въ связи съ формами хозяйства такъ же, какъ и устройство и управленіе политической организаціи государства. Повсюду для освобожденныхъ отъ экономическихъ путъ индивидуумовъ должна быть открыта новая область свободной дѣятельности, основанной на внутреннихъ духовныхъ силахъ. Уже въ настоящее время мы видимъ, что отдѣльный индивидуумъ тѣмъ богаче можетъ развиваться, чѣмъ болѣе развиты соціальныя условія, съ которыми онъ связанъ, а потому усовершенствованіе личности можно ждать лишь отъ увеличивающейся соціализаціи. Этотъ идеалъ и объясняетъ слѣдующее опредѣленіе задачъ соціализма, данное Бернштейномъ: «Высшей задачей всѣхъ культурныхъ стремленій и не въ меньшей степени также и культурныхъ стремленій соціализма является не какая-либо форма собственности или какой-либо методъ хозяйства, но осуществленіе свободнаго человѣка. Сколько требуется для этой цѣли коммунизма, онъ долженъ былъ осуществленъ. Отъ большаго человѣчество откажется, въ случаѣ надобности—даже возстанетъ. (Предисловіе къ сочиненію Койгена) *).

Критика либеральной системы хозяйства и идеалъ новаго общественнаго строя, основаннаго на общей собственности и кооперативномъ производствѣ, были представлены прежде всего въ Англіи и Франціи. Въ Англіи Роб. Оуэнъ и его сторонники, во Франціи Сэнъ-Симонъ и Шарль Фурье и ихъ ученики проповѣдывали и распространяли новое ученіе. Оуэнъ съ 1816 г. въ теченіе десятилѣтней, неустанной агитаціонной дѣятельности старался убѣдить людей въ томъ, что физическое, духовное и нравственное состояніе населенія зависитъ отъ общественныхъ условій. При существованіи частной собственности и хозяйственной организаціи, регулируемой стремленіемъ къ прибыли, порокъ, преступленіе, нищета, отсутствіе счастья должны являться удѣломъ огромной массы, между тѣмъ, какъ общее хозяйство, обезпечивающее всѣмъ людямъ достаточное удовле-

*) Авторъ имѣетъ въ виду сочиненіе Д. Койгена „Культурныя воззрѣнія соціализма“. (Kulturanschaungen des Sozialismus, 1903). Прим. перев.

твореніе ихъ потребностей и участіе въ культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, привело бы всѣхъ людей къ наивысшему духовному и физическому совершенству. Оуэнъ стремился поэтому къ преобразованію современнаго общества въ союзъ небольшихъ общежитій, которыя сами обо всемъ заботились бы и находились бы другъ съ другомъ въ мѣновомъ обмѣнѣ, служащемъ лишь удовлетворенію необходимыхъ нуждъ. Оуэнъ не основалъ никакой настоящей соціальной партіи, но положилъ начало движенію въ пользу кооперацій и въ пользу законодательства объ охранѣ труда въ Англіи.

Сэнъ-Симонъ и Фурье были лишь писателями, но и въ качествѣ таковыхъ оказали огромное вліяніе на развитіе воззрѣній на общество и высказали всѣ идеи, которыя содержитъ въ себѣ система соціализма. Сэнъ-Симонъ (1760—1825) видитъ въ современныхъ условіяхъ труда, основанныхъ на свободномъ договорѣ, послѣднюю стадію того явленія, которое до сихъ пръ являлось общимъ всѣмъ экономическимъ системамъ человѣчества: эксплоатацію человѣка человѣкомъ, которая создаетъ между людьми непреодолимую противоположность интересовъ. Прежнія формы, рабство, крѣпостничество и противоположность между рабовладѣльцами и рабами, патриціями и плебеями, помѣщиками и крѣпостными, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ антагонизмомъ, который существуетъ между работодателями и рабочими; въ дѣйствительности же современное состояніе есть только продолженіе прежняго. «Является ли рабочій договоръ дѣйствительно свободнымъ дѣйствіемъ со стороны рабочаго? Безъ сомнѣнія— нѣтъ, ибо рабочій, которому грозитъ голодъ, вынужденъ соглашаться на этотъ договоръ, такъ какъ у него нѣтъ никакого другого средства для поддержанія своего существованія, кромѣ его ежедневнаго труда. Это происходитъ потому, что, хотя въ области политическихъ правъ всѣ привилегіи по рожденію отмѣнены, но самая важная, соціальная привилегія — богатство—осталась. Благодаря системѣ наслѣдственнаго права это богатство передается въ имущихъ классахъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, между

тѣмъ, съ другой стороны, наслѣдственной сдѣлалась также и нищета. Такъ сохраняется величайшее и самое ужасное неравенство между людьми. Это состояніе не можетъ продолжаться постоянно; какъ всѣ революціи до сихъ поръ преслѣдовали цѣль ослабленія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, такъ и въ настоящее время только революція можетъ вызвать въ людяхъ воодушевленіе; «революція, которая окончательно, разъ навсегда, уничтожитъ всякій видъ безпощадной по своей сущности эксплоатаціи».

Эта революція должна состоять въ радикальномъ преобразованіи собственности, въ уничтоженіи частной собственности. Благодаря этому, въ то же время и въ хозяйствѣ, которое въ настоящее время неурегулировано и потому приноситъ малый доходъ, могутъ быть достигнуты единство и планомѣрность. Всѣ средства производства должны быть сосредоточены въ рукахъ государства, которое при этомъ, благодаря исчезновенію классовыхъ противоположностей, должно измѣнить свой характеръ и не преслѣдовать цѣли насилія, но должно служить лишь мирной организаціи общественнаго труда. Каждый будетъ трудиться, соотвѣтственно своимъ способностямъ, и вознаграждаться, соотвѣтственно своимъ трудамъ. Несмотря на вѣру въ революціоный подъемъ для достиженія этой цѣли, Сэнъ-Симонъ разсчитываетъ на силу моральнаго и умственнаго авторитета, который повліяетъ такъ, чтобы менѣе выдающіеся люди добровольно подчинялись болѣе способнымъ согражданамъ, и такимъ образомъ будетъ поддерживаться общественный порядокъ.

Фурье (1772-1837) и его ученики проникаютъ глубже въ организацію капиталистическаго хозяйства и въ дѣйствующія въ немъ соціальныя и политическія силы. Они обращаютъ вниманіе на возникновеніе новаго вида феодализма, «промышленнаго и торговаго феодализма», который созданъ основнымъ закономъ господствующей въ народномъ хозяйствѣ свободной конкурренціи. Свободная конкурренція привела къ побѣдѣ сильнаго надъ слабымъ, ко всякаго рода монополіямъ. Капиталы также повинуются закону тяготѣнія; они притягиваютъ другъ дру-

га пропорціонально массамъ и все больше концентрируютъ въ рукахъ крупныхъ собственниковъ общественныя богатства. Имъ достаются всѣ техническія усовершенствованія, всѣ научныя завоеванія. Особенное значеніе получаютъ при этомъ ассоціаціи капитала, главнымъ образомъ, акціонерныя общества. Въ этихъ обществахъ мы видимъ массу мелкихъ капиталистовъ, которые, собственно, и образуютъ своей массой капиталы акціонерныхъ обществъ, которыми руководитъ меньшинство, крупные капиталисты. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка бароны вмѣстѣ съ вассалами завоевывали села и города, такъ въ настоящее время крупные капиталисты вмѣстѣ со своими вассалами завоевываютъ всѣ случаи приложенія крупныхъ капиталовъ въ народномъ хозяйствѣ,—желѣзныя дороги, каналы, рудники и фабрики. Образуется новое денежное хозяйство, которое въ будущемъ пріобрѣтетъ такую же огромную силу, какую имѣло хозяйство прежняго времени. «Этотъ феодализмъ окончательно упрочится,когда большая часть промышленной и земельной собственности націи перейдетъ въ руки меньшинства, которое будетъ пользоваться всѣми преимуществами этого положенія вещей, въ то время какъ меньшинство населенія, осужденное на принудительный трудъ въ индустріи и въ сельскомъ хозяйствѣ, должно будетъ пробиваться милостиво уступленной скудной заработной платой. Тогда Франція будетъ походить на огромное помѣстье, которое будетъ обрабатываться народными массами въ пользу небольшой кучки всемогущихъ собственниковъ». Наряду съ этой концентраціей производства, имуществъ и доходовъ развивается нищета массъ. Прежде всего она выступаетъ въ городахъ, ибо капиталисты живутъ въ городахъ и туда стекаются огромныя массы пролетаріевъ; не имѣя ничего общаго со своими господами—эта общность, однако, все-таки существовала въ средніе вѣка между помѣщиками и ихъ подданными—они живутъ въ жестокомъ антагонизмѣ съ ними, и нація раскалывается на два враждебныхъ лагеря. Всѣ успѣхи въ наукѣ и въ промышленности ведутъ къ обостренію этого антагонизма: «современное соціальное движеніе имѣетъ

тенденцію къ все большей экспропріаціи низшихъ и неимущихъ классовъ въ интересахъ высшихъ и болѣе богатыхъ». Наше время стоитъ поэтому предъ великой революціей, которая будетъ означать прямую войну ничего неимущихъ съ владѣющими всѣмъ. Къ этимъ соціальнымъ послѣдствіямъ присоединяются экономическіе недостатки системы свободной конкурренціи: эта система накопляетъ непроизводительный, паразитическій трудъ, такъ что $^2/_3$ населенія состоятъ въ настоящее время изъ элементовъ, которые не только ничего не вносятъ въ производство, но часто является препятствіемъ къ его усовершенствованію: войско, многочисленное чиновничество (напр., въ финансовомъ управленіи), преобладающее большинство торговцевъ, рабочіе, занятые въ транспортѣ, рабочіе въ безполезныхъ и качественно дурныхъ производствахъ, трудъ, выполняемый лишь вслѣдствіе конкурренціи или дурной общественной организаціи (охрана отъ кражъ), бездѣльничающіе, арестованные, исключенные изъ общества. Наконецъ, въ настоящее время трудъ лишенъ всякой оживляющей силы, привлекающей рабочаго. Рабочій трудится подъ давленіемъ нужды, голода, безъ всякаго интереса, безъ радости и потому неизбѣжно со значительно меньшимъ успѣхомъ. Современный хозяйственный строй имѣетъ только одинъ выборъ между трудомъ мелкихъ собственниковъ, которые работаютъ съ интересомъ и интенсивно, но не примѣняютъ никакихъ вспомогательныхъ средствъ крупнаго производства и потому не могутъ достигнуть никакого удовлетворительнаго успѣха, съ одной стороны, и между частнокапиталистическихъ производствъ, при помощи наемныхъ рабочихъ, которые однако работаютъ безъ всякаго интереса—съ другой. И лишь общественный трудъ, при которомъ всѣ будутъ работать для себя, разовьетъ всю рабочую энергію.

Сэнъ-симонизмъ и фульеризмъ заключили съ себѣ уже всѣ идеи, наполняющія программы соціалистическихъ партій, и опредѣлили и направленіе и темпераментъ соціальнаго движенія, постепенно охватывающаго массы промышленныхъ рабочихъ. Но нужна была еще, кромѣ того,

спеціальная умственная работа, которая связала критику общества и идеалы будущаго съ реальными интересами рабочихъ въ настоящее время и создала изъ рабочихъ организованную партію, борющуюся и подготовляющую новое общество. Идея, представлявшаяся первымъ вождямъ рабочаго движенія, заключалась въ томъ, чтобы объединить рабочихъ въ товарищество, ассоціацію, для совмѣстнаго производства и такимъ образомъ превратить современную систему производства въ такую, при которой всѣ трудящіеся снова явятся собственниками орудій производства, но не какъ отдѣльныя личности, а въ качествѣ всего общества. Въ Англіи этотъ планъ преслѣдовалъ Оуэнъ, во Франціи его старались осуществить Бюше и Луи Бланъ. Бюше имѣлъ въ виду лишь самопомощь, Луи Бланъ («Организація Труда», 1841 г.), напротивъ, требовалъ огромныхъ, организованныхъ государствомъ и централизованныхъ товариществъ, которыя, вслѣдствіе размѣровъ своего производства, въ борьбѣ конкурренціи, принудили бы и частнокапиталистическія предпріятія примкнуть къ нимъ. Въ то же время и желѣзныя дороги должны были бы перейти въ руки государства, и магазины и склады для распространенія товаровъ, также должны были бы быть организованы государствомъ. Это содѣйствіе государства можетъ быть достигнуто, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если рабочіе пріобрѣтутъ вліяніе на государственную власть, а потому слѣдуетъ стремиться къ политической власти народа, какъ къ средству для достиженія соціальныхъ реформъ; демократія становится соціалъ-демократіей. Несмотря на сильное распространеніе,—ни эти, ни другія соціалистическія идеи не создали рабочей партіи съ твердо установленной программой. Когда во Франціи, въ 1848 г., февральская революція основала на короткое время народную власть, два соціалиста, призванные въ составъ временнаго правительства, среди которыхъ былъ и Луи Бланъ, не были въ состояніи достигнуть чего-либо, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ должны были отступить предъ антисоціалистическимъ большинствомъ Національнаго Собранія. Въ уличныхъ битвахъ пролетаріатъ потерпѣлъ пораженіе, и соціализмъ на долгое время замеръ во Франціи, многіе даже считали его навсегда похороненнымъ.

Въ это время соціалистическія идеи были восприняты нѣмецкими мыслителями. Родбертусъ, Лассаль, Марксъ, Энгельсъ являются ихъ представителями.

Родбертусъ (1805—1875), благородная консервативная натура, не симпатизировалъ ни естественно-правовымъ воззрѣніямъ соціалистовъ, ни ихъ прославленіямъ индивидуальнаго счастья и апофеозу народа. Онъ раздѣляетъ строгое ученіе консерваторовъ о томъ, что государство стоитъ выше отдѣльной личности, которая должна служить ему въ качествѣ «послушнаго исполнителя общей цѣли». Но путемъ логическихъ выводовъ, исходя изъ положеній классической политической экономіи о томъ, что всѣ блага стоятъ только труда, онъ приходитъ къ полному осужденію современнаго распредѣленія народнаго дохода. Рабочій получаетъ въ качествѣ заработной платы не всю цѣнность, которую онъ придалъ продукту, но лишь одну часть ея, остальное остается капиталисту и земельному собственнику. Это распредѣленіе національнаго дохода имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что при возрастающей производительности народнаго хозяйства должны возникать кризисы, ибо покупательная способность массъ не увеличивается въ такой же степени, какъ и производство. Заработная плата остается попрежнему, но запасы продуктовъ увеличиваются и остаются не распроданными, несмотря на существующій на нихъ спросъ. Этому коренному злу можно помочь лишь тѣмъ, если доходъ съ имущества будетъ уничтоженъ и будетъ допущенъ лишь трудовой доходъ. Пока же это идеальное состояніе не достигнуто, необходимо заботиться о регулярномъ повышеніи заработной платы, соотвѣтственно увеличивающейся производительности труда; и это составляетъ задачу государства. Отклоняя всякія революціонныя стремленія, признавая необходимость постепенныхъ переходовъ, которые должны зиждиться на нравственномъ воспитаніи народа, на авторитетѣ правительственной власти и на совмѣстномъ съ ней, полномъ довѣрія, трудѣ, Родбертусъ от-

дѣленъ отъ соціалистовъ большой пропастью. Но, именно, считая соціализмъ возможнымъ и необходимымъ, независимо отъ его демократической формы, онъ не мало способствовать углубленію идейной стороны соціализма.*)

Гораздо значительнѣе того вліянія, которое всѣ вышеуказанные соціалисты оказали на воззрѣнія на государство и общество, является вліяніе, оказанное Карломъ Марксомъ (1818—1883), неразлучнымъ товарищемъ по работѣ котораго, начиная съ самаго важнаго періода его жизни, былъ Фридрихъ Энгельсъ (1820—1895 г.). Ихъ совмѣстная литературная и личная работа оказала такое сильное вліяніе на распространеніе, а также и на идейное обоснованіе соціалистическихъ идей, что «марксизмъ» сдѣлался составной частью соціализма во всѣхъ культурныхъ государствахъ земного шара. Хотя въ настоящее время имѣютъ мѣсто многочисленныя уклоненія, и многое въ марксистскомъ ученіи подвергается критикѣ со стороны самихъ соціалистовъ, все же марксистскій методъ изслѣдованія и критики капиталистическаго хозяйства, марксистское объясненіе связи, существующей между хозяйствомъ и другими явленіями общественной жизни, государствомъ, политикой, правомъ, нравственностью, марксистское обоснованіе конечной цѣли общественнаго развитія все еще пользуются руководящимъ авторитетомъ.

Всѣ основныя ученія марксизма содержатся уже въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» (1848), который долженъ былъ служить во всѣхъ странахъ пропагандѣ образованія коммунистической (соціалистической) рабочей партіи. Первый отдѣлъ манифеста содержитъ изложеніе развитія общества, классовъ, политической организаціи; это развитіе учитъ тому, что всякія общественныя условія должны быть признаны лишь слѣдствіемъ господствующаго въ то время способа производства и обмѣна, и обращаетъ вниманіе на

1) Это „углубленіе идейной стороны соціализма“ оставалось, однако, въ теченіе всего развитія соціалистическаго движенія до сихъ поръ исключительно на бумагѣ. Ибо практически вліяніе Р. на соціалистическое движеніе свелось къ нулю. Ср. H. Dietzel, „K. Rodbertus“, 1886—1888. Прим. пер.

то, что всякій прогрессъ, происходящій въ хозяйствѣ, становится причиной измѣненія политическаго устройства и характера и величины выступающихъ въ обществѣ другъ противъ друга классовъ. Свободный и рабъ, патрицій и плебей, помѣщикъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье, это—классы, которые въ ходѣ исторіи соотвѣтствовали различнымъ ступенямъ хозяйства и боролись другъ съ другомъ. Имъ соотвѣтствовало и раздѣленіе политической власти. Господствующая въ настоящее время сила, промышленные и денежные капиталисты, буржуазія пришла къ этой власти путемъ переворота всѣхъ экономическихъ условій, разрушенія феодальныхъ, патріархальныхъ, идиллическихъ отношеній. Путемъ силы, полученной, благодаря образованію крупной индустріи и мірового рынка, она достигла въ концѣ-концовъ также и политическаго господства въ государствѣ, и современная государственная власть есть лишь комитетъ, управляющій общественными дѣлами буржуазіи. Но буржуазія не можетъ существовать безъ постоянныхъ измѣненій производства, безъ постоянной непрочности и движенія во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Буржуазія подчинила деревню городу, она создала огромные города, она переходитъ изъ одной части свѣта въ другую и подчинила востокъ западу. Она собрала массы населенія, централизовала производство и концентрировала собственость въ немногихъ рукахъ. Начала этого развитія лежатъ еще въ феодальномъ обществѣ. Но на извѣстной ступени феодальный строй общества, основанный на господствѣ земельной собственности, уже не соотвѣтствовалъ болѣе этимъ новымъ производительнымъ силамъ; этотъ строй былъ разрушенъ, и его мѣсто заступила соотвѣтствующая потребностямъ буржуазіи система свободной конкурренціи съ экономическимъ и политическимъ господствомъ буржуазіи. Но развитіе хозяйства не останавливается, силы, создавшія капитализмъ, продолжаютъ дѣйствовать. Они создаютъ перепроизводство, торговые кризисы, разореніе слабыхъ, концентрацію производства и собственности и наряду со всѣмъ этимъ—современныхъ рабочихъ, проле-

таріатъ. Самой промышленностью пролетаріатъ скопляется въ огромныя массы, вмѣстѣ съ этимъ растутъ его сила, его склонность къ сопротивленію эксплоатаціи. Созданныя самой индустріей улучшенныя средства сообщенія облегчаютъ соединенія между рабочими, которые все больше приходятъ къ сознанію своего положенія и назначенія. Имъ, лишеннымъ собственности, нечего ждать отъ охраненія частной собственности, напротивъ, они сами создаютъ блага, которыя потомъ составляютъ собственность меньшинства, получающаго, благодаря этому, возможность принуждать ихъ къ всевозможнымъ услугамъ въ свою пользу. Борьба пролетаріевъ должна поэтому направиться противъ частной собственности, какъ послѣдняго въ исторіи орудія эксплоатаціи. Въ этомъ смыслѣ партія пролетаріевъ является революціонной. Но цѣль, къ которой она стремится, подготовляется самой буржуазіей, которая всѣмъ способомъ хозяйства все болѣе и болѣе дѣлаетъ производство единственнымъ процессомъ, который можетъ приводиться въ движеніе, лишь благодаря общей дѣятельности многихъ членовъ, въ конечномъ счетѣ даже лишь благодаря общей дѣятельности всѣхъ членовъ общежитія. Такимъ образомъ, уже въ настоящее время средства производства организованы на общественныхъ началахъ, и лишь обмѣнъ и присвоеніе являются индивидуальными актами. Задача, лежащая на пролетаріатѣ, заключается лишь въ томъ, чтобы, когда капиталистическая организація достигнетъ высшаго пункта своего развитія, актомъ насилія овладѣть средствами производства, «экспропріировать экспропріаторовъ».

Такъ соціалистическое общество развивается въ нѣдрахъ современнаго строя, какъ цыпленокъ—въ яйцѣ, какъ выразился однажды Либкнехтъ. Силы, выводящія развитіе хозяйства изъ его собственныхъ потребностей, сами приводятъ къ соціализаціи, и общественное производство является поэтому исторической необходимостью, а не результатомъ индивидуальной человѣческой воли. Такъ какъ политическій строй, правовое устройство, нравы, словомъ, вся общественная организація, зависятъ, какъ уже было указано,

отъ данной экономической структуры, отъ производственныхъ отношеній, то и все общество неизбѣжно подчиняется этой внутренней необходимости соціализма. Соціализмъ есть ничто иное, какъ выраженіе этой необходимости. Онъ долженъ обосновать историческія условія пролетаріата, его природу, сущность капиталистическаго хозяйства и внести въ пролетаріатъ сознаніе того, что онъ призванъ уничтожить старыя производственныя отношенія, а вмѣстѣ съ ними навсегда и условія для классовыхъ противорѣчій. Этимъ оправданіемъ соціализма, основаннымъ на развитіи исторіи и на реальныхъ необходимостяхъ, Марксъ отличается отъ прежнихъ соціалистовъ, и именно это его «матеріалистическое пониманіе исторіи» прежде всего и увеличило значеніе его ученій. Оно создало для мыслящихъ людей научное, доступное изслѣдованію, провѣркѣ, доказательствамъ, основаніе, для огромной массы чающихъ и страждующихъ—увѣренность въ осуществленіи ихъ идеала, основанную не только на идеяхъ, но и на самой жизни. Въ своемъ «Капиталѣ», крупномъ трудѣ, посвященномъ расчлененію капиталистическаго процесса производства и распредѣленія, Марксъ съ глубокимъ знаніемъ дѣйствительности изложилъ возникновеніе, законы развитія капитализма и вліяніе его на образованіе дохода и, въ особенности на положеніе рабочихъ. Развитая въ этомъ трудѣ теорія эксплоатаціи рабочихъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій играла огромную роль въ практической агитаціи и много способствовала пробужденію и усиленію въ рабочихъ чувства противоположности ихъ, классовыхъ интересовъ интересамъ предпринимателей. Но вліяніе Маркса на рабочій классъ во многихъ странахъ основывалось не только на его сочиненіяхъ, но и на томъ обстоятельствѣ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій лично находился въ тѣсной связи съ рабочимъ движеніемъ въ большинствѣ государствъ и такимъ образомъ могъ служить также и международнымъ отношеніямъ соціалистическихъ партій между собою. Онъ всегда указывалъ на то, что какъ и интересы капитала не ограничиваются государственными границами и находятъ свое выраженіе въ

международныхъ предпріятіяхъ, точно такъ же и соціалистическое движеніе, вслѣдствіе его внутреннихъ движущихъ силъ, должно быть направлено во всѣхъ государствахъ на однѣ и тѣ же цѣли и потому имѣть одинаковые интересы, которые могутъ и часто даже должны выражаться и въ очередныхъ будничныхъ вопросахъ (охрана труда и т. п.), такъ какъ въ настоящее время ни одно народное хозяйство уже не можетъ быть оторвано отъ мірового хозяйства.

Л а с с а л ь, посвятившій соціалистической пропагандѣ лишь немного болѣе одного года своей жизни (умеръ въ 1864 г.), въ это короткое время, благодаря своему блестящему ораторскому и писательскому таланту, очень много способствовалъ распространенію соціалистическихъ идей въ Германіи и даже основалъ небольшую самостоятельную рабочую партію. Его практической программой являлась программа Луи Блана: достиженіе всеобщаго равнаго избирательнаго права для того, чтобы рабочіе, большинство населенія, имѣли большинство и въ парламентѣ и затѣмъ могли бы требовать государственныхъ средствъ для поддержки производительныхъ рабочихъ кооперацій. Эта идея владѣла умами приверженцевъ Лассаля еще и послѣ его смерти. Между тѣмъ на ряду со сторонниками Лассаля возникла группа сторонниковъ марксистскихъ идей, которая и конструировалась въ 1869 г. въ Эйзенахѣ въ «соціалъ-демократическую рабочую партію». Въ 1874 г. обѣ группы получили на выборахъ въ рейхстагъ сравнительно значительное количество голосовъ; это подало поводъ ко многимъ преслѣдованіямъ, которыя побудили обѣ борящіяся между собой партіи въ 1875 г. въ Готтѣ объединиться въ одну «соціалистическую рабочую партію Германіи». Въ этой партіи все болѣе преобладающее вліяніе получалъ марксизмъ, и на партейтагѣ въ Эрфуртѣ въ 1891 г. партія, снова принявшая названіе «соціалъ-демократической рабочей партіи», приняла программу, въ которой самымъ рѣзкимъ образомъ были подчеркнуты основныя положенія марксизма. Общая, программная, первая часть содержитъ повтореніе въ основныхъ чертахъ «коммунистическаго манифеста» и ученій о централизующемъ производство и увеличивающемъ нищету рабочихъ дѣйствіи современной хозяйственной организаціи и о присущихъ ей кризисахъ, каковые «служатъ доказательствомъ того, что производительныя силы переросли современное общество, что частная собственность на средства производства сдѣлалась несовмѣстимой съ ихъ цѣлесообразнымъ примѣненіемъ и полнымъ развитіемъ». Это состояніе можетъ быть устранено лишь посредствомъ превращенія современной частной собственности въ общественную; и это превращеніе означаетъ освобожденіе не только рабочаго класса, но и всего человѣчества, но можетъ быть проведено лишь рабочими, ибо всѣ другіе классы стоятъ на почвѣ частной собственности.

Соціалистическую программу можно сравнить съ тѣми великими панорамами, которыя, нарисованныя рукой художника, открываютъ широкій видъ на чудесные пейзажи, при чемъ взоръ нашъ въ непосредственной близости приковывается къ осязаемой тѣлесной дѣйствительности, а пластически созданная часть разсматриваемаго предмета совершенно невидимо, замѣтно лишь для остраго глаза, переходитъ въ картину. Такъ, поверхъ дѣйствительныхъ явленій соціальной жизни, какъ концентрація промышленныхъ предпріятій, все болѣе распространяющаяся соціализація хозяйства, въ смыслѣ совмѣстной дѣятельности многихъ, направленной къ одной конечной цѣли, марксизмъ уводитъ угнетенныя души въ страну будущаго, которая лишь въ качествѣ картины присоединена къ тѣлесной дѣйствительности. Какъ эта картина должна стать дѣйствительностью, и какъ эта дѣйствительность должна затѣмъ функціонировать, объ этомъ марксистскій соціализмъ по существу ничего не говоритъ, ибо можно знать лишь т е н д е н ц і и исторически необходимаго развитія, но нельзя произвольно опредѣлять ф о р м ы, которыя приметъ новое, созданное этими тенденціями, общество. Выше мы говорили о томъ, каковы принятыя марксизмомъ тенденціи общественнаго развитія. Это—концентрація производства и притомъ въ сельскомъ хозяйствѣ такъ же, какъ и въ промышленности, накопленіе имущества во все болѣе незначительномъ количествѣ рукъ,

одновременно съ этимъ увеличивающееся обнищаніе массъ населенія, регулярное повтореніе кризисовъ, какъ слѣдствіе анархіи производства и незначительной покупательной силы большинства населенія, и, наконецъ, разрушеніе этой организаціи и переходъ политической власти въ руки массъ, организованныхъ самимъ капитализмомъ. Нѣтъ ни одной изъ этихъ тенденцій развитія, которая не оспаривалась бы въ настоящее время, и даже тамъ, гдѣ онѣ признаны, оспариваются ихъ сила и относительное значеніе для общаго развитія, и при томъ не только внѣ соціалистическихъ круговъ, но даже въ ихъ собственной средѣ. Если принимать марксизмъ въ строгомъ смыслѣ, то онъ долженъ приводить къ фатализму, ибо имманентныя силы, дѣйствующія въ производствѣ и обмѣнѣ, должны сами собой развиваться въ направленіи къ конечной цѣли соціализма. Но и сами Марксъ и Энгельсъ не хотѣли ждать этого. Указаніе на государство будущаго ничего не даетъ все увеличивающимся и усиливающимся рабочимъ массамъ, они хотятъ улучшенія своего существованія и самимъ оказывать на это вліяніе. Отсюда возникаетъ много новыхъ направленій, анархизмъ, революціонный синдикализмъ во Франціи и Италіи, организаціи самопомощи, какъ профессіональные союзы и кооперація, и участіе соціалистовъ въ парламентской дѣятельности, при извѣстныхъ условіяхъ — даже и въ управленіи государства и мѣстномъ самоуправленіи. Это направленіе имѣетъ величайшее значеніе съ точки зрѣнія практической политики. Оно означаетъ признаніе того, что недостатки могутъ быть смягчены и уничтожены путемъ положительной реформаторской дѣятельности. Постольку соціалисты превращаются изъ революціонной въ демократическую радикальную партію реформы, признающую путь постепеннаго преобразованія; но подчеркиваніе принципа обобществленія и конечной цѣли—полнаго уничтоженія частной собственности на орудія производства,—прославленіе народа и признаніе народнаго суверенитета, какъ основанія новаго государственнаго и общественнаго строя, отличаютъ, однако, соціалистовъ попрежнему отъ «буржуазныхъ» партій.

4. Соціальная политика.

Для того, чтобы однимъ словомъ охарактеризовать соціальныя послѣдствія распространенія капиталистическаго хозяйства, нужно сказать, что этотъ строй во всѣхъ областяхъ привелъ къ обостренію соціальныхъ противорѣчій. Противоположность между бѣднымъ и богатымъ существовала и раньше, но она не ощущалась, какъ факторъ, опредѣляющій всю жизнь; она смягчалась личными отношеніями, которыя создавали какъ обязанности, такъ и права; она переносилась, далѣе, какъ слѣдствіе исторически данныхъ общественныхъ различій, противъ жестокости которыхъ протестовали отъ времени до времени, но которые все-таки въ сознаніи народа представлялись необходимыми. Въ настоящее же время раздѣленіе совершается исключительно въ экономическомъ отношеніи, и въ сознаніи людей живетъ идея равноцѣнности каждой личности. Противоположность между мелкимъ и крупнымъ производствомъ, выступившая въ вопросѣ о положеніи ремесленниковъ, существовала раньше лишь въ единичныхъ случаяхъ и не затрагивала организаціи народнаго хозяйства. Старая противоположность между городомъ и деревней становится глубже. Сельское хозяйство оказываетъ противодѣйствіе капиталистическому производству по психологическимъ основаніямъ; любовь къ родной землѣ, къ собственности все еще побѣждаетъ экономическіе интересы; отчасти по чисто естественнымъ основаніямъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ имѣетъ значеніе не количество,

но качество продуктовъ; приспособленіе къ рынку является здѣсь болѣе затруднительнымъ, и долгое время вовсе не было необходимымъ; исторически данные, традиціонные моменты дѣйствуютъ здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ чисто денежные хозяйственные интересы. Въ накопленіи капитала выступаютъ крупныя противорѣчія: трудъ и сбереженіе, съ одной стороны, спекулятивная нажива—съ другой. Это выдвигаетъ на первый планъ торговцевъ и спекулирующихъ, рискующихъ лицъ, медленно наживающіе отстаютъ. Обезпеченность существованія, правда, менѣе зависитъ отъ естественныхъ факторовъ, зато экономическая зависимость увеличивается, благодаря развивающемуся раздѣленію труда и быстрому измѣненію техники и условій обмѣна. Эти условія повсюду вызываютъ конкурренцію; трудъ и собственность становятся необезпеченными. Перемѣна, непостоянство, безпокойство становятся всеобщимъ явленіемъ.

Какъ мы видѣли, сильнѣе всего и прежде всего дали себя чувствовать то углубленіе старыхъ и созданіе новыхъ противорѣчій, которыя отгородили неимущихъ рабочихъ отъ другихъ классовъ общества. Эти противорѣчія и выдвигаются главнымъ образомъ соціализмомъ, который въ нихъ находитъ исходную точку новаго общественнаго развитія. Даваемое имъ освѣщеніе положенія промышленныхъ рабочихъ и капиталистическаго хозяйства приводитъ вообще къ новому пониманію, оно будитъ сочувствіе, но также и пониманіе опасностей, угрожающихъ обществу, благодаря пролетаризаціи рабочихъ массъ, и вызываетъ вслѣдствіе этого стремленіе избѣжать путемъ реформъ приносимаго ею вреда и исцѣлить зло, связанное съ капиталистическимъ хозяйствомъ, не отмѣняя основаній всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ общественныхъ порядковъ: частную собственность и индивидуальную отвѣтственность. Такъ возникаютъ тѣ направленія, которыя мы называемъ *соціально-политическими*.

Въ Германіи эти направленія внутренно связаны съ никогда не исчезавшей въ этой странѣ идеей о томъ, что общество должно представлять органическое расчлененіе въ противоположность атомизированію, котораго требовалъ

либеральный принципъ, и что на государствѣ должны лежать положительныя задачи въ тѣхъ областяхъ, гдѣ отдѣльная личность сама себѣ не можетъ уже болѣе помогать. У политико-экономовъ, политическихъ писателей, публицистовъ мы находимъ поэтому даже въ эпоху развивающагося либерализма коренное отрицаніе состоянія неограниченной свободы и конкурренціи. Поскольку рѣчь шла о рабочемъ вопросѣ, цѣль, уже давно имѣвшаяся при этомъ въ виду, заключалась въ *организаціи* рабочихъ для защиты ихъ интересовъ по отношенію къ предпринимателю и для обезпеченія ихъ хозяйства на товарищескихъ началахъ, въ *обезпеченіи заработка* путемъ сохраненія соотвѣтствующей заработной платы и обезпеченія необходимыхъ жизненныхъ потребностей, и въ *законодательной охранѣ труда*. Когда въ 1848 г. баварскій король Максъ устроилъ конкурсъ по вопросу о томъ, какимъ образомъ можно было бы облегчить матеріальную нужду низшихъ классовъ населенія, премію получилъ фонъ-*Гольцшуэръ*, который въ своемъ сочиненіи заявилъ: «Сословія феодальнаго государства погибли, государство должно на ихъ мѣстѣ установить новое, органическое раздѣленіе. «Сила денегъ одна только не можетъ создать никакого организма въ государствѣ. Деньги, лишь какъ средство потребленія, создали въ обществѣ не органически связывающую, но скорѣе разрушающую силу. Господство денегъ въ качествѣ капитала является по отношенію къ рабочимъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ прежнее феодальное господство». Государство должно поэтому способствовать развитію ассоціацій и корпорацій, которыя образуются внутри общества, поддерживать различными мѣрами ихъ хозяйственныя предпріятія, не вмѣшиваясь въ детали. Подобныя учрежденія могутъ быть необходимы для сохраненія соотвѣтствующей заработной платы, сокращенія рабочаго времени, устраненія «truck-system» лишь въ области условій труда на фабрикахъ. Затѣмъ необходимо позаботиться, при гарантіи и контролѣ со стороны государства, объ образованіи фондовъ вспомоществованія для потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и для престарѣлыхъ рабочихъ, а также

для чрезвычайныхъ случаевъ нужды, организовать удовлетвореніе необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей рабочихъ, учредить жилища, склады хлѣба и муки и заведенія для воспитанія дѣтей. «Для того, чтобы дать рабочимъ постоянный дѣйствующій органъ, своего рода представительство по отношенію къ фабрикантамъ, рабочіе должны сами организоваться въ союзы и избирать подъ контролемъ государства отдѣльные комитеты, которые, съ одной стороны, будутъ обращать вниманіе на непорядки и заставлять выслушивать справедливыя жалобы, съ другой стороны—должны будутъ поддерживать полицію нравовъ внутри всего товарищества».

Болѣе глубокое обоснованіе эти и подобныя имъ практическія политическія требованія, раздававшіяся то тутъ, то тамъ, получили благодаря появившемуся въ то время ученію о самостоятельной жизни общества. До сихъ поръ въ наукѣ разсматривалось только государство и отношеніе къ нему отдѣльной личности. Начиная съ греческихъ философовъ, существовалъ непрерывный рядъ писателей, занимавшихся вопросомъ о понятіи государства, о сущности государственной власти, о правахъ и обязанностяхъ индивидуумовъ въ государствѣ. Въ 18 вѣкѣ присоединилась наука о народномъ хозяйствѣ, разсматривавшая человѣческое общежитіе съ экономической точки зрѣнія; но она считала его лишь механическимъ соединеніемъ индивидуумовъ, вступающихъ путемъ обмѣна въ отношенія другъ къ другу, т.-е., какъ добровольно связанную массу атомовъ безъ органическаго дѣленія. Такимъ образомъ, фактически различали лишь государство и индивидуумовъ. Теперь же, благодаря соціализму и соціальному движенію, благодаря страстной борьбѣ противъ частной собственности и раздѣленію населенія на враждебные классы, выступило нѣчто новое—общество.

«Позднее открытіе новой великой идеи,—писалъ Робертъ фонъ-Моль въ 1851 г.,—и медленное признаніе ея господствующей наукой проявились именно въ наше время на одномъ чрезвычайно рѣзкомъ примѣрѣ. Это—случай съ идеей и ученіемъ объ обществѣ». Въ то время, какъ пре-

жде всѣ стремленія къ улучшенію были направлены почти исключительно на государство, теперь стали требовать улучшенія общества. Государство имѣетъ значеніе лишь, какъ слѣдствіе или какъ орудіе власти общества. Вопросы государственнаго устройства утратили свой прежній интересъ. «Вопросъ о томъ, королевство или народное управленіе, обсуждается почти равнодушно тамъ, гдѣ «право на трудъ» является головой медузы. Оказывается, что люди связаны между собой и безъ внѣшней принудительной власти, благодаря общимъ интересамъ, благодаря общему міровоззрѣнію, общности крови, расы, соціальнаго положенія, профессій, собственности, религіи и т. п. Всѣ эти общія точки соприкосновенія создаютъ особые жизненные круги, которые развиваются по своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ, и которые объединяютъ принадлежащихъ къ нимъ одинаковыми желаніями, одинаковыми поступками, для защиты и нападенія. Соединеніе этихъ естественныхъ, развивающихся изъ одного опредѣленнаго интереса, товариществъ отдѣльныхъ индивидуумовъ образуетъ то, что называютъ обществомъ. Признаніе того, что эти общежитія ведутъ свою жизнь, опредѣляемую ихъ собственными потребностями, являлось новымъ взглядомъ на природу и жизнь государства и индивидуумовъ. Государство являлось теперь уже не единственнымъ общежитіемъ, опредѣляющимъ жизнь людей; оно перестало уже быть самоцѣлью, но стало однимъ изъ органовъ большого организма. Каждая изъ другихъ сферъ жизни развивается также къ опредѣленной самостоятельности и опредѣляетъ жизнь индивидуумовъ независимымъ отъ государства образомъ; даже то общежитіе всѣхъ людей, которое дано въ формѣ государства, само зависитъ отъ силы индивидуумовъ, выступающихъ въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, государство настолько имѣетъ большее значеніе, чѣмъ прочія общежитія, насколько оно является правовымъ организмомъ всего общества и, какъ таковое, обладаетъ регулирующей властью по отношенію ко всѣмъ другимъ кругамъ. Въ осуществленіи этой задачи государство должно выполнять важныя функціи запрещенія и повелѣнія, а также и положитель-

ную дѣятельность, но оно никогда не можетъ принять на себя всѣ жизненныя цѣли людей, такъ какъ такимъ образомъ исчезли бы свобода и самостоятельность возникающихъ изъ естественныхъ потребностей общественныхъ общежитій, что противно человѣческой природѣ. Такимъ образомъ, государство изъ органа абсолютныхъ цѣлей становится регулирующимъ органомъ, который долженъ постоянно приспособляться къ измѣняющемуся состоянію общества.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ, вытекавшимъ изъ пониманія общества, какъ самостоятельной жизненной единицы, являлось признаніе того, что индивидуумъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это принималось до сихъ поръ; что онъ дѣйстуетъ не какъ отдѣльная единица, но какъ членъ большого цѣлаго, что даже его воля, т.-е., какъ будто наиболѣе индивидуальный элементъ, въ дѣйствительности является соціальнымъ продуктомъ, и что въ виду этого всѣ мѣры, путемъ которыхъ хотятъ воздѣйствовать на индивидуумовъ, должны примѣняться къ тому общежитію, въ которомъ вращается индивидуумъ, и откуда онъ черпаетъ свои силы. Всѣ эти отношенія, жизнь отдѣльныхъ личностей, общежитія, составляющія общество, ихъ отношеніе другъ къ другу, къ государству, къ отдѣльной личности, положеніе государства по отношенію къ нимъ должны стать предметомъ самостоятельныхъ наукъ. Среди этихъ наукъ должно существовать ученіе объ общественной цѣлесообразности или с о ц і а л ь н а я политика, т.-е. ученіе о средствахъ къ достиженію цѣлей, поставленныхъ отдѣльными кругами общежитія. Такъ въ срединѣ 19 столѣтія появляется названіе соціальной политики въ соединеніи съ новыми броженіями, которыя обнаруживали, что жизнь «общества» вызываетъ силы, независимыя отъ государства и даже враждебныя современному государству. Задачи, возникающія отсюда для государства, не разрѣшаются благодаря коституціонному порядку, они имѣютъ цѣлью не отношеніе отдѣльныхъ личностей къ государству, но установленіе отношеній, свободно образующихъ въ обществѣ; но въ то же время эти задачи и не носятъ характера экономической политики въ обычномъ смыслѣ этого слова, ибо цѣлью является, вѣдь, не увеличеніе благъ, не на-

родное богатство, но примиреніе противорѣчей между отдѣльными классами населенія. Рѣчь идетъ о политикѣ, которая направлена противъ либеральной системы хозяйства, но въ то же время вынуждена отвергать и соціализмъ, ибо его предпосылки противорѣчатъ всему историческому опыту, т. е. о политикѣ, цѣль которой уже въ 1842 г. точно формулировалъ Ш т е й н ъ: «Мыслящій человѣкъ долженъ представить себѣ такую форму общественной жизни, при которой сохраняется личное владѣніе, и все-таки не создается, благодаря ему, никакого абсолютнаго препятствія къ совершенному развитію личности».

Совершенное развитіе личности! Вѣдь это и есть та цѣль, которую имѣемъ въ виду и соціализмъ. Это—такъ, но не онъ одинъ. Идея о естественной равноцѣнности людей, объ абсолютной цѣнности личности такъ же стара, какъ христіанство, и присуща не одному только соціализму. Эта идея является общимъ культурнымъ идеаломъ всего человѣчества, и міровоззрѣнія различаются не по признанію или отрицанію этого идеала, но по содержанію, которое они въ него вкладываютъ, и по тому пути, которымъ они надѣются къ нему приблизиться. И въ одномъ, и въ другомъ пунктѣ соціально-политическое направленіе отличается какъ отъ либерализма, такъ и отъ соціализма. Первое выясненіе этого послѣдовало со стороны А р е н с а (Cours de droit naturel 1839, Rechtsphilosophie, 4 изд. 1851) и Р ё д е р а (Grundsätze des Naturéchtés, 1843, 2 изд. 1860—1863 г.г.). Оба писателя выяснили основныя идеи всякой соціальной политики во всѣхъ наиболѣе главныхъ отношеніяхъ. Аренсъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что мѣра развитія личности зависитъ отъ осуществленія трехъ правовыхъ идей въ правовомъ строѣ; отъ идей равенства, свободы и собственности. Всѣ идеи и ощущенія человѣка въ его соціальныхъ отношеніяхъ должны подчиняться идеѣ равенства людей и «распространять вокругъ него ту атмосферу симпатіи, которая является вообще для людей условіемъ необходимой для нихъ помощи и поддержки». Эта атмосфера должна пробуждать чувство солидарности между людьми и становиться правиломъ повсюду, гдѣ она можетъ суще-

ствовать, не разрушая индивидуальнаго и личнаго элемента. Отсюда слѣдуетъ, что право создаетъ равнымъ образомъ для всѣхъ людей условія, которыя даютъ каждому возможность жить по-человѣчески и самостоятельно развивать свои способности, т. е. право на обученіе, воспитаніе, право путемъ собственной дѣятельности пріобрѣтать матеріальныя и духовныя средства для дальнѣйшаго развитія, по отношенію къ дѣтямъ и больнымъ—право на помощь и вспомоществованіе черезъ общины, государство или особыя общества, какъ представителей общежитія. Принципъ равенства требуетъ равенства достоинства всѣхъ занятыхъ трудомъ, отсутствія привиллегій, добровольныхъ внѣшнихъ различій, которыя возвышали бы оодну профессію передъ другой, но съ другой стороны—требуетъ признанія неравенствъ, вытекающихъ изъ различія цѣлей, естественныхъ моментовъ, приложенія способностей. И наоборотъ, неравенства, основанныя на невѣжествѣ, подавленіи и несправедливости, должны исчезнуть. Человѣчество должно пройти три ступени неравенствъ: кастовое устройство, рабство, феодализмъ, и въ настоящее время переживаетъ четвертую ступень—пауперизмъ. Пауперизмъ можно расматривать, «какъ послѣднюю форму неравенства людей, наслѣдство, оставленное несправедливой и недостаточной организаціей прошлаго современному обществу». Разумъ не успокоится, пока не будетъ признано право всѣхъ людей на средства существованія и развитія.

Рѣзкая противоположность между избыткомъ и нуждой, несправедливость, заключающаяся въ томъ, что люди, при всемъ желаніи пропитать себя трудомъ, не могутъ получить эту возможность, благодаря недостаточной организаціи общества, должна побудить государство къ непосредственнымъ и посредственнымъ мѣропріятіямъ для того, чтобы обезпечить этимъ людямъ, по крайней мѣрѣ, основныя условія человѣческаго существованія.

Второй принципъ, вытекающій изъ существа личности, есть свобода. Пониманіе свободы было весьма различно въ процессѣ историческаго развитія. Въ настоящее время она разсматривается, какъ право каждаго индивидуума руководиться собственнымъ разумомъ и преслѣдовать свои личные интересы. При этомъ пониманіи свободы каждый разсматриваетъ, какъ цѣль, лишь самого себя; въ соціальномъ строѣ онъ видитъ не существенное условіе существованія общества, но препятствіе къ его свободѣ; каждая соціальная единица является для него зломъ. Насколько это состояніе индивидуальной свободы освободило драгоцѣнныя силы, настолько же въ настоящее время все-таки даетъ себя знать потребность въ организаціи, въ которой личная свобода отдѣльныхъ лицъ была бы лучше согласована съ правомъ всѣхъ. Это будетъ достигнуто, когда проникнутся убѣжденіемъ въ томъ, «что общество не есть аггрегатъ отдѣльныхъ личностей, подчиняющійся законамъ индивидуальнаго усмотрѣнія, но образуетъ органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльные члены соединены высшимъ жизненнымъ принципомъ». Другими словами, отдѣльная личность можетъ пользоваться своей свободой лишь такъ, чтобы не дѣйствовать наперекоръ цѣлямъ общества,—она должна согласовать свои поступки съ необходимыми условіями общежитія. Этому пониманію свободы, которая, съ одной стороны, благопріятствуетъ самодѣятельности отдѣльныхъ личностей, съ другой—требуетъ ихъ подчиненія общежитію, соотвѣтствуетъ также поддержка такихъ ассоціацій, которыя освобождаютъ насъ отъ состоянія борьбы и конкурренціи, не поглощая всѣхъ интересовъ индивидуумовъ. Самое важное слѣдствіе отсюда вытекаетъ для разсмотрѣнія права собственности. Право собственности опредѣляютъ, основываясь на римскомъ правѣ, какъ исключительное и неограниченное право личности надъ вещью, и характерной чертой индивидуалистическаго воззрѣнія на общество является требованіе признанія этого права индивидуумовъ, поскольку употребленіе этого права не нарушаетъ правъ другихъ индивидуумовъ. Въ дѣйствительности же собственность состоитъ изъ двухъ элементовъ, личнаго и соціальнаго. Въ противоположность соціализму, собственность должна признаваться личнымъ, первоначальнымъ, естественнымъ правомъ каждаго человѣка, т.-е. частной собственностью, ибо физическое и умственное развитіе и лич-

ная свобода людей зависятъ отъ распоряженія матеріальными благами. Но это не исключаетъ того, что частная собственность признается лишь настолько, и въ такихъ границахъ, насколько она служитъ разумнымъ цѣлямъ и интересамъ общежитія. Поэтому законодательство во всѣ времена устанавливало ограниченія частной собственности и въ особенности регулировало пользованіе землей, этой самой важной общественной основой человѣческаго хозяйства. Исторія, правда, показываетъ намъ въ отдаленныя времена нераздѣльную общность имущества на религіозной почвѣ, но также и прогрессъ общества при увеличивающемся раздѣленіи и развитіи индивидуальной собственности; никогда, однако, не дѣйствовалъ только одинъ изъ этихъ принциповъ. Въ настоящее время права индивидуальной собственности преувеличены; они ведутъ къ увеличивающемуся неравенству имуществъ, къ кризисамъ, къ пауперизму и потому нужно вмѣшательство разума законовъ, необходимо при ихъ посредствѣ, а также и посредствомъ ассоціацій, провести реформу въ системѣ собственности.

Наряду съ Аренсомъ Рёдеръ систематическимъ образомъ доказалъ несостоятельность индивидуальной собственности и неограниченной свободы договора, какъ основы народнохозяйственой организаціи. Свободное распоряженіе матеріальными благами и свободный договоръ найма во всякомъ случаѣ представляются необходимыми, ибо при колебаніи потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, количества людей и цѣнности ихъ дѣятельности невозможно общественное обезпеченіе спроса. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что при такой организаціи успѣхъ отдѣльной личности зависитъ не только отъ ея труда, но также и отъ случая, отъ благопріятной или неблагопріятной судьбы; что затѣмъ такая зависимость распредѣленія благъ отъ труда отдѣльныхъ лицъ все-таки справедлива лишь въ томъ случаѣ, когда осуществлены два условія: необходимо, чтобы каждый, желающій работать, получалъ для этого возможность, и чтобы при свободномъ обмѣнѣ всякое вознагражденіе соотвѣтствовало заслугамъ. Но оба эти условія отсутствуютъ; наоборотъ, весьма часто рѣшаютъ удача и

неудача и при свободной конкурренціи—негодныя средства. Точно также возникаетъ вопросъ, производится ли при современномъ безпорядочномъ производствѣ столько же, сколько было бы возможно при регулярной организованной дѣятельности? Существованіе частной собственности въ ея современномъ преувеличеномъ распространеніи и при ея исключительности навсегда поэтому не везможно; безусловно необходимо признавать ее въ несравненно меньшей степени, чѣмъ это принято было до сихъ поръ; мы должны приближаться къ такому строю собственности, которая обезпечиваетъ употребленіе ея, соотвѣтствующее цѣлямъ отдѣльной личности и общества, облегчаетъ обмѣнъ благъ и увеличиваетъ ихъ производство. Отдѣльныя мѣры, которыя должны создать это, должны приспособляться къ конкретнымъ условіямъ различныхъ государствъ. Прежде всего для того, чтобы обращать вліяніе удачи или неудачи на пользу распредѣленія благъ, государство должно организовать страхованія и учредить принудительныя кассы взаимопомощи на случай смерти и для другихъ несчастныхъ случаевъ. Опираясь на общины, можно было бы создать пригодныя организаціи для взаимопомощи, въ особенности нужно было бы обязать рабочихъ участвовать въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ и т. п. учрежденіяхъ, основанныхъ на общности и взаимности и ставящихъ себѣ цѣлью заботу о жилищѣ, пищѣ и т. п. Справедливая система обложенія могла бы дать государству средства для постоянной помощи и въ то же время привести къ ограниченію частной собственности, которая становится невозможной, если желать избѣжать массовой нищеты и уничтоженія средняго класса. Прежде же всего необходимо стремиться къ урегулированію свободы заработка для того, чтобы имущественное превосходство не имѣло единственнаго рѣшающаго значенія. Задачи государства, которыя имѣетъ при этомъ въ виду Рёдеръ, касаются прежде всего рабочихъ: забота о достаточномъ развитіи трудоспособности; обезпеченіе возможности работать, для этой цѣли—бюро труда: во всякомъ случаѣ, основательная помощь можетъ быть достигнута лишь благодаря хорошей организаціи общественнаго производства; поэтому всѣ, принадле-

жащіе къ одной профессіи, должны быть на будущее время объединены однимъ единымъ руководствомъ; обезпеченіе положенія рабочаго по отношенію къ предпринимателю: опредѣленіе рабочаго времени и заработной платы, установленіе взносовъ въ промысловыя кассы взаимопомощи, «для того, чтобы болѣзни и смерть рабочихъ не ложились тяжестью на однѣ только общины»; наконецъ, обезпеченіе неспособныхъ къ труду. «Ясно, само по себѣ, какъ мало можно говорить о правовой защитѣ собственности, до тѣхъ поръ, пока тѣ, у кого все имущество состоитъ почти изъ одной только ихъ рабочей силы, принесены въ жертву случаю соперничества и произволу жестокосердныхъ денежныхъ мѣшковъ».

Такая позиція философіи права не осталась безъ вліянія на политическую экономію. Приблизительно въ то же время, когда соціализмъ привелъ философію права къ дальнѣйшему развитію ученія о государственномъ организмѣ у Крауза и Шеллинга и положилъ начало обоснованію соціальной политики философіей права,—и въ политической экономіи произошелъ переворотъ. Хотя нѣмецкіе экономисты никогда не раздѣляли крайнихъ выводовъ индивидуалистической школы, наоборотъ, скорѣе всегда оставляли государственнымъ и историческимъ силамъ участіе въ строѣ экономической жизни, все-таки экономическая теорія ограничивалась изслѣдованіемъ индивидуалистическаго принципа, и вслѣдствіе этого у научной экономической политики, склонной къ компромиссамъ, отсутствовалъ теоретическій фундаментъ. Въ противоположность этому, этико-историческое направленіе, руководимое Рошеромъ, Гильдебрандомъ, Листомъ и Книсомъ, выставило требованіе, чтобы политическая экономія не только развивала теорію мѣнового хозяйства, но обнимала бы все, что составляло предметъ мысли, желаній, стремленій и достиженій народовъ въ экономической области. Политическая экономія должна, по ихъ мнѣнію, прослѣдить каждую ступень въ развитіи народнаго хозяйства и такимъ образомъ понять основаніе и структуры современной хозяйственной культуры, а также тѣ задачи, которыя предстоитъ разрѣшать на-

шему времени. Это заставитъ политическую экономію разсматривать отдѣльную личность не только, какъ индивидуумъ, но какъ часть организованнаго цѣлаго и оцѣнивать ея роль въ хозяйствѣ. Въ то же время отношеніе къ отдѣльной личности должно быть не только, какъ къ существу, преслѣдующему свои личные интересы, но какъ къ подчиняющейся нравственному закону личности, поступки которой необходимо оцѣнивать и цѣнить съ точки зрѣнія органическаго единства въ обществѣ. Этотъ взглядъ нашелъ благопріятную поддержку въ ученіяхъ новой философіи права. Шеффле особенно ясно выразилъ и призналъ это въ своихъ «Разсужденіяхъ о взаимоотношеніи между человѣкомъ и благами, и отношеніи государства къ хозяйству» (1861 г.). Не хозяйственное благо, но «человѣкъ долженъ стать въ центрѣ политической экономіи, и долженъ разсматриваться, какъ исходный пунктъ и конечная цѣль всей хозяйственной дѣятельности. Эту дѣятельность слѣдуетъ разсматривать не какъ процессъ природы, но какъ царство нравственнаго дѣйствія, при чемъ человѣкъ представляется существомъ съ сознательной волей, ставящимъ себѣ новыя цѣли и стремящимся къ нимъ». Это означаетъ, что политической экономіи приходится интересоваться вопросами, которые до сихъ поръ были далеки ей: о внутреннихъ границахъ богатства, о величинѣ частныхъ и общественныхъ промышленныхъ предпріятій, о нравственномъ оправданіи имущества, о его распредѣленіи, объ оправданіи класса рентьеровъ, о его обложеніи и т. п. Это должно, однако, имѣть мѣсто безъ примѣшиванія моральныхъ чувствъ, но лишь съ оцѣнкой соціальныхъ учрежденій, которыя существуютъ въ обществѣ, какъ прочныя, самостоятельныя установленія: семья, община, правовая организація, церковь, прежде же всего государство, которое связываетъ всѣхъ, объединяетъ однимъ единствомъ и выполняетъ важныя задачи, которыя нужно познать и которымъ нужно благопріятствовать. Нужно освободиться отъ субъективнаго пониманія права, которое разсматриваетъ право, лишь какъ опредѣленіе границъ индивидуальнаго произвола, и признать, что его задача идетъ дальше и должна

быть направлена на нравственныя цѣли человѣческаго общежитія. Такимъ образомъ, государству, какъ носителю права, на мѣсто отрицательныхъ функцій, отведенныхъ ему либерализмомъ, должны быть поставлены положительныя задачи, какъ это показали Аренсъ и Рёдеръ. Однако, требованія, вызываемыя новымъ развитіемъ общества, такъ разнообразны, что не только для государства, но и для всѣхъ культурныхъ силъ общества, возникаетъ сотрудничество въ соціальныхъ реформахъ, цѣлью которыхъ является: сохраненіе свободы индивидуальныхъ дѣйствій, равенство въ смыслѣ относительнаго нравственнаго индивидуальнаго развитія, свободная солидарность между людьми и имуществами, и отсюда, хотя и регулируемая государствомъ и окруженная нравственными границами, но по существу все-таки свободная капиталистическая организація производства.

Какъ уже было показано во второй лекціи, подобные взгляды развивали уже въ 40-ыхъ годахъ консервативные, католическіе и протестантскіе писатели отчасти съ точки зрѣнія своего міровоззрѣнія, отчасти въ связи съ фактами рабочаго движенія. Въ данномъ случаѣ ново было то, что наука, прежде всего призванная дать объясненіе экономической организаціи, служащей человѣческому общежитію, политическая экономія, основательно порвала съ индивидуалистическимъ принципомъ.

Вполнѣ справедливо могъ писать католическій публицистъ Эдмундъ Іёргъ, въ началѣ 60-ыхъ годовъ: «Современная наука о народномъ хозяйствѣ не можетъ больше игнорировать ужаснаго протеста, поднявшагося противъ нея». И дѣйствительно, все чаще становятся голоса, признающіе, что политическая экономія относится равнодушно къ измѣненіямъ, вызваннымъ въ обществѣ свободнымъ обмѣномъ, и съ своей основной точки зрѣнія, которой она держалась до сихъ поръ, не предлагаетъ удовлетворительнаго объясненія соціальныхъ золъ, и не указываетъ способы, которыми ихъ можно было бы устранить. Въ своемъ Изложеніи рабочаго вопроса (1864 г.) и въ Изслѣдованіяхъ о положеніи мелкой промышленности (1870 г.), Шмоллеръ становится на сторону тѣхъ, которые признаютъ, что крупные успѣхи

нашего времени вызвали глубокія соціальныя бѣды, которыя дѣлаютъ собственность мыслимой лишь вмѣстѣ съ огромными обязанностями и повинностями по отношенію къ цѣлому и требуютъ совмѣстной дѣятельности государства и свободныхъ общественныхъ организацій. Брентано указываетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ объ англійскихъ профессіональныхъ союзахъ, какимъ путемъ возможно при сохраненіи правовыхъ основаній современнаго общества, создавать условія труда и положеніе рабочихъ, опирающихся на свои организаціи, въ настоящемъ соотвѣтствіи съ трудоспособностью рабочихъ и съ измѣненіями въ условіяхъ жизни. Адольфъ Вагнеръ осенью 1871 г. въ рѣчи о соціальномъ вопросѣ набрасываетъ большую программу соціальныхъ реформъ, которая въ качествѣ задачъ ближайшаго времени выставляетъ ограниченія земельной собственности, справедливое распредѣленіе налоговъ, организаціи для совмѣстныхъ переговоровъ между рабочими и предпринимателями, законодательную охрану труда, страхованіе рабочихъ въ случаяхъ болѣзни, инвалидности, старости, обезпеченіе вдовъ и сиротъ и реформу жилищныхъ условій. Осуществленіе этихъ задачъ предполагаетъ государственное принужденіе; внутреннія же силы, на которыя при существующей свободѣ должна была бы опираться реформа, не достаточно сильны. «Лишь широкое вмѣшательство государства, лишь законъ и принужденіе со стороны государства придали значеніе самымъ простымъ обязанностямъ гуманности и христіанства».

Наступило время для того, чтобы создать центръ для разрозненной умственной работы отдѣльныхъ личностей, склонявшихся къ соціальнымъ реформамъ. Въ октябрѣ 1872 г. въ Эйзенахѣ состоялся конгрессъ для обсужденія соціальнаго вопроса, организованный нѣкоторыми профессорами политической экономіи и представителями практическихъ профессій, для того, чтобы, путемъ регулярныхъ собраній и обсужденій серьезныхъ вопросовъ, просвѣтить общественное мнѣніе о значеніи и цѣляхъ соціальной реформы. Этотъ конгрессъ привелъ въ 1873 г. къ основанію «Союза Соціальной Политики». Впослѣдствіи этотъ союзъ

благодаря изслѣдованіямъ соціальныхъ условій, результаты которыхъ такъ же, какъ и обсужденіе этихъ результатовъ, были опубликованы, такъ же сильно способствовалъ нашимъ познаніямъ организаціи народнаго хозяйства и отношеній между экономическими фактами, какъ и познаніе вліяній, въ особенности, на рабочій классъ явленій, связанныхъ съ развитіемъ народнаго хозяйства. Благодаря своимъ стараніямъ предпосылать научное изслѣдованіе фактовъ ихъ обсужденію и благодаря твердому сохраненію того принципа, что Союзъ, какъ таковой, не представляетъ партіи или опредѣленнаго направленія соціальной реформы, Союзъ совершилъ много полезной просвѣтительной работы и не только служилъ распространенію соціально-политическихъ идей, но выполнилъ также большую подготовительную работу для осуществленія соціальныхъ реформъ. Благодаря этому, Союзъ, безъ сомнѣнія, способствовалъ пониманію въ широкихъ кругахъ необходимости соціальныхъ реформъ и ихъ совмѣстимости съ основаніями современнаго общества; съ другой стороны, однако, благодаря соединенію представителей совершенно противоположныхъ политическихъ партій и даже различныхъ міровоззрѣній, Союзъ доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ общественнаго строя существуетъ единство воззрѣній, которое объединяетъ всѣхъ людей и можетъ создать общій идеалъ экономической и соціальной политики.

Въ настоящее время мы, дѣйствительно, не найдемъ ни одной партіи, которая не имѣла бы соціально-политической программы, объединяющей ее вмѣстѣ съ другими партіями. Историческія партіи, образовавшіяся въ борьбѣ за конституцію и за политическія привилегіи народа, старыя противорѣчія между консервативными и либеральными, демократическими партіями часто совершенно исчезаютъ на этой почвѣ. Если первоначально консервативныя партіи признали необходимость дальнѣйшаго развитія общества при сохраненіи его органическихъ основаній, то съ теченіемъ времени, благодаря возростающему пониманію и давленію фактовъ, это признаніе было перенято всѣми партіями. Общія цѣли, которыя имѣетъ въ виду въ настоя-

щее время соціальная политика, врядъ ли подвергаются оспариванію. На первомъ мѣстѣ стоитъ обезпеченіе существованія неимущихъ, благодаря воздѣйствіямъ на индивидуумы, благодаря различнымъ институтамъ и учрежденіямъ, государственной охранѣ: дѣло образованія и обученія, организація посредничества въ дѣлѣ пріисканія труда, страхованіе рабочихъ, законодательная охрана труда, и т. п. Второй общей цѣлью является созданіе благопріятныхъ условій для организаціи, которая должна занять мѣсто атомизированія общества. Средствомъ къ этому является ассоціація, образованіе союзовъ и товариществъ, которымъ законъ и администрація оказываютъ покровительство, отчасти, какъ свободнымъ, отчасти, какъ принудительнымъ организаціямъ. Тамъ, гдѣ перестаетъ служить ассоціація, гдѣ она не можетъ возникнуть или не оказываетъ своего дѣйствія, все чаще выступаетъ требованіе публично-правового регулированія обмѣна, напримѣръ, въ законахъ объ охранѣ рабочихъ. Наконецъ, въ качествѣ средства, безъ котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя обойтись, мы имѣемъ прямое вмѣшательство и заботу со стороны общественныхъ корпорацій тамъ, гдѣ индивидуальныя силы недостаточны, отчасти, въ устройствѣ и управленіи учрежденій и институтовъ, признанныхъ основнымъ условіемъ общаго развитія (обученіе и средства сообщенія),(отчасти—для устраненія частныхъ монополій (городскія центральныя станціи для освѣщенія, сберегательныя кассы и т. п.), отчасти, въ дѣлѣ охраны духовныхъ, моральныхъ благъ или жизни и здоровья (образовательные институты, больницы, спасательныя станціи и т. п.). Менѣе общепризнанными являются стремленія провести соотношеніе между доходомъ и имуществомъ, съ одной стороны, и соціальными заслугами отдѣльныхъ личностей—съ другой, ибо въ этой области большей частью отказываются служить способы и возможности оцѣнки. Тѣ другія цѣли въ принципѣ не подвергаются уже оспариванію, какъ бы ни расходились мнѣнія о конкретныхъ мѣрахъ, которыя должны соотвѣтствовать этому принципу. Точно такъ же можно сказать, что болѣе не

оспаривается и основная идея всѣхъ тѣхъ реформъ, гдѣ рѣчь идетъ при этомъ объ охранѣ и заботѣ объ отдѣльной личности, о предохраненіи человѣка отъ эксплоатаціи его другими людьми, объ осуществленіи требованій справедливости. Нельзя заранѣе въ программѣ представить то, что необходимо для достиженія этихъ цѣлей; содержаніе соціальной политики нельзя выразить, какъ, напримѣръ, содержаніе либеральной экономической политики, однимъ простымъ принципомъ; въ соціальной политикѣ рѣчь идетъ о руководствѣ, благопріятствованіи и уравненіи различныхъ общественныхъ круговъ при посредствѣ государства и въ интересахъ государственнаго общежитія, какъ справедливо указываетъ Гертлингъ въ своемъ сочиненіи о естественномъ правѣ и соціальной политикѣ. (Мелкія сочиненія, 1897 г.). По своему существу соціальная политика не ограничивается рабочимъ вопросомъ, который лишь въ настоящее время такъ опредѣленно выступаетъ на первый планъ. Соціальная политика опредѣляетъ свои задачи именно подъ вліяніемъ общественныхъ условій своего времени. Введеніе цеховъ, какъ средство къ равномѣрному распредѣленію заказовъ работы и благодаря этому и доходовъ, а также къ соблюденію интересовъ потребителей, было соціально-политическимъ актомъ; но и отмѣна цеховъ носила соціально-политическій характеръ, когда съ теченіемъ времени они сдѣлались средствомъ къ монополизаціи рынка, препятствіемъ къ техническому и экономическому прогрессу. Возстановленіе полной собственности на землю посредствомъ освобожденія крестьянъ и образованія класса свободныхъ сельскихъ рабочихъ было соціально-политическимъ актомъ, но точно такъ же—и ограниченіе индивидуальной собственности на землю въ интересахъ водныхъ товариществъ и законодательное регулированіе рабочаго договора, стѣсняющее личную свободу. Другими словами, соціальная политика требуетъ не матеріально равнаго дѣйствія въ различные времена и при различныхъ мѣстныхъ условіяхъ, но лишь дѣйствіе съ одинаковой общей цѣлью. Эта цѣль — обезпечить свободу личности внутри общественнаго строя. За-

дача соціальной политики заключается въ томъ, чтобы дѣлать возможнымъ или облегчать развитіе личности, препятствовать тому, чтобы развитіе однихъ не становилось препятствіемъ къ развитію другихъ; эта задача приводитъ къ ослабленію противорѣчій, создаваемыхъ общественной жизнью, къ уравненію условій жизни, но не жизненныхъ цѣлей, содержанія жизни индивидуумовъ, которое должно оставаться зависимымъ отъ каждой индивидуальной личности.

Соціальная политика не выставляетъ поэтому своихъ собственныхъ цѣлей, она заимствуетъ ихъ изъ общественныхъ условій жизни, которыя она старается регулировать въ смыслѣ справедливости. Она различна поэтому и въ различныя времена и у различныхъ народовъ. До тѣхъ поръ, пока существуетъ общество съ различными теченіями и стремленіями людей, которые раздѣляются на группы, старающіяся пользоваться экономическими и политическими способами власти для того, чтобы способствовать осуществленію своихъ интересовъ,—до тѣхъ поръ будетъ существовать соціальная политика, старающаяся разрѣшить противорѣчивые споры, которые должны при этомъ возникать. Этимъ предположеніемъ, что подобныя движенія всегда будутъ существовать между людьми, и отличается идея соціальной политики отъ соціализма. Послѣдній, программный соціализмъ, по своей идеѣ уничтожаетъ общество. Создавая изъ множества людей и изъ разнообразія ихъ личностей одинъ единый народъ, большую общину равныхъ между собой индивидуумовъ, онъ уничтожаетъ то, что мы называемъ обществомъ. Онъ не знаетъ индивидуумовъ, какъ личностей, отличающихся по своимъ желаніямъ, образу жизни, съ индивидуальными образованіями общественныхъ группъ, онъ знаетъ индивидуумовъ лишь, какъ атомы единой массы народа. Когда онъ взываетъ: «Чрезъ общество для общества», то это слово означаетъ у него лишь собирательное имя однообразной, централистически руководимой массы. Соціализмъ въ этой области поступаетъ такъ же, какъ либерализмъ. Онъ атомизируетъ общество на равныя между собой части. То, что крайній ли-

берализмъ считалъ условіемъ, въ соціализмѣ становится цѣлью, связанной съ механизированіемъ политическихъ орудій господства посредствомъ обобщенія принципа мажоризаціи. Невѣроятно, однако, чтобы это было цѣлью общественнаго развитія, даже и при условіи ограниченія лишь областью экономической жизни. Даже въ этомъ представленіи, будто можно было бы регулировать хозяйство людей лишь по одному единому принципу, не обращая вниманія на значеніе остальныхъ общественныхъ силъ, соціализмъ оказывается близнецомъ либерализма; онъ точно такъ же апріористиченъ, какъ и этотъ послѣдній. Но съ того момента, какъ мы беремъ людей въ ихъ общественной дѣятельности, они представляются намъ, какъ расчлененное разнобразной дифференціаціей, но снова урегулированное посредствомъ права и морали, множество, въ которомъ скрещиваются взаимнопротивоположные интересы и соединяются общіе, возникающіе изъ экономическихъ и неэкономическихъ причинъ. Благодаря этому, развивается система общежитій, движеній, условій и противорѣчій, которую,—разсматривая ее какъ одно цѣлое,—мы и называемъ обществомъ. Сдѣлать возможными въ измѣняющихся и разнообразныхъ условіяхъ исторически измѣняющагося общества для каждой его части, для его группъ и отдѣльныхъ личностей обезпеченность жизни и свободное развитіе собственныхъ силъ—это останется идеаломъ соціальной политики.

---

5. Аграріи.

Предыдущія лекціи показали намъ, что по мѣрѣ развитія либеральной экономической политики въ законодательствѣ и въ управленіи, достигшей въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-ыхъ г.г. своего апогея, увеличилась также, оппозиція крупныхъ общественныхъ группъ противъ господствующей системы. Почти каждое десятилѣтіе приносило новые признаки этой оппозиціи. Въ 40-ые и 50-ые годы ремесленники и консервативные круги стремились замѣнить систему конкурренціи системой регулированія, въ 60-ые годы рабочіе организуются въ самостоятельную партію реформы, въ 70-ыхъ, ученые и другіе представители либеральныхъ профессій объединяются для того, чтобы возвѣстить необходимость реформы въ противоположность принципу абсолютной экономической свободы. Въ сторонѣ отъ крупной промышленности, торговли, денежнаго и кредитнаго оборота, достигшихъ въ новую экономическую эпоху огромнаго расцвѣта, стоитъ лишь сельское хозяйство. Хотя и консервативные писатели и политики не упускали случая, какъ мы видѣли, рекомендовать самостоятельное положеніе сельскаго хозяйства и особенное къ нему вниманіе, но среди сельскихъ хозяевъ дѣло не дошло до движенія противъ либеральной системы, какъ это имѣло мѣсто среди мелкихъ ремесленниковъ или среди рабочихъ. Однако, и въ этой средѣ наступаетъ большой поворотъ, и въ

80-ыхъ годахъ сельскіе хозяева начинаютъ организовываться на почвѣ самостоятельной экономической программы, которая содержитъ въ себѣ рѣшительное отрицаніе принциповъ свободнаго обмѣна. Для пониманія этого движенія необходимо прослѣдить развитіе сельскаго хозяйства въ 19 столѣтіи.

Сельское хозяйство такъ же, какъ и промышленность, претерпѣло крупныя измѣненія. Эти измѣненія охватываютъ и аграрный строй, т.-е. отношенія собственности, условія труда и технику сельско-хозяйственнаго производства, и отношенія сельскихъ хозяевъ къ рынку въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, т.-е., сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и отношенія къ денежному и кредитному обороту. Что касается до аграрнаго строя, то распредѣленіе земельной собственности въ концѣ столѣтія не обнаруживаетъ никакой разницы по сравненію съ распредѣленіемъ ея въ началѣ столѣтія. И тогда такъ же, какъ и въ настоящее время, Германія распадалась на три области, съ различнымъ характеромъ землевладѣнія. На востокѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, крупныя хозяйства занимаютъ здѣсь отъ ¼ до ½ всей площади; въ сѣверо-западной и средней Германіи преобладаетъ крестьянская собственность, на которую приходится половина площади, въ юго-западной Германіи мелкимъ крестьянамъ и мелкимъ (парцеллярнымъ) собственникамъ принадлежитъ больше половины всей земли. Такъ было прежде, такъ обстоитъ дѣло и въ настоящее время. Въ одномъ отношеніи, однако, для сельскаго хозяйства въ восточной Германіи наступило все-таки одно существенное измѣненіе: раздѣленная собственность, личная повинность подданныхъ крестьянъ на земляхъ помѣщиковъ, обязанность со стороны помѣщиковъ поддерживать крестьянъ были отмѣнены эдиктами 1807—1821 г.г., поскольку рѣчь шла о зажиточныхъ крестьянахъ, имѣющихъ собственный инвентарь, а для остальныхъ—въ 1828 и въ 1850 г.г. Вмѣстѣ съ этимъ мѣняются въ крупныхъ помѣстьяхъ и условія труда; на мѣсто прежняго обязательнаго труда крестьянъ, основаннаго на старомъ отношеніи подданства, выступаетъ теперь трудъ

на основаніи свободно заключеннаго договора между помѣщикомъ и сельскимъ рабочимъ. Эти условія труда претерпѣли нѣкоторыя измѣненія. Изъ поселяемыхъ на землѣ помѣщика и ведущихъ собственное хозяйство, рабочіе превратились въ «депутатистовъ, получающихъ натуральную плату, а изъ «депутатистовъ»—въ поденныхъ рабочихъ, получающихъ плату деньгами. Рука объ руку съ этимъ ослабленіемъ отношеній между рабочимъ и помѣщикомъ идетъ тяга къ промышленнымъ центрамъ. Все чаще становится переселеніе въ горно-промышленную и индустріальную области, куда привлекаютъ болѣе высокія заработныя платы и болѣе свободная жизнь. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что спросъ на рабочихъ въ деревнѣ становится менѣе регулярнымъ, вслѣдствіе измѣнившейся техники производства; колебанія между наименьшимъ и наиболѣе сильнымъ спросомъ на рабочія руки возрасли до 1 : 4 и еще выше, т.-е. лишь небольшой части рабочихъ въ деревнѣ можетъ быть обезпечено регулярное занятіе. Этотъ недостатокъ увеличивается еще и потому, что, благодаря вытѣсненію сельскихъ промысловъ, все рѣже становятся зимніе подсобные промыслы. Такъ «тяга въ города», «бѣгство изъ деревни» становятся общимъ явленіемъ, которое особенно проявляется на востокѣ и приводитъ къ чувствительному недостатку въ рабочихъ рукахъ, въ то время, какъ на западѣ и наюгѣ, гдѣ нужда въ рабочихъ, вслѣдствіе преобладанія крестьянскихъ владѣній, менѣе велика, тѣ же тенденціи ослабляются, благодаря болѣе благопріятному распредѣленію собственности.

Измѣненія въ техникѣ сельско-хозяйственнаго производства обусловливаются переходомъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства. Подъ вліяніемъ агрикультурныхъ знаній въ первой половинѣ столѣтія произошелъ переходъ отъ трехпольнаго хозяйства къ плодоперемѣнному хозяйству. До тѣхъ поръ, пока господствовало трехпольное хозяйство, не было сильной потребности въ отмѣнѣ старыхъ патріархальныхъ стѣсненіяхъ производства. Тамъ, гдѣ, благодаря чрезполосицѣ, существовалъ недостатокъ въ

подъѣздныхъ путяхъ, крѣпко держались за принудительный сѣвооборотъ; взаимныя права на выпасы были необходимы въ виду существеннаго, благодаря трехпольному хозяйству, недостатка въ кормѣ; точно такъ же необходимы были и взаимные сервитуты на лѣса и пастбища. Съ появленіемъ видовъ на большую доходность болѣе интенсивныхъ хозяйствъ появилось стремленіе къ уничтоженію этихъ земельныхъ отношеній, стѣсняющихъ производство. Плодопеременное хозяйство стало возможнымъ лишь, когда принудительный сѣвооборотъ былъ уничтоженъ и издержки производства уменьшены, благодаря возможно болѣе благопріятному разверстанію земельныхъ участковъ, и хозяинъ сталъ господиномъ въ выборѣ системы своего хозяйства, т.-е., когда индивидуализація хозяйства и отмѣна старыхъ общинныхъ отношеній земельныхъ участковъ стали необходимостью. Въ интересахъ сельскаго хозяйства поэтому было провести требовавшуюся либеральной экономической политикой систему полной, неограниченной, отдѣльной собственности на землю. Этому соотвѣтствовали: отмѣна общинныхъ сервитутовъ на землю, выкупъ сервитутныхъ правъ, разверстаніе угодій; все это вмѣстѣ способствовало индивидуализаціи сельско-хозяйственнаго производства. Достигнутое, благодаря этому, болѣе раціональное хозяйство, вызвало сильное увеличеніе производительности. По Рыбарку оно достигало въ Германіи въ 19 ст. для зернового хлѣба—136,7%, для всѣхъ полевыхъ растеній—212%, или на голову населенія, несмотря на сильный ростъ послѣдняго, 33%, для мяса, вслѣдствіе болѣе раціональнаго скотоводства, даже 595%, т.-е. количество скота настолько увеличилось, что въ началѣ 19 ст. на голову нѣмецкаго населенія приходилось, считая по вѣсу, 17,3 килогр., въ концѣ столѣтія—51,2 килогр.

Это увеличеніе производства дѣлаетъ развитіе сельскаго хозяйства сходнымъ съ развитіемъ промышленности; здѣсь, какъ и тамъ, ростъ населенія обгонялъ ростъ производства. Все же между развитіемъ сельскаго хозяйства и развитіемъ промышленности существуетъ большое различіе. Въ индустріи увеличеніе производства, примѣненіе

болѣе совершенной техники сопровождались паденіемъ издержекъ, падающихъ на единицу продукта. Въ сельскомъ хозяйствѣ это не имѣетъ мѣста. Хотя и здѣсь средства производства удешевлены, какъ, напримѣръ, удобреніе, машины, орудія, но издержки на рабочую силу постоянно увеличиваются, и доходъ увеличивается не пропорціонально затраченнымъ издержкамъ, но, въ общемъ, въ меньшей степени. Законъ убывающаго плодородія почвы, т.-е., тотъ фактъ, что среднее увеличенное количество издержекъ приноситъ при болѣе интенсивномъ хозяйствѣ, правда, болѣе высокій, но уменьшающійся въ отношеніи къ издержкамъ, доходъ, проявляется въ сельскомъ хозяйствѣ, и увеличеніе доходности становится выгоднымъ, поэтому, лишь при повышающихся цѣнахъ. Другое существенное различіе между сельско-хозяйственными и промышленными и торговыми предпріятіями заключается въ томъ, что въ послѣднихъ наблюдаются общія тенденціи развитія производства, которыя мы называемъ тенденціей къ крупному производству, къ концентраціи. Въ сельскомъ хозяйствѣ эта тенденція отсутствуетъ. Оно и въ настоящее время все еще обнаруживаетъ тѣ же отношенія собственности и производства, какъ и 100 лѣтъ тому назадъ. Крестьянскія владѣнія и крупное землевладѣніе, хозяйство для собственнаго потребленія и на рынокъ, парцеллярныя хозяйства и арендное хозяйство—всѣ эти явленія, имѣющія значеніе для соціальной оцѣнки сельскаго хозяйства, остались неизмѣнными, несмотря на измѣненія въ техникѣ производства. Преобразовательное дѣйствіе, которое капиталистическая техника вызываетъ въ другихъ областяхъ, здѣсь исключено. Здѣсь сохранились ставшіе историческими распредѣленіе собственности и роды производства. Естественныя и личныя вліянія оказались сильнѣе техническихъ. Механизированіе сельскаго хозяйства исключено, оно попрежнему остается органическимъ производствомъ.

Однако, въ области отношеній къ рынку сельское хозяйство не могло избѣжать соприкосновенія съ капитализмомъ, и здѣсь-то и проявляется вліяніе на него этого послѣдняго. При этомъ рѣшающее значеніе имѣютъ три

факта. Во-первыхъ, расширеніе денежнаго и мѣнового хозяйства по отношенію къ натуральному домашнему хозяйству, а также и расширеніе рынка, благодаря росту населенія и развитію средствъ сообщенія, вплоть до образованія мірового рынка для хлѣба, шерсти, отчасти для мяса, въ извѣстныхъ предѣлахъ для масла, яицъ, сала. Во-вторыхъ, тотъ фактъ, что рыночныя цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ становятся условіемъ для оцѣнки благъ и для высоты земельнаго кредита. Лишь этотъ фактъ, въ соединеніи съ отмѣной связанности и ограниченій собственности, создаетъ абсолютную увѣренность для задолженности и облегчаетъ, благодаря этому, кредитный обмѣнъ. Оба эти факта вліяютъ, въ-третьихъ, на то, въ какомъ духѣ ведется хозяйство; и сюда проникаетъ раціонализированіе, точное вычисленіе издержекъ, сравненіе денежныхъ издержекъ и денежныхъ цѣнъ; коммерческій порядокъ и бухгалтерія становятся постепенно необходимой составной частью даже крестьянскаго хозяйства. Необезпеченость дохода, зависимость отъ органическаго роста, отъ вѣтра и погоды, отъ моровой язвы и падежа не даютъ человѣку возможности стать господиномъ хозяйства въ такой же мѣрѣ, какъ и въ индустріи или въ торговлѣ; онъ не можетъ использовать, какъ въ этихъ отрасляхъ хозяйственной жизни, конъюктуры, ибо ограниченіе сельско-хозяйственнаго производства временемъ вынуждаетъ его къ соблюденію опредѣленныхъ сроковъ. Привязанность къ традиціонному, личная связь съ землей, даже и въ томъ случаѣ, когда она уже не является источникомъ доходнаго занятія, остаются въ сельскомъ хозяйствѣ важнымъ факторомъ.

Экономическое положеніе сельскихъ хозяевъ сложилось благопріятно въ теченіе всего періода развитія либеральной системы. Не только доходъ отъ земли, какъ было указано выше, повысился подъ вліяніемъ индивидуалистическаго хозяйства, но и расширеніе рынка оказалось полезнымъ, въ особенности, вывозъ въ Англію со времени отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ въ этой странѣ (1847) увеличился и много способствовалъ постоянному повышенію

цѣнъ. Такъ, въ прежней Пруссіи тонна стоила въ среднемъ въ маркахъ:

Годы.	Пшеница.	Рожь.	Годы.	Пшеница.	Рожь.
1821—30	121,4	126,8	1861—70	204,6	154,6
3831—40	138,4	100,6	1871—75	235,2	179,2

Ячмень, овесъ, бобы еще сильнѣе повысились въ цѣнѣ. Почти такъ же повысились цѣны на шерсть и скотъ, такъ что благосостояніе сельскаго хозяйства стало повсемѣстнымъ. Слѣдствіемъ явился сильный ростъ арендныхъ и товарныхъ цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повышеніе имущественныхъ цѣнностей и рентъ, приносимыхъ сельско-хозяйственной собственностью. Арендныя цѣны утроились въ періодъ отъ средины столѣтія до 70-ыхъ г. г., товарныя цѣны удвоились и учетверились. Родбертусъ («Кредитная нужда землевладѣнія», 1868) предположилъ даже, что движеніе цѣнъ произошло въ еще болѣе краткій промежутокъ времени, и что слѣдуетъ ожидать дальнѣйшаго роста дохода. Въ соединеніи съ свободой земельной собственности, которая не ставила уже никакихъ препятствій пріобрѣтенію и отчужденію, а также и ипотечному обремененію земли, это вело къ частой смѣнѣ владѣнія и къ увеличивающейся задолженности. На основаніи официальной прусской статистики, Родбертусъ сообщаетъ, что въ 30 лѣтъ, съ 1835 до 1864 г.г. приходилось на 11.771 помѣщичьихъ имѣній 23.654 переходовъ земельной собственности, между ними 14.404—путемъ добровольной продажи, 7903—путемъ наслѣдованія. Многіе землевладѣльцы, вѣроятно, поэтому реализовали возрастающую цѣнность земли посредствомъ отчужденія; покупатели и принимающіе землю наслѣдники могли, однако, пріобрѣтать свои владѣнія лишь благодаря ипотекамъ, которыя увеличиваютъ задолженность въ такой же степени, какъ и цѣнность земли. Такъ, сравненіе повышенія цѣнности съ повышеніемъ задолженности въ 6 округахъ Пруссіи съ 1837 до 1857 г.г. показываетъ, что въ теченіе этого двадцатилѣтняго періода увеличеніе долговъ вполнѣ поглотило повышеніе цѣнности.

Въ то время, когда Родбертусъ обратилъ вниманіе на опасности для землевладѣнія, кроющіяся въ этихъ фактахъ, они были недостаточно приняты во вниманіе; повышающійся доходъ казался достаточнымъ источникомъ увеличивающагося сельско-хозяйственнаго благосостоянія. Изъ этого оптимистическаго настроенія въ концѣ 70-ыхъ г.г. сельскихъ хозяевъ вывелъ фактъ, котораго никто не могъ предвидѣть, и который съ тѣхъ поръ подчинилъ себѣ европейское сельское хозяйство. Это—возникновеніе конкурренціи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ заокеанскихъ странъ на европейскихъ, въ особенности, на англійскихъ рынкахъ, которые въ средины 19 ст. сдѣлались для нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ чрезвычайно важной областью сбыта ихъ продуктовъ. Эта конкурренція явилась слѣдствіемъ, съ одной стороны, расширенія сельско-хозяйственнаго производства, поддержаннаго европейской эмиграціей, и приложеніемъ капитала за границей, съ другой стороны—усовершенствованіемъ средствъ сообщенія. Развитіе послѣднихъ получило международное значеніе лишь въ 70-ыхъ годахъ. Въ 1866 г. былъ проложенъ первый кабель въ Америку, въ началѣ 70-хъ г. г. первыя желѣзныя дороги въ Соединенныхъ Штатахъ открыли плодородныя земли въ долинѣ Миссисипи; лишь тогда пароходы окончательно вытѣсняютъ парусныя суда; въ 1870 г. устанавливается сообщеніе черезъ Суэцкій каналъ. Съ тѣхъ поръ въ этой области достигнутъ крупный прогрессъ въ отношеніи величины судовъ, быстроты сообщенія, высоты тарифовъ. Въ началѣ 90-ыхъ г.г. высчитывали, что цѣнность метроцентнера шпеницы, считая его въ 12 марокъ, поглощается стоимостью транспорта на старыхъ дорогахъ при 100 клм., на новыхъ искусственныхъ шоссе—при 400, посредствомъ новыхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ—при 4500, посредствомъ пароходныхъ тарифовъ — при 25.000 клм. Этимъ были заложены основанія мірового обмѣна. Сельское хозяйство прежде всего стало испытывать послѣдствія этого развитія. Американскій вывозъ пшеницы, составлявшій съ 1851 г. до 1860 г. ежегодно 2 милл. гетколитровъ, возросъ въ 1870 г. до 10 милл., въ 1874—до

20 милл., въ 1879 г.—до 54 милл. Къ этому же времени въ качествѣ вывозящей страны выступила и Индія. Къ 1880 г. Англія удовлетворяла уже 72% своего спроса на мясо и 80% спроса на пшеницу и муку въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 80-ые годы въ качествѣ области, экспортирующей пшеницу, выступаетъ Аргентина, которая старается въ населенной и обильной городами Европѣ найти сбытъ своему ежегодно увеличивающемуся избытку пшеницы.

Благодаря измѣненіямъ въ міровомъ хозяйствѣ, сельское хозяйство Германіи теряетъ не только Англію, какъ рынокъ для своего сбыта, ему приходится въ самой Германіи выдерживать конкурренцію продуктовъ заокеанскихъ странъ. Слѣдствіемъ является сильное паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Цѣны пшеницы падали—въ среднемъ во всей Пруссіи—съ 223 марокъ за тонну въ 1869—1876 г.г. до 204 марокъ въ 1877—1884 г.г., и все ниже до 154 марокъ въ 1893—1900 г.г. Цѣна на рожь за тотъ же періодъ времени упала съ 183 до 132 марокъ. Хуже всего было въ 1894 г., когда средняя цѣна на пшеницу составляла 135 марокъ, иногда и еще ниже, и цѣна на свободномъ, не защищенномъ пошлинами, рынкѣ, въ Лондонѣ упала до 75 марокъ за тонну. Это паденіе цѣны на хлѣбъ, занимавшій до 40% обрабатываемой площади, отразилось тяжело на сельскомъ хозяйствѣ, и тѣмъ тяжелѣе, что оно сопровождалось повышеніемъ стоимости труда, увеличеніемъ общественныхъ повинностей и повышеніемъ, вообще, затратъ на необходимыя жизненныя потребности. Въ сельскомъ хозяйствѣ разразился кризисъ, рента упала, цѣны на земельные участки и арендныя цѣны упали, бремя задолженности, не уменьшившееся, несмотря на уменьшеніе дохода, сдѣлалось тягостнѣе. Статистика доходности наиболѣе типичныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, предпринятая имперскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ для своей Имперіи на рубежѣ столѣтія, показала, что капитализація всего капитала (цѣнность земли, строенія, инвентарь и капиталъ предпріятія) въ этихъ хозяйствахъ въ послѣднія 10 лѣтъ достигла: въ среднемъ, въ мелкихъ хозяйствахъ (крестьянскихъ хозяйствахъ, цѣнностью до 50.000 ма-

рокъ)—0,5—1%, въ среднихъ хозяйствахъ (50—150.000 марокъ)—1—2%, въ крупныхъ (свыше 50.000 марокъ)—2—3%. По вычетѣ процентовъ на капиталъ въ видѣ строеній и оборотный, вмѣсто капитализаціи цѣнности земли, въ 763 предпріятіяхъ оказался дефицитъ въ 254 предпріятіяхъ—0—1%, въ 221—1—2%. Если въ основу этихъ вычисленій положить цѣнности земельныхъ участковъ, относящіяся къ болѣе раннему и болѣе благопріятному періоду, результатъ будетъ все-таки неблагопріятный по сравненію съ доходомъ на ссудный или промышленный капиталъ, и, во всякомъ случаѣ, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ развитіемъ, которое совершили промышленныя и торговыя предпріятія и кредитныя учрежденія. Въ то время, какъ въ этихъ областяхъ были созданы новыя богатства, семьи сельскихъ хозяевъ боролись лишь за сохраненіе своихъ хозяйствъ и своей собственности.

Это неблагопріятное, критическое положеніе чрезвычайно обострилось, благодаря задолженности. Эта задолженность была вызвана въ значительной степени переходомъ собственности и представляла собой поэтому наслѣдственные и выкупные платежи. Капиталы, данные взаймы собственнику, не приносили никакой пользы его производству; они были скорѣе лишь идеальными частями цѣнности всего имѣнія, на которыя кредиторъ могъ во всякое время предъявить свои права. Положеніе землевладѣльца зависѣло при этомъ отъ существующей въ данной мѣстности процентной нормы и при томъ двоякимъ образомъ: съ одной стороны, цѣнность имѣнія посредствомъ капитализаціи чистаго денежнаго дохода имѣнія превращалась въ дѣйствующую процентную норму, съ другой—рента, выплачиваемая кредитору, опредѣлялась этой процентной нормой. При 4% нормѣ и чистомъ доходѣ имѣнія въ 4000 марокъ цѣнность его равнялась 100.000 марокъ, при 50% ссудѣ собственникъ могъ получить 50.000 ипотечной ссуды, за которую слѣдовало 2000 марокъ процентовъ, т.-е. половина дохода. Если этотъ чистый доходъ понижался, благодаря паденію цѣнъ и повышенію издержекъ, напр., до 3000 марокъ, то при данной формѣ задолженности это совершенно не затрагивало платежей процентовъ; землевладѣлецъ долженъ былъ выплатить кредитору не половину, какъ это было раньше, но $^2/_3$ своего чистаго дохода; зато гораздо серьезнѣе было положеніе сельскаго хозяина при существованіи обязательствъ къ выплатѣ капитала. При чистомъ доходѣ въ 3000 марокъ капитальная цѣнность имѣнія составляла 75.000 марокъ, имѣніе было задолжено, такимъ образомъ, на двѣ трети своей цѣнности, оно не обезпечивало уже попрежнему кредитора, и это обстоятельство должно было приводить къ расторженію договоровъ, къ публичной продажѣ или къ совершенію новыхъ займовъ на менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ такомъ же положеніи находился землевладѣлецъ въ тѣхъ случаяхъ, когда процентъ повышался. При 5 процентахъ цѣнность имѣнія, при сохраненіи прежней величины чистаго дохода, была, конечно, на 20% меньше, въ нашемъ примѣрѣ, слѣдовательно, вмѣсто 100 тысячъ—лишь 80.000 марокъ; часть, уплачиваемая кредитору при долгѣ въ 50.000 марокъ, составляла уже не 50, но свыше 60% чистаго дохода. При совпаденіи обоихъ фактовъ, пониженіи чистыхъ доходовъ и повышеніи процента, для задолженнаго сельскаго хозяина наступала настоящая катастрофа. Родбертусъ обратилъ вниманіе на опасности, грозящей, благодаря обычной задолженности землевладѣльца на капиталъ, во время повышающагося процента; на эти опасности снова было обращено вниманіе во времена паденія чистаго дохода. Статистическія изслѣдованія о сельско-хозяйственной задолженности, предпринятыя въ 80-ыхъ и 90-хъ годахъ и продолженныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до настоящаго времени, указываютъ, въ дѣйствительности, на сильное увеличеніе ипотечнаго кредита. Такъ, задолженность въ сельскихъ округахъ Пруссіи увеличилась съ 1886 по 1904 г.г. на 5245 милл. марокъ и при томъ въ возростающей пропорціи—въ первыя пять лѣтъ этого періода ежедневныя ипотечныя выдачи превышали погашенія на 134,6 милл., въ послѣднія пять лѣтъ—на 408,6 милл. марокъ. Статистическое изслѣдованіе въ 1902 г. обнаружило, что во всемъ государствѣ не были задолженными лишь 29,5% всего количества землевладѣ-

ній. При этомъ болѣе крупная земельная собственность обнаружила въ общемъ большую степень задолженности, чѣмъ мелкая земельная собственность. Точно также и въ Австріи перепись обнаружила несомнѣнно сильную задолженность земельной собственности, такъ что и въ Австріи, такъ же, какъ и въ Германіи, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и бремя задолженности вызвали сильное движеніе среди сельскихъ хозяевъ. Къ этому присоединился еще новый вопросъ—о личномъ кредитѣ, о кредитѣ не для пріобрѣтенія собственности или меліораціи, но для текущаго хозяйства. Этотъ промышленный кредитъ былъ совершенно неорганизованъ, и крестьянинъ, который все сильнѣе вынуждался къ денежному хозяйству и видѣлъ увеличеніе своихъ денежныхъ издержекъ, слишкомъ часто испытывалъ недостатокъ въ собственномъ капиталѣ для производства. Это вызвало расцвѣтъ ростовщичества въ деревнѣ. Оно проявлялось во всѣхъ возможныхъ формахъ, какъ денежное и ссудное ростовщичество, какъ ростовщичество по отношенію къ скотоводству, земельнымъ участкамъ и товарное ростовщичество, и ставило крестьянина въ зависимость большей частью отъ торговыхъ людей, которые запутывали его всевозможными сдѣлками, ссудными договорами и товарнымъ кредитомъ, закупками товаровъ и скота, изъ которыхъ онъ уже не могъ освободиться. Всѣ эти ненормальныя явленія въ области личнаго кредита въ сельскихъ мѣстностяхъ достигли своего высшаго развитія, повидимому, въ концѣ 70-ыхъ годовъ.

Въ настоящее время это критическое положеніе пройдено. Стоило бы прослѣдить отдѣльныя причины этого явленія. Въ немъ дѣйствовало много различныхъ силъ. Отчасти они вызывались воспитаніемъ и образованіемъ сельскихъ хозяевъ и общимъ развитіемъ народнаго хозяйства: выросли личныя способности сельскихъ хозяевъ, ихъ хозяйство улучшилось, къ нему присоединилось индустріальное производство, какъ, напр., винокуреніе, сахарные заводы, выросло городское и промышленное населеніе, его благосостояніе увеличилось, а это привело къ увеличенному потребленію сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. До извѣстной

степени, однако, оказывали свое дѣйствіе и мѣропріятія, и учрежденія, связанныя съ новой экономической политикой по отношенію къ сельскому хозяйству. Подъ вліяніемъ стремленій «сторонниковъ реформы налоговаго обложенія и народнаго хозяйства», о которыхъ мы упоминали выше при описаніи развитія консервативныхъ партій, въ 1879 г. произошло измѣненіе таможенной системы, вводившее пошлины также и на сельскіе продукты. Первоначально эти пошлины были установлены въ незначительномъ размѣрѣ—въ 1 марку на 100 килогр. для пшеницы и ржи, въ послѣдующія же десятилѣтія они стали центромъ, вокругъ которыхъ шла борьба изъ за политики внѣшней торговли и подъ вліяніемъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ были такъ повышены, что въ 1905 и 1906 г.г. въ торговыхъ договорахъ, заключенныхъ Германіей, они были установлены въ размѣрѣ 5,50 и 5 марокъ. Аналогичнымъ являлось и движеніе другихъ пошлинъ, имѣющихъ значеніе для сельскихъ хозяевъ, именно—на скотъ и мясо. Это вызвало увеличеніе цѣнъ, которое привело, напр., цѣны на пшеницу и рожь въ настоящее время на ту же высоту, на какой они стояли въ 60-ыхъ и 70-ыхъ г.г., и увеличило цѣны на скотъ и мясо.

Другимъ явленіемъ, имѣвшимъ значеніе для новѣйшаго развитія нѣмецкаго сельскаго хозяйства, является организація кооперативовъ. Выше мы указали на ихъ происхожденіе изъ соціалъ-реформаторскаго движенія въ серединѣ 19 столѣтія. Лишь экономическая нужда въ 70-ые годы вызвала расцвѣтъ растенія, долго выраставшаго тайно. Какъ сильно совершалось это развитіе, видно изъ того, что въ 1883 г. существовали въ Германіи лишь 105 сельскихъ товариществъ, а 1 февраля 1908 г. ихъ было уже 21.450. Полагаютъ, что до 40% самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ (1 милліонъ) охвачены этими товариществами. Въ виду того, что по промышленной переписи 1895 г. имѣлось лишь 294.454 самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, владѣвшихъ сельско-хозяйственной площадью свыше 20 гект. и лишь 23.523, владѣнія которыхъ превышали

100 гект., членами кооперацій являются должно быть большей частью лишь мелкія хозяева.

Все-таки эти кооперацiи не являются союзами мелкихъ хозяйствъ противъ крупнаго производства. Въ 1907 г. изъ 148.082 производствъ нѣмецкихъ молочныхъ товариществъ 42.119 имѣли до 5 гект. каждое, изъ нихъ 10.200—менѣе 2 гект., но зато 8805—свыше 100 гект. Есть товарищества, въ которыхъ существуетъ взаимная порука капиталами въ нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ, а есть также и такія, въ которыхъ гарантіей служатъ нѣсколько сотъ марокъ. Въ правленіяхъ и распорядительныхъ комитетахъ сельскихъ товариществъ засѣдаютъ много мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ области сельскаго хозяйства, при сохраненіи историческаго распредѣленія собственности, «свободная ассоціація» стала реальнымъ фактомъ, и много способствовала улучшенію сельско-хозяйственнаго производства, уменьшеніц издержекъ, исключенію излишнихъ промежуточныхъ звеньевъ и воспитанію сельскихъ хозяевъ къ хозяйственности и къ производству, способному къ конкурренціи на рынкѣ. Въ особенности способствовали товарищества реформѣ кредита посредствомъ достаточной организаціи личнаго кредита, для полученія капитала для производства; эта организація кредита уничтожила ростовщичество въ деревнѣ и облегчила веденіе производства на основѣ денежнаго хозяйства. Второй кредитный вопросъ—объ организаціи ипотечнаго кредита—въ настоящее время, хотя и не разрѣшенъ вполнѣ, но близокъ къ разрѣшенію, благодаря учрежденію особыхъ кредитныхъ организацій, которыя слѣдующимъ образомъ осуществляютъ защищавшійся Родбертусомъ принципъ рентнаго кредита. Эти учрежденія доставляютъ ссуды капитала, которыя не могутъ быть взяты обратно и не обязываютъ должника къ выплатѣ всего капитала въ одной суммѣ, но возлагаютъ на него лишь ежегодную уплату постоянно одинаковой суммы, погашающей и самую ссуду и проценты за нее. Наконецъ, необходимо упомянуть еще объ особомъ крестьянскомъ правѣ наслѣдованія, снова вводимомъ въ послѣднее время, и благодаря которому годныя для веденія хозяйства имѣнія сохраняются въ предѣлахъ семьи.

Замѣчательныя особенности этого развитія заключаются не только въ новыхъ фактахъ экономической политики и въ разрывѣ съ основными принципами капиталистической системы, но въ томъ обстоятельствѣ, что эти и прочія реформы выполняются тѣми партіями, которыя преслѣдуютъ экономическую политику и стараются вліять на нее съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства. Уже въ программѣ «сторонниковъ реформы налогового обложенія и народнаго хозяйства» въ 1876 г. выступаютъ характерныя черты такой аграрной политики, такъ что уже тогда эта партійная группа получила названіе «аграіевъ». Ограниченное вначалѣ кругомъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, движеніе скоро распространилось и охватило и сельскихъ хозяевъ среди крестьянскаго населенія. Уже въ 1862 г. барономъ Шорлемеръ-Альстомъ былъ созданъ въ вестфальскомъ округѣ первый крестьянскій союзъ, который поставилъ своей цѣлью сохраненіе крестьянскаго землевладѣнія и поднятіе моральнаго, умственнаго и экономическаго уровня своихъ членовъ. Этотъ союзъ сталъ центромъ всякаго рода практическихъ мѣропріятій и скоро нашелъ подражаніе въ другихъ округахъ и провинціяхъ. Эти крестьянскіе союзы, не преслѣдуя никакой политической партійной дѣятельности среди своихъ членовъ, ставили себѣ опредѣленныя цѣли экономической политики; въ этомъ отношеніи особенно выдѣлился рейнскій крестьянскій союзъ (1882 г.). Другой исходный пунктъ крестьянскаго движенія лежалъ въ Баваріи, гдѣ въ началѣ 80-хъ годовъ баронъ фонъ-Тюнгенъ-Россбахъ основалъ франкскій крестьянскій союзъ и позже на всеобщемъ крестьянскомъ съѣздѣ—«Баварскій крестьянскій союзъ», къ которому примкнуло большинство возникшихъ тѣмъ временемъ крестьянскихъ организацій. Этотъ крестьянскій союзъ самымъ опредѣленнымъ образомъ стремился къ вліянію на имперское и мѣстное законодательство въ духѣ желаній сельскихъ хозяевъ и потому принималъ участіе также и въ политической агитаціи. Это привело къ учрежденіямъ конкуррирующихъ союзовъ со стороны

партіи центра, которая создала, такъ называемые, «Христіанскіе крестьянскіе союзы», преслѣдующіе тѣ же цѣли, что и «Крестьянскій союзъ». Примѣръ нашелъ себѣ подражаніе и внѣ Баваріи: въ Тюрингіи, Силезіи, въ Маркѣ, провинціи Саксоніи возникли одинаковые союзы, такъ что уже въ 1885 г. можно было перейти къ основанію политическаго крестьянскаго союза, который долженъ былъ охватить сельскихъ хозяевъ всей Германіи.

До начала 90-хъ годовъ все организаціонное движеніе, хотя и стремилось къ политическимъ успѣхамъ, работая къ созданію среди народнаго представительства большинства, благопріятнаго интересамъ сельскихъ хозяевъ, все-таки въ общемъ не уничтожило характера просвѣтительной работы среди сельскихъ хозяевъ относительно ихъ экономическихъ потребностей. Въ спорѣ по поводу торговой политики, которая должна была быть осуществлена съ 1892 г., разгорѣлись страсти, которыя вывели все движеніе далеко за предѣлы простого представительства интересовъ. Германія съ 1879 г. имѣла автономный таможенный тарифъ, такъ что, при опредѣленіи высоты своихъ пошлинъ, она могла, несмотря на существующіе торговые договоры, не содержавшіе никакихъ тарифныхъ ограниченій, въ любое время по собственному усмотрѣнію опредѣлять таможенныя ставки. Такъ, въ 1887 г. она повысила хлѣбныя пошлины до 5 марокъ со 100 килогр. Въ 1892 г. оканчивался срокъ наиболѣе важнымъ торговымъ договорамъ и возникъ вопросъ, слѣдовало-ли продолжать политику автономныхъ тарифовъ, или ввести въ заключаемые договоры тарифныя соглашенія. Сильно выросшая промышленность требовала защиты отъ повышенія пошлинъ за границей; это могло, конечно, удасться лишь въ томъ случаѣ, если бы государства были связаны другъ съ другомъ договорами. Промышленность требовала поэтому отъ правительства заключенія подобныхъ торговыхъ договоровъ. Для того, чтобы встрѣтить у другихъ государствъ готовность къ этому, нужно было самимъ предложить что-нибудь, и германское правительство рѣшилось въ 1891 г. уменьшить въ договорахъ съ Австріей

и другими государствами хлѣбныя пошлины до 3.50 марокъ. Съ этой мѣрой связана страстная агитація со стороны сельскихъ хозяевъ. Они хотѣли создать сильную организацію, независимую отъ правительства, опирающуюся исключительно на единство интересовъ всѣхъ хозяевъ. Въ спеціальномъ сельско-хозяйственномъ журналѣ появилось въ декабрѣ 1892 г. воззваніе, въ которомъ было высказано желаніе: «Для болѣе энергичнаго представительства своихъ, находящихся въ опасности, интересовъ сельскіе хозяева должны создать сознательную, прочную политическую организацію». Эта мысль была подхвачена и привела въ февралѣ 1893 года къ основанію «Союза сельскихъ хозяевъ», который поставилъ себѣ цѣлью: «Соединить всѣхъ заинтересованныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, независимо отъ ихъ политическаго партійнаго положенія и размѣровъ ихъ имущества, для достиженія подобающаго сельскому хозяйству вліянія на законодательство и создать сельскому хозяйству соотвѣтствующее его значенію представительство въ парламентскихъ учрежденіяхъ». Выступленіе «Нѣмецкаго крестьянскаго союза», предсѣдатель котораго въ то же время былъ первымъ предсѣдателемъ «Союза сельскихъ хозяевъ», создало Союзу тотчасъ же широкое основаніе, которое онъ использовалъ для упорной и безпощадной агитаціи; онъ апеллировалъ къ солидарности и готовности къ жертвамъ со стороны сельскихъ хозяевъ, которые должны были имѣть предъ глазами успѣхи, достигнутые соціалъ-демократіей среди рабочихъ, благодаря пробужденію въ нихъ общаго сознанія. Обоснованіе программы и выставленныя въ ней цѣли указываютъ также и на стремленіе не только занять извѣстное положеніе по отношенію къ текущимъ вопросамъ очередной политики, но и углубить корни программы законченнаго, государственнаго и общественнаго, міровоззрѣнія. Союзъ указываетъ на то, что интересы промышленнаго и торговаго средняго класса весьма тѣсно связаны съ интересами сельскихъ хозяевъ, такъ какъ этотъ классъ зависитъ отъ покупательной способности сельскаго населенія. Ихъ интересы идутъ сообща и въ борьбѣ противъ «эксплоатирующей власти капитализ-

ма», и благодаря тому, что въ основѣ существованія и тѣхъ и другихъ лежитъ одинъ общій экономическій принципъ: личный трудъ при помощи собственнаго капитала. Обѣ соціальныя группы въ то же время привязаны къ родинѣ своими жизненными интересами и своимъ имуществомъ и самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ самостоятельнымъ независимымъ существованіемъ государства. Ихъ хозяйственнымъ идеаломъ является поэтому также идеалъ народно-хозяйственной автономіи: «Возможное освобожденіе народно-хозяйственной жизни отъ мірового рынка съ его разрушительнымъ вліяніемъ экономической коньюнктуры и кризисомъ на внутренній рынокъ; въ то же время сельское хозяйство и индустрія должны находиться въ живомъ экономическомъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Самая большая независимость государства отъ иностраннаго производства и иностраннаго ввоза при помощи развивающагося сельскаго хозяйства, удовлетворяющаго главнымъ образомъ собственный спросъ, и индустріи, производящей преимущественно для внутренняго рынка. Организація народно-хозяйственнаго и государственнаго организма на самомъ широкомъ и самомъ прочномъ основаніи, въ слѣдующей послѣдовательности: сельское хозяйство затѣмъ покоящіяся на немъ: индустрія, интересы торговли и пароходства, а затѣмъ, такъ называемыя, либеральныя профессіи. Міровая политика, но не политика міровой торговли, на основѣ энергичной внутренней политики».

Программа «Союза сельскихъ хозяевъ» содержитъ хозяйственный идеалъ Ад. Мюллера и консервативныхъ экономическихъ политиковъ. По ихъ воззрѣніямъ, жизнеспособный въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ классъ землевладѣльцевъ является постоянно самымъ надежнымъ основаніемъ государственной и народной жизни, поддержаніе который куплено не слишкомъ дорогой цѣной, если при необходимыхъ для обезпеченія его мѣропріятіяхъ были бы замедлены успѣхи индустріи и образованіе богатства въ городахъ. При помощи особаго аграрнаго права, соотвѣтствующаго природѣ сельскаго землевладѣнія и нѣмецкимъ правовымъ воззрѣніямъ (система наслѣдственной

аренды, право наслѣдованія, особое заемное право и т. п.), и при помощи мѣръ къ поднятію доходности сельско-хозяйственнаго производства, сельскому хозяйству должно быть вновь возвращено его положеніе въ народномъ хозяйствѣ, какъ самой важной для независимости государства отрасли промышленности.

Аграрное движеніе поэтому есть больше, чѣмъ выраженіе политики интересовъ, оно представляетъ собой соціальное движеніе класса землевладѣльцевъ, которые видятъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ угрозу своимъ интересамъ. Подобно рабочему движенію, оно не ограничилось поэтому однимъ государствомъ, и не только въ Германіи, но также и въ другихъ странахъ съ сильнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, во Франціи, въ Швейцаріи, въ Австріи, въ Венгріи охватило сельское населеніе, повліяло на политическія партіи и повсюду является опредѣляющимъ факторомъ экономической политики. Единство этого движенія находитъ свое выраженіе на международныхъ аграрныхъ съѣздахъ, которые съ 1891 г. созываются международнымъ комитетомъ, во главѣ котораго стоялъ бывшій французскій министръ-президентъ, Мелинъ. Въ первое время, въ особенности, эти конгрессы служили прежде всего аграрнымъ партіямъ въ отдѣльныхъ государствахъ, между тѣмъ какъ позже на первый планъ выступило обсужденіе спеціальныхъ вопросовъ аграрной политики. Среди цѣлей, поставленныхъ движенію на этихъ конгрессахъ, особенно характерна цѣль совершенной организаціи сельско-хозяйственныхъ производителей, которые должны регулировать образованіе цѣнъ на хлѣбъ. Путемъ товариществъ они должны регулировать предложеніе, проводя съ помощью собственныхъ элеваторовъ и зернохранилищъ уравненіе ежегодныхъ колебаній урожая, будто бы недостаточно совершаемое свободной торговлей. Эта, проводимая въ интересахъ государства, профессіональная сельско-хозяйственная организація для закупки и продажи хлѣба имѣетъ цѣлью укрѣпленіе хлѣбныхъ цѣнъ на достаточной средней высотѣ. Такъ какъ съ общимъ подъемомъ культурнаго уровня населенія должны возрастать заработныя платы, составляю-

щія, однако, существенную составную часть издержекъ производства, то цѣны должны имѣть постоянную тенденцію къ повышенію.

Въ цѣляхъ и въ путяхъ, предлагаемыхъ для ихъ достиженія, ясно выступаютъ стремленія къ созданію самостоятельности сельскихъ хозяевъ, и въ попыткахъ къ осуществленію этого нѣтъ недостатка. Ассоціація сельскихъ хозяевъ не остановилась на образованіи свободныхъ промышленныхъ и хозяйственныхъ товариществъ; она явно стремится къ публично-правовому товариществу. Это стремленіе нашло себѣ выраженіе въ прусскомъ законѣ 1894 г. о сельско-хозяйственныхъ палатахъ, который создалъ представительныя организаціи сельскихъ хозяевъ, аналогичныя торговымъ палатамъ, но имѣетъ въ виду, въ качествѣ дальнѣйшей цѣли, управленіе сельско-хозяйственными дѣлами при посредствѣ самихъ сельскихъ хозяевъ. Палаты должны «принимать во вниманіе общіе интересы сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ своемъ участкѣ и для этой цѣли благопріятствовать всѣмъ учрежденіямъ, имѣющимъ цѣлью поднятіе положенія сельскаго землевладѣнія, въ особенности, корпоративной организаціи сельскихъ хозяевъ». Палаты для достиженія своихъ цѣлей обладаютъ правомъ обложенія; они должны быть со временемъ привлечены къ участію въ организаціи кредита и въ прочихъ кооперативныхъ задачахъ, и уже въ настоящее время участвуютъ въ управленіи товарными биржами и рынками. Въ Австріи эта же тенденція нашла себѣ выраженіе въ законѣ о профессіональныхъ товариществахъ сельскихъ хозяевъ (1902); законъ этотъ дѣлаетъ возможнымъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ принудительное соединеніе сельскихъ хозяевъ для представительства ихъ профессіональныхъ и для защиты ихъ экономическихъ интересовъ. Если взвѣсить силу сознанія общихъ интересовъ, находящаго себѣ выраженіе въ аграрномъ движеніи и успѣхѣ, достигнутомъ въ послѣдніе полвѣка идеей организаціи, то не покажется невѣроятнымъ, что съ теченіемъ времени должно исполняться то, о чемъ писалъ въ 1892 г. Бухенбергеръ въ своей «Аграрной политикѣ»: «То, чего теперь стремятся достигнуть путемъ

кооперативнаго преслѣдованія опредѣленныхъ отдѣльныхъ экономическихъ цѣлей, посредствомъ запутаннаго разнообразія независимо другъ отъ друга работающихъ, отдѣльныхъ товариществъ, должно и вынуждено будетъ въ концѣ концовъ выпасть на долю коллективнаго товарищества земледѣльческихъ классовъ, и корпоративная организація сельскаго населенія для управленія своихъ дѣлъ, служащихъ сельско-хозяйственнымъ нуждамъ, должна поэтому составлять конечную цѣль современнаго движенія». Во всякомъ случаѣ, это можетъ произойти лишь путемъ постепеннаго воспитанія сельскаго населенія. Нужно преодолѣть много психическихъ препятствій, недовѣріе, лѣнность, привычку къ традиціямъ. Необходимы сильныя личности съ организаторскими талантами, съ дѣловыми способностями для разрѣшенія общихъ хозяйственныхъ вопросовъ, образованіе, чувство справедливости при сглаживаніи противоположныхъ интересовъ, довѣріе руководимыхъ, принужденіе къ регламентаціи и подчиненію. Лишь сильныя побудительныя причины могутъ преодолѣть подобныя трудности и привести въ дѣйствіе организуемые элементы. Стѣсненное положеніе сельскаго хозяйства явилось поэтому важнымъ воспитательнымъ средствомъ, безъ котораго, пожалуй, не были бы достигнуты крупные успѣхи, сдѣланные сельскими хозяевами въ организаціи и благодаря организаціи.

Насколько увеличилась вѣра сельскихъ хозяевъ въ справедливость ихъ требованій, показываютъ неоднократныя и энергично поддерживаемыя въ Германіи и Швейцаріи предложенія ввести торговую монополію на хлѣбъ и мельничные продукты. Въ Германіи такое предложеніе было сдѣлано по отношенію къ иностраннымъ продуктамъ въ 1894, 1895 и 1896 г.г. графомъ Канитцомъ въ рейхстагѣ. Монополія должна находиться въ управленіи Имперіи и должна служить поддержанію прочныхъ хлѣбныхъ цѣнъ, соотвѣтствующихъ издержкамъ производства въ странѣ; при низкихъ рыночныхъ цѣнахъ должны быть совершаемы запасы, которые при болѣе высокихъ цѣнахъ дѣлали бы возможнымъ удержаніе средней цѣны. Въ Швейцаріи во-

просъ возбуждался уже въ 1878 г., а затѣмъ снова въ 1893 г. Въ 1909 г. было предложено произвести по этому вопросу народное голосованіе, которое, однако, еще не послѣдовало; швейцарскій крестьянскій секретаріатъ высказался въ благопріятномъ смыслѣ, но при условіи соблюденія опредѣленныхъ условій. Какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и во второмъ, чрезвычайно важномъ для сельскаго хозяйства, вопросѣ—объ освобожденіи отъ задолженности, много надеждъ возлагается на сильную иниціативу со стороны государства. «Союзъ сельскихъ хозяевъ» сводитъ въ этомъ пунктѣ свою программу къ тому, что освобожденіе отъ задолженности должно быть совершено посредствомъ общественныхъ корпорацій для всей земельной собственности, на которой ведется сельское хозяйство. Въ будущемъ надѣленіе землей, за исключеніемъ случаевъ перехода по наслѣдству и т. п., должно происходить лишь въ формѣ рентъ погашенія въ установленныхъ закономъ предѣлахъ надѣленія; точно такъ же лишь въ этихъ предѣлахъ допускается продажа съ торговъ за личные долги. Лишь указанныя корпораціи должны имѣть право на надѣленіе земельныхъ сельско-хозяйственныхъ участковъ. Для осуществленія передачи существующихъ въ предѣлахъ таксированной цѣнности ипотекъ, государство должно безпроцентно ссужать капиталъ для производства и принять на себя гарантированіе процентовъ по выдаваемымъ для этой цѣли долговымъ свидѣтельствамъ. Подобный документъ выдала въ 1901 г. для освобожденія отъ задолженности кредитная комиссія сельско-хозяйственныхъ палатъ.

Эти примѣры показываютъ, что въ воззрѣніяхъ сельскихъ хозяевъ по отношенію къ экономической политикѣ произошелъ полный переворотъ. Когда въ 1876 г. стали появляться экономическія и налоговыя реформы, сельскіе хозяева все еще указывали въ своихъ программахъ на то, что они стоятъ на почвѣ свободной торговли, и когда нѣсколько лѣтъ спустя они обратились въ сторонниковъ охранительныхъ пошлинъ на всѣ продукты національнаго труда, слѣдовательно, и на сельско-хозяйственные продукты, то при обсужденіи въ 1879 г. таможеннаго

тарифа, еще 30 землевладѣльцевъ голосовали все-таки противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Въ настоящее время сельскіе хозяева ждутъ отъ государства не только особеннаго, соотвѣтствующаго интересамъ сельскихъ хозяевъ правового строя, но и регулированія цѣнъ прямымъ и косвеннымъ образомъ, общественныхъ учрежденій и институтовъ для регулированія и развитія кредита и производства, непосредственной матеріальной поддержки. Не наша задача изслѣдовать съ точки зрѣнія другихъ, общихъ интересовъ, что справедливо и что несправедливо въ аграрно-политическихъ требованіяхъ. Мы должны были лишь указать этотъ фактъ, выяснить его и разсмотрѣть его соціально-политическое содержаніе. Предъ нами движеніе, по своей интенсивности и по своему объему не отстающее отъ рабочаго движенія, но превосходящее его по своему фактическому вліянію. Такое явленіе нельзя сводить къ однимъ только внѣшнимъ вліяніямъ или къ преходящему дѣйствію отдѣльныхъ лицъ. Какъ въ основѣ рабочаго движенія, такъ и въ основѣ этого движенія лежитъ дѣйствительная потребность, матеріальная необходимость. Лишь такимъ образомъ можно объяснить общее распространеніе этого движенія и его преобладаніе въ общественной жизни. Дѣйствительно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это движеніе вынесло на свѣтъ истинное значеніе и соціальную цѣнность фактовъ, которые упускала изъ виду или недостаточно оцѣнивала либеральная экономическая политика. Сельское хозяйство не можетъ совершенно, безъ остатка, быть поглощено капитализмомъ и, если и были бы совершены попытки къ этому, то это угрожало бы опасностью такимъ частямъ общества, которыя не могутъ быть, подобно прежнему классу ремесленниковъ, замѣнены новымъ среднимъ классомъ. Производительные интересы народнаго хозяйства получаютъ удовлетворительное покровительство въ сельскомъ хозяйствѣ посредствомъ личнаго хозяйства собственника въ предѣлахъ поддерживающей ихъ и благопріятствующей имъ кооперативной общественной организаціи; возможность децентрализаціи населенія поддерживается распредѣленіемъ земельной собственности въ крестьянскомъ населеніи, со-

храненіе возможно большаго количества земли у имущаго и хозяйствующаго населенія придаетъ соціальному организму болѣе сильный, болѣе способный къ сопротивленію, остовъ и элементы застоя въ психологическомъ смыслѣ, имѣющіе въ критическія времена огромное значеніе для развитія націи и государства. Нельзя также упускать изъ виду и то, что территоріальное распредѣленіе населенія въ континентальныхъ государствахъ фактически все еще таково, что половина и болѣе живетъ въ небольшихъ мѣстахъ, которыя состоятъ въ непосредственномъ обмѣнѣ съ прилегающимъ къ нимъ сельскимъ хозяйствомъ; что поэтому въ кругъ интересовъ сельскаго хозяйства входитъ, дѣйствительно, большая часть тѣхъ, которые въ промышленныхъ переписяхъ могутъ причисляться къ области промышленной дѣятельности, торговли или учрежденіямъ обмѣна. Аграрное движеніе научило насъ обращать вниманіе на эти факты и на особыя условія производства въ сельскомъ хозяйствѣ и его развитія, и въ настоящее время не можетъ возникнуть вопросъ, имѣются ли въ данномъ случаѣ задачи для новаго соціальнаго строя, для особеннаго урегулированія обмѣна, для охраняющихъ и поддерживающихъ государственныхъ учрежденій; вопросъ заключается лишь въ томъ, отвѣчаютъ ли своей цѣли отдѣльныя конкретныя мѣропріятія, способствуютъ ли они равитію общества, или они служатъ спеціальнымъ интересамъ безъ общей пользы; не приводитъ ли направленіе или мѣра требуемаго покровительства ко вреду бо́льшихъ интересовъ—всего общества. Изслѣдованіе этого вопроса съ этой точки зрѣнія и должно внести нѣкоторыя поправки въ аграрныя программы, представить нѣкоторыя «широковѣщательныя» политическія требованія, какъ созданія фантазіи, но все же долговременное значеніе остается за тѣмъ фактомъ, что аграрное движеніе, въ противовѣсъ носящимъ городской, промышленный характеръ экономическимъ идеаламъ капитализма и соціализма и въ противовѣсъ ограниченію соціально-политическихъ теченій рабочимъ вопросомъ, придало значеніе потребностямъ сельскаго хозяйства и сельскихъ хозяевъ, какъ самостоятельному и необходимому звену въ общественной организаціи.

6. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Вѣтвь за вѣтвью распадалось дерево либеральной экономической политики, и все новыя общественныя группы объединялись подъ лозунгомъ борьбы «противъ капитализма». Если судить только по дѣйствіямъ партій, преслѣдующихъ экономическую политику, то слѣдовало бы придти къ заключенію, что капитализмъ представляетъ собой быстро превзойденную хозяйственную систему. Этому, однако, противорѣчитъ наше наблюденіе надъ экономической жизнью; здѣсь мы видимъ именно въ послѣднія десятилѣтія и распространеніе капиталистическаго строя, и усиливающееся выдѣленіе капиталистическаго мышленія. Первый фактъ вызванъ увеличеніемъ международныхъ хозяйственныхъ отношеній, второй — обобщающимъ подчиненіемъ всякой дѣятельности экономической точкѣ зрѣнія, завершеніемъ внутренной раціонализаціи хозяйства.

Мі́ровое хозя́йство начинается тамъ, гдѣ товары производятся, благодаря совмѣстной дѣятельности различныхъ народныхъ хозяйствъ и становятся предметомъ дѣйствій, простирающихся за предѣлы одного или нѣсколькихъ народныхъ хозяйствъ, или тамъ, гдѣ товары становятся объектомъ международныхъ дѣйствій, такъ что образованіе цѣнъ зависитъ отъ всего предложенія и общаго спроса со стороны многихъ народныхъ хозяйствъ, какъ, наприм., это имѣетъ мѣсто по отношенію къ хлѣбу, пше-

ницѣ и другимъ сырымъ матеріаламъ. Въ этихъ случаяхъ мы постоянно имѣемъ въ виду совмѣстную дѣятельность заокеанскихъ и европейскихъ странъ. Только при установленіи отношеній съ заокеанскими странами европейское хозяйство становится міровымъ хозяйствомъ. Первые зачатки мірового хозяйства относятся поэтому еще къ эпохѣ открытій, но его развитіе совершается лишь въ настоящее время, благодаря развитію путей сообщенія и увеличившимся гарантіямъ международной правовой защиты. Характерной чертой мірового хозяйства является совмѣстная дѣятельность раздѣленныхъ государственными границами, т.-е. самостоятельныхъ народныхъ хозяйствъ для удовлетворенія спроса. Ихъ соединеніе совершается въ настоящее время въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ происходитъ обмѣнъ внутри государства, тѣмъ не менѣе при этомъ приходится преодолѣвать значительное противодѣйствіе различныхъ силъ. Международный обмѣнъ испытываетъ на себѣ вліяніе иностранныхъ государствъ, иностраннаго права, иностранныхъ народно-хозяйственныхъ единицъ, и потому въ теченіе долгаго времени вызывалъ къ себѣ недовѣріе. Опасности, несомнѣнно существовавшія въ прежніе вѣка, въ настоящее время въ значительной степени утратили свою силу. Быстрота и относительная дешевизна средствъ сообщенія облегчили личныя отношенія и возможность оріентироваться въ положеніи вещей, и правовая гарантія заключенныхъ договоровъ несопряжена въ настоящее время ни съ какими затрудненіями.

Наиболѣе яснымъ выраженіемъ этого мірового хозяйства являются учрежденія, которыя дѣлаютъ возможной совмѣстную дѣятельность различныхъ народныхъ хозяйствъ, регулируютъ ее и дѣлаютъ полезной экономическимъ интересамъ производителей. Эти учрежденія имѣютъ мѣсто въ области транспорта, торговли товарами и цѣнными бумагами и въ области денежныхъ разсчетовъ. Основаніемъ служатъ, конечно, прежде всего учрежденія для транспорта. Въ 1870 г. желѣзнодорожная сѣть земного шара составляла всего лишь 200 тысячъ, на настоящее время достигаетъ 1 милл. километровъ. Развитіе пароходства слѣдуетъ измѣрять ро-

стомъ тоннажа судовъ и увеличеніемъ количества пароходовъ по сравненію съ парусными судами. Въ 1875 г. грузоспособность торговаго флота всего земного шара исчислялась въ 18,7 милл. тоннъ, изъ которыхъ 15 милл. приходилось на парусныя суда и только 3,7 милл.—на пароходы. Въ 1905—06 г.г. общая грузо-способность равнялась 36 милл. тоннъ, изъ которыхъ на парусныя суда приходилось не болѣе 6 милл. тоннъ и 30 милл. на пароходы. Принимая во вниманіе, что пароходы въ равное время совершаютъ въ три раза больше рейсовъ, чѣмъ парусныя суда, окажется, что за указанный періодъ времени ростъ торговаго флота выражается отношеніемъ 26 : 96. Къ этому присоединяется еще и то, что, благодаря сильному увеличенію постоянныхъ рейсовъ, всѣ заокеанскія области были приведены въ регулярное, въ каждую данную минуту обезпеченное соединеніе съ Европой. Первый кабель былъ проложенъ въ 1866 г., въ настоящее время 1400 кабелей соединяютъ различные уголки земного шара. Эта огромная развѣтвленная система средствъ сообщеній является плодомъ международной дѣятельности уже вслѣдствіе самаго способа своего возникновенія. Огромные капиталы, которые были необходимы для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и кабельныхъ линій—для однихъ только желѣзныхъ дорогъ потребовалось около 200 милліардовъ марокъ — были добыты въ значительной степени въ самыхъ различныхъ народныхъ хозяйствахъ. Наряду съ государственными займами удовлетвореніе этихъ потребностей составляло главный интересъ международнаго капитала. Суэцкій каналъ, Сѣверо-американскія желѣзныя дороги, пересѣкающія весь материкъ, Южно-американскія, азіатскія желѣзно-дорожныя линіи были созданы европейскимъ капиталомъ.

Въ міровой торговлѣ нужно различать торговлю товарами и торговлю цѣнными бумагами. Предметомъ международной торговли товарами являются по преимуществу предметы потребленія и сырые матеріалы: пшеница, мука, кофе, чай, яйца, масло, мясо, сало, табакъ, хлопокъ, шерсть, шелкъ, уголь, желѣзо, керосинъ, значительную роль играютъ такъ же нѣкоторые текстильные и желѣзные продукты. По

отношенію къ этимъ товарамъ значеніе международной торговли проявляется прежде всего въ томъ, что она оказываетъ вліяніе на образованіе цѣнъ также и на мѣстномъ рынкѣ. Для этого нѣтъ необходимости въ центральныхъ организаціяхъ; начала международной торговли закладываются обыкновенно въ мѣновыхъ сношеніяхъ отдѣльныхъ торговцевъ съ иностранными рынками или между отдѣльными иностранными торговцами. Это имѣетъ мѣсто, напр., въ области торговли яйцами, въ которой уже въ 1907 г. оборотъ ввоза и вывоза въ Австро-Венгріи составлялъ 172 милл. кронъ. Слѣдующей ступенью развитія является существованіе рынковъ въ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствахъ, которые имѣютъ для нихъ болѣе или менѣе центральное значеніе, но стоятъ въ связи съ подобными рынками другихъ народныхъ хозяйствъ, причемъ отдѣльные изъ тѣхъ рынковъ пріобрѣтаютъ выдающееся значеніе. Такъ, напр., это имѣетъ мѣсто для сахара, хлѣба, спирта и другихъ отваровъ. Наконецъ, случается, что отдѣльные рынки непосредственно пріобрѣтаютъ международный характеръ, т.-е. явленія предложеній и спроса во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ имѣющихъ наиболѣе важное значеніе народныхъ хозяйствъ совпадаютъ и оказываютъ рѣшающее значеніе на цѣны. Такимъ рынкомъ служитъ, напр., Лондонъ—для драгоцѣнныхъ металловъ, мѣди, индиго, чая и т. д. Бременъ—для табака, Гавръ, Гамбургъ—для кофе. Къ товарнымъ рынкамъ присоединяются рынки цѣнныхъ бумагъ, денежныя биржи, которыя во всѣхъ государствахъ являются центрами крупнаго обращенія капиталовъ, которое выражается пріемомъ и отдачей цѣнныхъ бумагъ, векселей, государственныхъ займовъ, облигацій, закладныхъ листовъ, желѣзно-дорожныхъ, банковскихъ и промышленныхъ акцій. Это обращеніе капиталовъ по своей природѣ имѣетъ международный характеръ, т.-е. на каждой биржѣ есть возможность освѣдомиться о доходности и безопасности помѣщенія капитала въ цѣнныя бумаги другихъ государствъ. Благодаря этому обороту, постоянно совершающемуся отъ одной биржи къ другой, изъ одной страны въ другую, переносятся тенденціи и соображенія объ экономи-

ческомъ положеніи, такъ что, благодаря этому, можно оказывать самое сильное вліяніе на коммерческую жизнь другихъ государствъ. Для осуществленія торговли цѣнными бумагами, т.-е. для посредничества въ покупкѣ и продажѣ бумагъ, служатъ банки, которымъ поручаютъ въ значительной степени также и посредничество въ платежахъ, возникающихъ изъ торговли товарами и цѣнными бумагами, изъ транспорта и переѣздовъ иностранцевъ. Благодаря соединенію съ центрально-дѣловой жизнью въ другихъ народныхъ хозяйствахъ, благодаря создающимся при этомъ личнымъ отношеніямъ и опыту, банки являются въ то же время международными посредниками въ области кредита и для полученія капиталовъ для предпріятій въ другихъ народныхъ хозяйствахъ. Они облегчаютъ, благодаря этому, помѣщеніе капитала тѣмъ народнымъ хозяйствамъ, которыя могутъ отдавать капиталъ, и доставляютъ капиталъ тѣмъ, которыя въ немъ нуждаются.

Величина міровой торговли товарами можетъ быть до извѣстной степени точно установлена. Общій оборотъ достигъ въ 1907 г. 135.000 милл. марокъ. Международные обороты цѣнныхъ бумагъ не могутъ быть установлены. Но оцѣнка капиталовъ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ, помѣщенныхъ въ различные періоды времени за границей, возможна и была сдѣлана для Великобританіи, Франціи и Германіи. Эта оцѣнка заставляетъ предполагать, что помѣщеніе капиталовъ за границей исчисляется для Великобританіи въ размѣрѣ 60.000 милл. марокъ, для Франціи въ 24.000 милл., для Германіи въ 16.000 милл. марокъ. Это огромное международное движеніе капиталовъ является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ экономическаго развитія въ послѣднюю половину столѣтія. Оно, несомнѣнно, указываетъ на увеличеніе капиталистическихъ организацій въ различныхъ народныхъ хозяйствахъ.

Увеличивающееся подчиненіе хозяйства точкѣ зрѣнія экономической цѣлесообразности, слѣдовательно, *усиленіе капиталистическаго духа внутри хозяйствъ* можно усмотрѣть также и во внѣшнихъ симптомахъ. Однимъ изъ фактовъ, указывающихъ на это,

является увеличеніе выпуска цѣнныхъ бумагъ для помѣщенія капиталовъ. Такъ, по вычисленіямъ Неймарка, было выпущено въ 1871—1882 г.г. на 88.000 милл. руб., 1883—84, на 87.000 милл., 1895—1906 на 177.000 милл., т.-е. въ послѣднее десятилѣтіе ровно вдвое болѣе, чѣмъ въ предыдущія. Въ одной Германіи было выпущено въ среднемъ ежегодно въ періодъ 1896—1900 г.г. на 1050 милл. марокъ, изъ нихъ въ 1897 г. на 1312 милл., максимумъ въ 1906 г. на 2647 милл. марокъ. Общая цѣнность всѣхъ обращенныхъ на европейскихъ биржахъ цѣнныхъ бумагъ, исчислялась въ 1900 г. въ 450 милліардовъ франковъ. Сдѣланныя различными лицами исчисленія указываютъ на то, что все бо́льшая часть народнаго богатства представлена въ цѣнныхъ бумагахъ. Лифманнъ оцѣниваетъ общую сумму цѣнныхъ бумагъ, которыми владѣетъ Германія, въ 45—50 милліардовъ, и считаетъ ее одной пятой народнаго богатства. Цѣнныя бумаги, которыми владѣетъ Франція, исчисляются въ 80 милліардовъ при 250 милл. народнаго богатства, точно такъ же и въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ въ 1904 году изъ 430 милліардовъ марокъ народнаго богатства, третью часть составляли цѣнныя бумаги. Въ Англіи, по мнѣнію Шмоллера, 40% народнаго богатства заключается въ цѣнныхъ бумагахъ. Что же означаетъ это увеличеніе богатствъ въ формѣ цѣнныхъ бумагъ? Основаніе новыхъ акціонерныхъ обществъ, земельную и промышленную задолженность, займы государства и мѣстныхъ самоуправленій, въ общей сложности—цѣнность капиталовъ, доходъ отъ которыхъ долженъ быть установленъ путемъ точнаго подсчета въ элементахъ издержекъ. Увеличеніе ипотечной задолженности, превышающей мѣру народнаго богатства, также указываетъ на болѣе интенсивное капиталистическое хозяйство. Такъ, задолженность всѣхъ имуществъ въ Австріи въ 1887 г. составляла 3675 милл. кронъ, въ 1905 г. 12.230 милл. Въ Германіи задолженность городскихъ имуществъ въ 1906 г. считалась въ 48 милліардахъ, а сельскохозяйственныхъ—въ 12 милліардахъ. Огромное увеличеніе обнаруживаютъ и государственные расходы. Они возросли въ настоящее время

въ Германской имперіи и въ Союзныхъ государствахъ Германіи до 8000 милл. марокъ въ годъ. Это сильное увеличеніе потребностей общественныхъ организмовъ, совершившееся лишь въ послѣднія десятилѣтія, означаетъ ростъ доходовъ отъ налоговъ, который, въ свою очередь, можетъ являться лишь результатомъ увеличивающагося примѣненія въ денежномъ хозяйствѣ услугъ и товаровъ, и который заставляетъ частныя хозяйства слѣдить за достиженіемъ увеличенія денежнаго дохода отъ ихъ предпріятій. Повсюду мы видимъ, поэтому, старанія въ самомъ точномъ разсчетѣ издержекъ и въ приспособленіи хозяйства къ потребностямъ рынка. Точная бухгалтерія становится всеобщей необходимостью и распространена въ настоящее время даже среди мелкихъ сельскихъ хозяевъ. Въ этомъ направленіи дѣйствуютъ теперь также и товарищества, которыя устраняютъ частно-хозяйственные промежуточные органы, но которые могутъ сохранить товарищество, лишь благодаря точному разсчету и приспособленію къ рынку. Въ этомъ же направленіи они вліяютъ и на своихъ членовъ, примѣняя и по отношенію къ нимъ это приспособленіе къ рынку въ общихъ закупкахъ и продажахъ, и будучи вынуждены контролировать условія кредита. Спеціализація производства прогрессируетъ, ибо она представляетъ экономическія преимущества, но дѣлаетъ производство зависимымъ отъ рынка. Крупныя организаціи развиваются не только въ промышленныхъ предпріятіяхъ, но также и при сохраненіи мелкаго предпріятія въ производствѣ, по крайней мѣрѣ въ цѣляхъ капитализаціи. Такъ образуются не только крупныя торговыя предпріятія для употребленія продуктовъ, производимыхъ въ домашней промышленности, но и сельскіе хозяева создаютъ центральныя организаціи. Каждая такая крупная организація, однако, должна вестись по строго установленнымъ принципамъ частнаго хозяйства. Даже въ образованіи заработныхъ платъ отступаютъ на второй планъ традиціонные моменты, на которые оказываютъ вліяніе мѣстныя и личныя отношенія; рабочіе, подобно предпринимателямъ, стараются использовать, благодаря своимъ органи-

заціямъ, конъюнктуры рынка и заключаютъ съ предпринимателями дѣловые договоры на основаніи долгихъ переговоровъ, обнимающихъ всѣ стороны условій труда. Однако, обмѣнъ не сталъ благодаря этому меньше, наоборотъ, онъ увеличился; не измѣнились и хозяйственные принципы, на которыхъ онъ построенъ: вознагражденіе по степени производительности, виды на выгоду при полезной дѣятельности, служащей человѣческимъ потребностямъ, опредѣленіе соціальной цѣнности услугъ и благъ по мѣновой цѣнности, т.-е. разсчитанные трудъ и вознагражденіе при сохраненіи собственной выгоды во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ же мало уничтоженъ и принципъ экономической свободы. Свобода потребленія, свобода въ выборѣ профессій, въ выборѣ направленій производства, методовъ производства, времени и мѣста производства, опедѣленіе цѣнъ, свобода поселенія, передвиженія—все это признается и въ настоящее время; и при этомъ принимается во вниманіе, то основная точка зрѣнія, что каждый въ отдѣльности отвѣтственъ въ принципѣ за свое хозяйство, что забота о своемъ существованіи, объ основаніи собственной семьи, о воспитаніи потомства, о старости и уменьшающейся трудоспособности лежитъ на каждомъ въ отдѣльности и не можетъ быть возложена на другихъ, или на все общество.

Какое значеніе имѣетъ все это для характера современнаго хозяйственнаго строя? Лишь то, что все еще живетъ основная идея либеральной экономической политики, идея индивидуальной хозяйственной отвѣтственности. Въ этомъ заключается субъективная сторона и этическое значеніе подчиненія индивидуальной хозяйственной дѣятельности принципу экономической цѣлесообразности. Наше народное хозяйство все еще покоится на томъ принципѣ, что на каждомъ въ отдѣльности лежитъ обязанность самосохраненія въ хозяйственномъ оборотѣ: «sehe Jeder wie er's treibe, sehe Jeder wo er bleibe, und wer steht, dass er nicht falle». Если и произошли измѣненія, то они во всякомъ случаѣ не затронули этихъ корней либеральной системы хозяйства. Не трудно и отгадать причину этого. Система сво-

боды обмѣна привела къ такому развитію производительныхъ силъ народнаго хозяйства, личной энергіи, какъ и матеріальныхъ орудій хозяйства, которое оставляетъ далеко позади себя все, созданное въ прежнія эпохи. До 19 столѣтія пути сообщенія не улучшались со времени римлянъ, во многихъ отношеніяхъ даже ухудшились. Наше время, однако, не только наверстало въ этомъ отношеніи прошлыя эпохи, но и прочно установило во всѣхъ отношеніяхъ соединеніе хозяйствъ въ пространствѣ благодаря хорошимъ дорогамъ; кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій мы создали сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая въ десять разъ больше, чѣмъ построенная въ продолженіе столѣтій знаменитая римская система дорогъ. Выше было указано на то, какой переворотъ испытало морское сообщеніе. И здѣсь главные успѣхи были достигнуты лишь въ послѣднюю половину столѣтія. Въ настоящее время эта система путей сообщенія и служитъ основаніемъ для обмѣна благъ, который даетъ намъ возможность извлекать пользу изъ производства на всемъ земномъ шарѣ. Самое простое домашнее хозяйство потребляетъ въ одеждѣ и пищѣ такіе продукты отдаленныхъ частей свѣта, безъ которыхъ уже и немыслимъ обычный уровень жизни европейскихъ народовъ. При этомъ, мѣстное производство въ сельскомъ хозяйствѣ увеличилось за столѣтіе вдвое и болѣе, горно-промышленное производство возросло въ сто разъ и болѣе, и въ индустріи вообще невозможно какое либо сравненіе въ цифрахъ; благодаря машинной техникѣ и болѣе совершенной организаціи, чрезвычайно увеличилось не только производство благъ, производимыхъ и сто лѣтъ назадъ, но разнообразіе и роды продуктовъ такъ сильно измѣнились, что всякое сравненін невозможно. Такъ желѣзныя издѣлія, машины, многія орудія и инструменты и мног. друг., не только производятся въ количествѣ, значительно большемъ по сравненію съ прошлымъ временемъ. но представляютъ собой нѣчто совершенно новое, обогащающее жизнь. Мы не можемъ уже обойтись безъ этого огромнаго прогресса, который 19 вѣкъ совершилъ въ области подчиненія матеріи природы. Только

этотъ прогрессъ и сдѣлалъ возможнымъ тотъ фактъ, что населеніе Европы возросло съ 187 до 393 милліоновъ, и что въ то же время могъ подняться уровень жизни этихъ милліоновъ. Ибо, какъ ни много еще нужно улучшать обезпеченіе людей различными благами, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что условія жизни, даже въ наиболѣе широкихъ слояхъ населенія, улучшились по сравненію съ первыми временами либеральной системы. Нельзя отрицать успѣха этой системы въ томъ отношеніи, что она скорѣе всего сдѣлала возможной удовлетвореніе массоваго спроса и вызвала накопленіе богатства, которое не только служитъ удовлетворенію потребленія немногихъ, но повышаетъ жизненный уровень всего населенія.

Но система свободы обмѣна создала всѣ эти явленія, безъ которыхъ мы не можемъ болѣе обойтись, не только посредствомъ расширенія, улучшенія и интенсивности производства, посредствомъ устраненія личной связанности и зависимости и посредствомъ строгаго проведенія принципа формальной свободы и равенства всѣхъ въ обмѣнѣ, она значительно, по сравненію съ прежнимъ временемъ, расширила арену для развитія личныхъ особенностей и способностей и для самостоятельнаго устройства жизни отдѣльныхъ личностей и ихъ семей. Нельзя ограничиваться лишь разсмотрѣніемъ создаваемыхъ имущественнымъ неравенствомъ препятствій къ развитію жизни отдѣльныхъ лицъ; необходимо также сравнить прошлое состояніе съ настоящимъ. Совершая это сравненіе, мы должны сознаться, что ни одна эпоха въ прошломъ, исключая принципальное признаніе человѣческаго достоинства христіанствомъ, не сдѣлала для признанія цѣнности чистой человѣчности столько, сколько сдѣлалъ либерализмъ. Онъ требовалъ индивидуальной свободы, какъ защиты человѣческаго достоинства противъ ограничительныхъ учрежденій, противъ силы государства, а также и противъ силы массъ; либерализмъ первый, наряду съ церковью, провозгласилъ неотчуждаемыя права человѣка; онъ постоянно подчеркивалъ, что между индивидуумами существуютъ отношенія, стоящія выше государства: религія, нрав-

ственность, наука, искусство, и требовалъ ихъ защиты для того, чтобы законы государства не вторгались въ эту область свободы. Въ этомъ сила и заслуга либерализма. Даже такой человѣкъ, какъ Шталь, не можетъ не признать этого: «Онъ (либерализмъ) очистилъ положеніе вещей отъ пережитковъ прошлаго, сдѣлалъ гуманными учрежденія и нравы. Ему обязаны уничтоженіемъ пытокъ, жестокихъ наказаній и крѣпостничества, религіозной терпимостью, повышеніемъ чувства своей личности въ среднихъ и даже низшихъ классахъ, нестѣсняемымъ развитіемъ всѣхъ духовныхъ силъ, полнымъ уваженіемъ, которое научаетъ признавать цѣнность человѣческой личности, независимо отъ происхожденія и состоянія. Не слѣдуетъ забывать объ этомъ историческомъ міровомъ призваніи и объ этой заслугѣ либерализма». Эту освободительную и творческую силу либерализмъ проявилъ въ области не только политическаго, но и хозяйственнаго строя. Стоитъ только прочесть описанія состоянія и психики крстьянскаго населенія и рабочихъ въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ въ 18 вѣкѣ и даже еще въ началѣ 19 вѣка. Лабрюйеръ описываетъ французскихъ крестьянъ въ концѣ 17 столѣтія, какъ какихъ-то человѣкоподобныхъ звѣрей. Сто лѣтъ спустя Юнгъ пишетъ, что англичанинъ не могъ бы представить себѣ внѣшній видъ большинства французскихъ крестьянъ. Помѣщики разсматриваютъ ихъ, какъ не принадлежащихъ къ такому же роду живыхъ существъ, они считаютъ ихъ своего рода домашними животными. Такое же отличіе наступило и для городскихъ жителей и фабричныхъ рабочихъ. По мнѣнію Маршалля, положеніе англійскихъ рабочихъ въ началѣ 19 столѣтія было наиболѣе жалкимъ, какое они когда-либо испытывали, по крайней мѣрѣ, съ того времени, относительно котораго имѣются достовѣрныя извѣстія о соціальныхъ условіяхъ Англіи. Шмоллеръ полагаетъ, что средне-сѣверно и западно-европейскіе рабочіе въ деревнѣ въ 1750—1800 г.г. все еще имѣютъ характеръ крѣпостныхъ, которыхъ всячески третируютъ: работая на дому и прозябая, питая какое-то отвращеніе ко всему новому въ техникѣ и въ хозяйствѣ, безъ всякаго школьнаго обученія, они плохо питаются и

одѣваются, безъ всякаго самосознанія, побуждаемые къ труду лишь нищетой и нуждой. Сравните эти униженные классы съ крестьянскимъ рабочимъ классомъ, какимъ онъ развился при господствѣ либеральнаго экономическаго строя. Въ настоящее время крестьянское населеніе считается источникомъ жизни націи. Вмѣстѣ со своими бывшими господами крестьянинъ засѣдаетъ въ общихъ учрежденіяхъ, на правахъ свободнаго собственника ведетъ свое хозяйство съ возрастающей интеллигентностью и увеличивающимся успѣхомъ, мѣсто подчиненности заступила сознательная, хорошо организованная система представительства интересовъ, поднявшая крестьянъ на степень значительной силы въ государствѣ. И развѣ не то же самое наблюдается среди промышленныхъ рабочихъ? Лишь благодаря свободѣ и правовому равенству, созданнымъ либерализмомъ, рабочіе получили возможность вызвать къ жизни тѣ организаціи профессіональныхъ союзовъ и товариществъ, которыя проложили имъ путь къ улучшенію ихъ положенія. Отвѣтственность, оставшаяся послѣ паденія стараго строя ихъ единственнымъ соціальнымъ долгомъ, пробудила ихъ энергію и обратила ихъ мысли къ средствамъ самозащиты, но и къ дорогѣ къ власти. При всемъ шумѣ, буффонадѣ, революціонныхъ мѣрахъ и насиліяхъ, которыя обнаруживаетъ въ 19 вѣкѣ рабочее движеніе, нельзя упускать изъ виду ту неустанную работу, которую рабочіе выполнили для поднятія уровня своего образованія, въ своемъ воспитаніи, въ управленіи общими учрежденіями, для участія въ политической дѣятельности и въ общественномъ управленіи, и которую они могли выполнить лишь благодаря тому, что свобода и собственная отвѣтственность предоставили ихъ самимъ себѣ.

Какъ экономическія силы, вызванныя къ жизни либеральной системой,—капиталистическая крупная организація добыванія благъ и обмѣна, — такъ и личныя цѣнности и энергія, которымъ эта система дала выходъ, образуютъ поэтому составную часть общественной жизни, безъ которой мы уже не можемъ обойтись. Поэтому и въ настоящее время и въ будущемъ уже не можетъ идти

рѣчь о томъ, чтобы отказаться отъ силы плодотворной иниціативы и экономіи хозяйственной организаціи, которая становится возможной благодаря экономической свободѣ; вопросъ можетъ стоять лишь такимъ образомъ: означаетъ ли признаніе основной идеи либеральной системы необходимо пріемлемость и конечныхъ выводовъ ея неограниченнаго примѣненія, тождественно ли сохраненіе принципа хозяйственной свободы съ признаніемъ общественной системы индивидуализма? Эта система признаетъ въ области хозяйства лишь одну общественность,—общественность рынка. «Народно-хозяйственной общинѣ въ принципѣ чужда всякая солидарность. Она никому не можетъ представить большаго права, чѣмъ право свободнаго доступа на рынокъ; это—единственная общественная область, которой она обладаетъ. Въ рынкѣ отдѣльная собственность—и все». Такъ охарактеризовалъ сущность народно-хозяйственной организаціи защитникъ экономическаго либерализма въ Германіи, Джонъ-Принсъ Смитъ (1860 г.). Эта конструкція идеальнаго народнаго хозяйства, состоящаго изъ однихъ только индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый стремится только къ своей выгодѣ, была полезна для теоретическихъ разсужденій о возможныхъ и необходимыхъ слѣдствіяхъ принципа экономической свободы, но, какъ аксіома, для опредѣленія линій направленія экономической политики, она была ошибочна. До тѣхъ поръ, пока, стоя на этой точкѣ зрѣнія, боролись противъ устарѣвшихъ учрежденій недостаточно организованнаго народнаго хозяйства и личной зависимости, для которой уже не было никакого внутренняго оправданія, односторонность этого принципа была ясна лишь немногимъ. Лишь по мѣрѣ осуществленія этого принципа на практикѣ признали, что, какъ абсолютный принципъ, онъ не удовлетворяетъ ни фактамъ, ни потребностямъ народнаго хозяйства. Изъ признанія этого постепенно выросла, какъ мы видимъ, оппозиція экономическому либерализму, которая стала настолько сильной, что либерализмъ въ настоящее время не обладаетъ никакой силой, которая могла бы способствовать созданію какой-либо партіи.

Идеи, опредѣляющія эту оппозицію и руководящія соціально-экономической дѣятельностью партій, въ настоящее время могутъ быть сведены къ слѣдующему:

Система индивидуализма упускаетъ изъ виду тотъ фактъ, что ея послѣдовательное проведеніе противорѣчитъ природѣ человѣка и должно было бы привести къ упраздненію общежитій, въ которыхъ до сихъ поръ развивалась вся жизнь человѣчества. Люди никогда не жили, какъ простые индивидуумы, но всегда—въ общественныхъ союзахъ, возникающихъ по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Инстинкты и совмѣстная жизнь развиваютъ чувства общественности и ведутъ къ соціальнымъ союзамъ въ формѣ семьи, въ формѣ союзовъ, основанныхъ на общности крови, и въ формѣ союзовъ племеннаго и расового происхожденія; чувство самосохраненія связываетъ людей въ борьбѣ съ природой противъ внѣшнихъ враговъ, противъ разрушительныхъ элементовъ внутри политическихъ общежитій; религіозныя и національныя переживанія, общность образованія и нравовъ, внѣшнихъ условій жизни и жизненныхъ цѣлей при равенствѣ профессій, соціальной противоположности, классовой принадлежности,—все это вызываетъ единицы, создающія самостоятельныя организаціи; государство и подчиненныя ему общественныя корпораціи являются живыми членами общественнаго цѣлаго съ существенными функціями по отношенію къ отдѣльнымъ частямъ; они вызываютъ во всѣхъ, принадлежащихъ къ этому цѣлому, одинаковое сознаніе, которое, будучи возвышено единствомъ исторіи, традиціи, хозяйства, права, пробуждаетъ въ отдѣльныхъ личностяхъ чувства солидарности. Естественное и созданное исторіей человѣчества состояніе отдѣльныхъ личностей, не является поэтому состояніемъ изолированности, но представляетъ собой связь отдѣльной личности съ многообразно расчлененной и упорядоченной жизнью человѣческихъ группъ, въ средѣ которыхъ личность рождается. Принципъ этой связи есть принципъ взаимопомощи, солидарности. Можно считать эмпирическимъ положеніемъ, доказаннымъ историческими фактами, то, что

чувство солидарности, общности, связывающее для взаимной защиты и взаимопомощи, и первоначально ограничивающееся лишь небольшими кровными союзами, расширяется все больше и больше и въ настоящее время сдѣлалось внутри государственнаго союза дѣйствующимъ факторомъ, но проявляется и внѣ его въ уваженіи къ людямъ, какъ таковымъ.

Другой источникъ протеста противъ абсолютнаго принципа индивидуальной экономической свободы заключается, во-первыхъ, въ томъ, что этотъ принципъ содержитъ въ себѣ ту опасность, что далеко на всегда существуетъ тождество хозяйственныхъ интересовъ отдѣльной личности и интересовъ общества и поэтому сохраненіе перваго вызываетъ вредъ, или пренебреженіе послѣдними; во-вторыхъ, въ томъ, что, благодаря неограниченному освобожденію экономическихъ интересовъ, эти интересы могутъ получить преобладаніе надъ всѣми другими, имущественныя цѣнности надъ личными интересами, интересы неимущихъ при принебреженіи ихъ человѣческимъ достоинствомъ могутъ быть подчинены матеріальной выгодѣ другихъ классовъ. Такъ, Фридрихъ Листъ построилъ свою систему протекціонизма на томъ фактѣ, что развитіе индустріи въ первое время стоитъ извѣстныхъ жертвъ, которыхъ требуетъ въ періодъ воспитанія отмѣна свободной торговли. Бездоходныя желѣзныя дороги не сооружаются частными капиталами, между тѣмъ, какъ народному хозяйству, въ цѣломъ, они могутъ приносить большую пользу. Вообще, съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ, не принимаются во вниманіе всѣ помѣщенія капиталовъ, которые лишь непосредственно, или лишь послѣ долгаго времени даютъ извѣстный доходъ. Хищническая система въ сельскомъ хозяйствѣ, въ горномъ дѣлѣ, можетъ доставить собственнику увеличеніе имущества, но вредитъ постоянной доходности производства. Система индивидуальной экономической свободы создала благопріятную почву для ростовщичества, подчинила рабочую силу образованію цѣнъ при такихъ условіяхъ и создала такія условія труда, при которыхъ исчезло всякое уваженіе къ личности рабочаго,

неразрывно связанной съ рабочей силой. Свобода хозяйственныхъ дѣйствій и неограниченное право собственности должны быть поэтому поставлены въ такія границы, при которыхъ принимались бы во вниманіе и постоянные интересы общества и высшіе интересы жизни въ противовѣсъ интересамъ богатства. Далѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что экономическая свобода обладаетъ свойствомъ самоуничтоженія. Она можетъ вести къ образованію монополій, къ преобладанію отдѣльныхъ личностей или соціальныхъ группъ; отдѣльная личность можетъ путемъ договора лишить себя своей свободы; наконецъ, можетъ наступить состояніе, при которомъ отдѣльная личность не можетъ защищать своихъ интересовъ, или потому, что она не можетъ болѣе соблюдать контроля надъ тѣмъ, чего требуетъ обмѣнъ (поддѣлка товаровъ), или потому, что она недостаточно сильна по отношенію къ внѣшнимъ условіямъ, при которыхъ она должна заботиться о своемъ существованіи (кризисы, безработица). Необходимы поэтому огромныя силы, которыя выступили бы противъ господства монополіи и дѣлали бы возможнымъ уравненіе интересовъ, соперничающихъ между собой соціальныхъ противорѣчій, для того, чтобы охранить общество отъ односторонняго развитія; необходимы соціальныя учрежденія, которыя поддерживали бы отдѣльную личность тамъ, гдѣ ея личныя силы оказываются недостаточными. Поэтому государству и общественнымъ корпораціямъ должна быть вообще предоставлена возможность положительной дѣятельности и регулирующаго вмѣшательства, но также необходимо поддерживать соединеніе отдѣльныхъ личностей для общей охраны ихъ интересовъ.

Всѣ подобныя мѣропріятія, направленныя къ ограниченію собственности, экономической свободы, сферы дѣйствія индивидуальныхъ интересовъ, на положительное сотрудничество государства и общинъ въ дѣлѣ обезпеченія благами, всѣ корпораціи и общественные союзы отдѣльныхъ личностей для общаго труда не должны, однако, снимать съ индивидуумовъ лежащей на нихъ задачи за-

ботиться о себѣ и своей семьѣ. Они должны только дать ему возможность нести эту индивидуальную отвѣтственность. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что жизнь отдѣльныхъ личностей все болѣе и болѣе опредѣляется соціальными фактами, т.-е. фактами, которые даны безъ его содѣйствія, благодаря общественной связи людей, раздѣленію труда и обмѣну, общему состоянію образованія, техники, политической организаціи и культуры. Лишь при самыхъ примитивныхъ условіяхъ индивидуальная отвѣтственность опирается вполнѣ на индивидуума и его ближайшихъ родственниковъ; чѣмъ сложнѣе общество и чѣмъ тоньше культура, тѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе условія жизни, тѣмъ больше количество тѣхъ предпосылокъ, которыя необходимы для дѣятельности отдѣльныхъ личностей, которая опредѣляется обществомъ. Достаточно только сравнить противоположность между крестьянскимъ и городскимъ обществомъ, между сельскохозяйственными и промышленными предпріятіями, простой культурой пастушескаго или охотничьяго народа и современной европейской культурой. Индивидуальная отвѣтственность не имѣетъ поэтому одинаковаго матеріальнаго содержанія, независимо отъ времени и мѣста, она должна скорѣе означать: Отвѣтственность за разумное и не противорѣчащее интересамъ общества использованіе представляемыхъ человѣческимъ обществомъ и учрежденіями, основанными на солидарности, возможностей къ самоутвержденію. Этой, ограниченной такимъ образомъ, отвѣтственности отдѣльной личности соотвѣтствуетъ отвѣтственность общественныхъ организацій. Если отъ отдѣльной личности требуется самоограниченіе и вниманіе къ интересамъ другихъ и къ постоянному благосостоянію общества, то въ такомъ случаѣ этой связанности личности должна соотвѣтствовать также и обязанность общества создавать, въ соотвѣтствіи съ матеріальными и духовными силами своего времени, такія учрежденія и такой порядокъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ это самоутвержденіе личности. Такимъ образомъ, индивидуальная отвѣт-

ственность сопровождается соціальной отвѣтственностью въ двоякомъ отношеніи: отвѣтственностью индивидуума по отношенію къ обществу и отвѣтственностью общества по отношенію къ индивидууму. Мѣра свободы, предоставляемая, согласно этому, отдѣльной личности въ конкретной дѣйствительности, размѣры того участія, которое обще-хозяйственные, государственные, коммунальные, кооперативные, или другіе свободные союзы должны имѣть въ обезпеченіи благами и въ мѣновомъ строѣ, границы области, подлежащей регулирующему принужденію, отношенія, въ которыхъ отдѣльныя профессіи и классы вовлекаются въ кругъ соціальнаго регулированія и заботъ, все это—вопросы, отвѣтъ на которые и раздѣляетъ современныя партіи. Но это раздѣленіе уже болѣе не опредѣляется противоположностью между крупными экономическими принципами, какъ она выразилась въ борьбѣ между органическимъ и атомистическимъ міровоззрѣніемъ на государство и общество. Эти противорѣчія уже недостаточны для того, чтобы объяснять соціально-политическіе идеалы партій. Дѣйствительнсть обнаруживаетъ сильное приближеніе позицій либеральной и консервативной партій по отношенію къ основному пониманію общества и позиціи государства. «Безграничная свобода» въ области промышленности и обмѣна, которой нѣкогда требовала либеральная теорія и, какъ идеалъ, превозносила въ борьбѣ противъ устарѣвшихъ соціальныхъ учрежденій и государственной опеки, въ дѣйствительности издавна уже сдѣлалась «упорядоченной, экономической свободой», которая была признана консперативной и реформаторской партіями единственно справедливой. Оправданіе, даже необходимость организаціи профессій, образованіе корпорацій для общаго управленія дѣлами, касающимися ихъ членовъ, ощущаются всѣми такъ сильно, что имѣются уже во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни. Какъ на характерный примѣръ, укажемъ на тотъ фактъ, что въ австрійскомъ парламентѣ въ 1902 г. законопроектъ, содержавшій въ себѣ основныя положенія принудительнаго соединенія сельскихъ хозяевъ въ профессіональныя товарищества, и ко-

торый подлежалъ бы санкціи со стороны ландтаговъ, получилъ одобреніе всѣхъ партій, начиная отъ крайней правой до крайней лѣвой. Точно такъ же никакого противодѣйствія не встрѣчаетъ уже принципіальное оправданіе, даже обязанность государства къ созданію правового строя, регулирующаго хозяйственную жизнь, ограничивающаго собственность и свободу обмѣна, а также и къ положительной дѣятельности при помощи матеріальныхъ средствъ и личныхъ силъ государственнаго управленія, къ облегченію и поддержкѣ промышленныхъ и производительныхъ занятій, къ устраненію или смягченію опасностей, которыя угрожаютъ неимущимъ, въ особенности, со стороны частно-экономической организаціи народнаго хозяйства. Вполнѣ свободно можно поэтому говорить о томъ, что произошло сліяніе либеральнаго воззрѣнія, прежде всего подчеркивающаго свободу индивидуума, и органическаго воззрѣнія на государство и общество, желавшаго представить индивидуума, какъ члена естественныхъ или историческихъ общежитій. Изъ этихъ обоихъ противоположныхъ элементовъ создаются представленія о строѣ и состояніи общества, о положеніи индивидуума среди всего соціальнаго зданія, частью котораго онъ является, и о положеніи государства, какъ самой могущественной соціальной организаціи, снабженной принудительной силой по отношенію къ потребностямъ свободы индивидуума и требованіямъ самостоятельности свободныхъ соціальныхъ организацій, существующихъ наряду съ государствомъ. Оріентированіе въ цѣляхъ партій по общимъ точкамъ зрѣнія, которыя являются руководящими для рѣшенія вопроса о значеніи системы хозяйства, является поэтому чрезвычайно затруднительнымъ. Въ настоящее время борьба идетъ уже не за принципы, но за степень ихъ значенія и за то положеніе, которое профессіи и классы должны занять въ соціальномъ строѣ и тѣмъ самымъ въ использованіи доставляемыхъ имъ преимуществъ. Это состояніе необходимо должно вести къ тому, что рѣшающее вліяніе на рѣшеніе этого вопроса оказываетъ собственное профессіональное положеніе и классовая принадлежность. Такъ какъ частная

собственность и ея примѣненіе являются основаніемъ нашего общественнаго строя, то каждый вынужденъ соблюдать свои хозяйственные интересы и осуществлять ихъ въ предѣлахъ всего цѣлаго. Этотъ взглядъ прежде всего имѣлъ руководящее значеніе для сильнаго выступленія организацій въ настоящее время. Крестьянскіе союзы, союзъ сельскихъ хозяевъ, сельскохозяйственныя профессіональныя представительства, промышленные и купеческіе союзы, торговыя и промысловыя палаты, союзы предпринимателей, профессіональные союзы рабочихъ и представителей либеральныхъ профессій, частныхъ служащихъ, врачей, словомъ, всѣ разнообразныя организаціи, образованы не только для защиты условія труда ихъ членовъ, но и для защиты ихъ интересовъ во внѣ, по отношенію къ другимъ профессіямъ и классамъ; и лишь долгъ самосохраненія заставляетъ ихъ въ виду крупнаго значенія, которое придается регулирующей и поддерживающей дѣятельности государственнаго управленія, желать пріобрѣсти вліяніе на экономическую политику государства, для того, чтобы на ихъ экономическіе и классовые интересы были обращены именно тѣ заботы, которыя дѣлаютъ возможнымъ повышеніе, или, по крайней мѣрѣ, сохраненіе ихъ положенія въ соціальномъ общежитіи. Это развитіе не свободно отъ новыхъ опасностей. Благодаря ему, борьба за экономическую политику и за власть въ государствѣ изъ борьбы за значеніе общихъ принциповъ, цѣнность которыхъ измѣряется благомъ цѣлаго, становится борьбой за значеніе экономическихъ и соціальныхъ интересовъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ группъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ этомъ спорѣ изъ-за своего соціальнаго значенія каждая группа старается доказать тождественность своихъ отдѣльныхъ интересовъ съ интересами общества; подобное утвержденіе, вѣдь, есть лишь отраженіе того факта, что въ общественномъ организмѣ многіе члены одинаково необходимы, и для того, чтобы все цѣлое процвѣтало, должны взаимно поддерживать другъ друга и выполнять свои обязанности. Благодаря этому, экономическая политика становится политикой интересовъ и силы соціальныхъ группъ. Тогда

уже въ качествѣ побудительной причины желаній и дѣйствій отдѣльныхъ личностей дѣйствуетъ не идеалъ общественнаго состоянія, обнимающаго жизнь всѣхъ членовъ общества, но частнохозяйственныя выгоды этихъ личностей.

Тенденція къ подобному преобразованію соціальнополитическаго идеала слишкомъ часто проявляется въ наше время. Она должна была бы принять всеобщій характеръ и представить міру удивительное зрѣлище того, какъ индивидуализмъ, вслѣдствіе своихъ собственныхъ силъ, разрушающихъ общество, побѣждается организаціями, которыя именно и продолжаютъ дѣло разрушенія путемъ обособленія профессій и классовъ, если бы, наряду съ отдѣльными интересами профессіональныхъ группъ не оказывали бы свое дѣйствіе общіе идеалы и силы, которыя стоятъ надъ групповыми интересами. И если даже при обсужденіи экономической политики принципіальные вопросы отошли на задній планъ, все-таки въ каждомъ конкретномъ случаѣ сужденіе опредѣляется общими воззрѣніями объ обществѣ, которыя создалъ себѣ каждый въ отдѣльности. Эти воззрѣнія, однако, подчинены вліяніямъ, которыя возникаютъ независимо отъ экономическихъ интересовъ въ духовной и культурной атмосферѣ, въ которой воспиталась и живетъ отдѣльная личность. Когда мы разсматриваемъ эти вліянія, мы выступаемъ изъ области доказуемаго и объективно убѣждающаго—въ область субъективнаго міровоззрѣнія, которое зависитъ отъ интересовъ, болѣе высокихъ, чѣмъ интересы матеріальной жизни. Мы должны имѣть въ виду, что хотя при всѣхъ конкретныхъ соціальноэкономическихъ рѣшеніяхъ, необходимо принимать оцѣнки, которыя во многихъ случаяхъ основаны на экономическихъ сужденіяхъ и, слѣдовательно, на доказуемомъ основаніи, но что въ самыхъ важныхъ вопросахъ, касающихся организаціи народнаго хозяйства и положенія индивидуума въ обществѣ, одно только экономическое сужденіе недостаточно для рѣшенія. Оцѣнка индивидуальной свободы, по сравненію съ соціальными институтами, слѣдствія, которыя нужно вывести изъ принципа равноцѣнности чело-

вѣческой личности, оцѣнка соціальной дифференціаціи, авторитетъ высшей власти, отграниченіе самостоятельности и сферы власти стоящихъ на высшихъ ступеняхъ соціальной жизни, оцѣнка собственности, какъ средства утвержденія семьи, какъ побужденія къ общественной дѣятельности, какъ элемента, благопріятствующаго культурѣ, оцѣнка государства и общихъ интересовъ,—всѣ эти сужденія находятся подъ вліяніемъ, но не предопредѣлены (детерминированы) экономическими разсчетами; они зависятъ также и отъ того общественнаго идеала, который каждый носитъ въ себѣ. На этотъ идеалъ оказываютъ вліяніе различныя невѣсомыя обстоятельства; умственныя теченія времени, религіозныя идеи, нравственныя воззрѣнія, традиціи, вѣра, надежда, какъ самостоятельныя силы, которыя и не допускаютъ оріентировки лишь по экономическимъ интересамъ. Понятныя такимъ образомъ крупныя теченія, которыя въ XIX столѣтіи боролись за вліяніе въ государствѣ и обществѣ, еще въ настоящее время пріобрѣтаютъ творческую силу. Либеральное міровоззрѣніе съ его оцѣнкой индивидуума, стоящаго высоко, благодаря своему образованію и способностямъ; консервативное воззрѣніе, которое противопоставляетъ личной свободѣ ставшіе историческими соціальные институты и естественныя и соціальныя различія членовъ общества, цетралистической же власти государства противопоставляетъ не индивидуальную свободу, а федеративное преобразованіе общественной жизни и автономію корпорацій; соціалистическій идеалъ общества: абсолютная демократія и равенство условій жизни—своеобразно объединяютъ нравственныя и культурныя идеи нашего времени въ самостоятельные идеальные образы человѣческаго общества, которые господствуютъ надъ сердцемъ и умомъ людей, воспріимчивыхъ къ этому, и въ концѣ-концовъ опредѣляютъ ихъ отношеніе и къ экономическимъ вопросамъ. Но для экономической политики отсюда уже не вытекаетъ, какъ нѣкогда, абсолютныя противорѣчія. Либеральное воззрѣніе на государство и общество не можетъ уже быть отождествляемо съ одностороннимъ покровительствомъ капитализму, а консервативное и со-

ціалистическое воззрѣнія уже не могутъ обозначаться какъ принципіальное отрицаніе капитализма. Капитализмъ сдѣлался фактомъ народнаго хозяйства, организующая сила и экономическая производительность котораго стали для насъ необходимыми. Вражда по отношенію къ капитализму, возможная съ каждой изъ выше приведенныхъ точекъ зрѣнія, не можетъ означать: разрушеніе того, что создалъ капитализмъ и возвращеніе къ старымъ формамъ хозяйства, но преобразованіе и развитіе для того, чтобы организующія и производительныя силы общества были бы сохранены, а его вредныя слѣдствія—устранены. Всѣ партіи въ настоящее время хотятъ принимать участіе въ этомъ преобразованіи, каждая несетъ въ себѣ реформаторскій элементъ и каждая защищаетъ требованія, заложенныя въ самой природѣ общественной жизни. Экономическая политика показываетъ намъ поэтому въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, картину непрестанныхъ компромиссовъ, а не какъ это имѣло мѣсто въ либеральную эпоху, осуществленіе одного простого принципа. По всей видимости, это чередующееся подчеркиваніе частнохозяйственной свободы и дѣятельности общественныхъ корпорацій, самоурегулированія мѣновыхъ отношеній и регулирующаго вмѣшательства государства или организованныхъ обществъ, забота то объ одной, то о другой группѣ еще надолго останется характерной чертой экономической политики,—пока не образуются прочныя мнѣнія о цѣлесообразныхъ границахъ индивидуальной свободы и соціальнаго строя, индивидуальной и корпоративной, частнохозяйственной и общественной дѣятельности.

По отношенію къ этому развитію, соціализмъ претендуетъ на особое положеніе. Онъ полагаетъ, что это развитіе можетъ привести черезъ капитализмъ лишь къ уничтоженію частной собственности и къ полной соціализаціи производства, а слѣдовательно и распредѣленія, на какомъ основаніи лишь и послѣдуетъ абсолютное упроченіе индивидуальнаго существованія. Въ этой идеальной картинѣ общества имѣется поэтому отказъ отъ индивидуальныхъ экономическихъ интересовъ, какъ движущаго начала соціаль-

но полезнаго дѣйствія, такъ что соціальный строй спирается исключительно на идеальныя, этическія силы, какъ чувства долга и общности, или на принудительную власть большинства. Отчужденность этой конструкціи отъ дѣйствительности дѣлаетъ соединеніе ея съ конкретными соціально-политическими проблемами современности невозможнымъ, а по марксистской теоріи развитія, даже ненужнымъ, такъ какъ конечная цѣль соціализма создается самимъ автоматическимъ движеніемъ хозяйства. Это основное отдѣленіе соціалистическаго идеала отъ идеаловъ другихъ партій, несомнѣнно, не остается безъ вліянія на воззрѣнія и нравы въ широкихъ кругахъ населенія, но соціально-политическія цѣли для современности изъ того не вытекаютъ. Эти цѣли возникаютъ, скорѣе, благодаря тому, что соціализмъ представляетъ интересы неимущихъ рабочихъ, какъ классовые интересы, и что онъ считаетъ возможнымъ осуществленіе демократическихъ принциповъ вплоть до самыхъ ихъ конечныхъ выводовъ также и въ области общественной организаціи. Благодаря этому, отдѣленіе отъ другихъ партій становится лишь теоретическимъ, въ дѣйствительности и соціализмъ долженъ принять существующіе факты, какъ предпосылки новой организаціи общества, по отношенію къ которой онъ занимаетъ позицію съ точки зрѣнія демократіи и интересовъ рабочихъ. То обстоятельство, что его общественный идеалъ выходитъ за предѣлы цѣлей даннаго момента, оказываетъ вліяніе, какъ и у другихъ партій, лишь на направленіе его рѣшеній и предпріятій, и у соціализма точно такъ же, какъ и у всѣхъ другихъ партій, можетъ возникать согласіе въ отдѣльныхъ вопросахъ съ его принципіальными противниками.

Изслѣдованіе вопроса, въ какой степени, благодаря посредничеству политическихъ партій, различныя основныя воззрѣнія на государство и общество, дѣйствительно, проявляются въ современной экономической политикѣ, составило бы особую задачу, не подлежащую здѣсь разрѣшенію. Въ теченіе этихъ лекцій мы часто имѣли случай указывать на факты экономической политики и на измѣненія въ организаціи народнаго хозяйства, которыя показываютъ намъ экономическую политику настоящаго времени, какъ соединеніе различныхъ элементовъ. Отъ того, въ какой степени эти элементы могутъ быть слиты въ одно единое цѣлое, будетъ зависѣть, проложитъ ли себѣ дорогу единый идеалъ соціальной политики. Нѣкоторыя крупныя идеи выступаютъ, несомнѣнно, уже и въ настоящее время, какъ основныя идеи, какъ современной, такъ и будущей экономической и соціальной политики: возможно большая автономія объединеннаго государственнымъ порядкомъ народнаго хозяйства, при развитіи всѣхъ заключающихся въ немъ, производительныхъ силъ, обезпеченіе основныхъ условій существованія, при помощи общественныхъ корпорацій, защита личности и улучшеніе условій жизни неимущихъ классовъ, кооперативная и всякая иная свободная организація экономическихъ группъ, переходъ часто монополистическихъ предпріятій, имѣющихъ общественное значеніе, въ руки государства. Безъ сомнѣнія, мы еще не пришли къ концу преобразованій общества. Но эти преобразованія не застаютъ уже неподготовленной и безпомощной ни одну группу и государства равнодушнымъ къ ея судьбѣ. Какія преобразованія претерпѣло само государство въ теченіе XIX столѣтія, какъ изъ учрежденія опеки оно сдѣлалось общей опорой для интересовъ общества и регуляторомъ обмѣна при содѣйствіи всѣхъ участвующихъ—это требуетъ спеціальнаго изслѣдованія. Здѣсь же достаточно только указать на эти явленія.

Изумительно поистинѣ измѣненіе, которое произошло во всемъ обществѣ въ теченіе одного этого столѣтія, и велика задача, поставленная современному и будущему поколѣніямъ: подчинить огромныя орудія силы капитализма соціальному порядку, въ которомъ его производительныя силы, объединенныя съ основными формами общехозяйственнаго обезпеченія благами, служили бы благу общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Экономическій либерализмъ 3
2. Консерваторы 22
3. Соціализмъ 47
4. Соціальная политика 73
5. Аграріи 93
6. Современное положеніе 117